С. В. Потрашков

Харьковские полки

Три века истории



С. В. Потрашков

Харьковские полки:

Три века истории

Харьков «ОКО» 1998

ББК 68
П 20
УДК 93/99

Видання здійснено спільно з Харківським комунальним навчально-виховним комплексом з ліцеєм № 149 за сприяння Харківського регіонального відділення Міжнародного фонду «Відродження»

П $\frac{1301000000-37}{98}$ Без оголош.

ISBN 966–526–042–1

К читателям

Парадоксально, но, несмотря на сравнительно молодой возраст и удаление от границ, Харьков вполне может быть отнесен к городам с давними и богатыми военными традициями. Правда, нынешнее поколение хранит главным образом память о последней войне. События же удаленные от нас на столетия, совершенно скрываются во мгле времени. О них-то и рассказывается в предлагаемой Вашему вниманию книге. Военная история нашего города началась почти три века назад. Основанный как пограничная крепость, Харьков самим своим существованием был обязан образовавшемуся здесь одноименному казацкому полку. Нелегкой оказалась судьба казачества, заселившего и освоившего плодородные земли Слобожанщины. Ему пришлось пережить опустошительные набеги татар, разорительные реформы самодержцев, изнурительные походы в чужие земли, произвол и грабежи собственной старшины. В середине XVIII века казачество прекратило свое существование, уступив место регулярным воинским формированиям, сохранившим, однако, свои прежние названия. С той поры гусары, драгуны, уланы за полтораста лет службы пронесли имя нашего города от Каспия до Атлантики, от Балтийского моря до Эгейского. К началу нынешнего века бывшие казачьи полки оказались старейшими в армии и имели практически все виды существовавших в то время наград.

Но не только воинскими подвигами оказались славны харьковские полки. Из их рядов вышла плеяда деятелей отечественной культуры: Г. Квитка-Основьяненко, Н. Гербель, М. Юзефович, Е. Альбовский, Е. Балашов и другие, чьи имена мы сегодня, возможно, еще

не знаем. Как историку мне особенно хочется подчеркнуть то обстоятельство, что изучение прошлого нашего края началось с его военной истории и велось во многом усилиями полковых историографов. К сожалению, труды Е. Альбовского, Н. Гербеля, В. Потто давно стали библиографической редкостью и осели на полках отделов редких изданий. Последняя работа на эту тему вышла в 1914 году. Сегодня ни одна харьковская библиотека не может похвастать полным комплектом книг об истории слободских полков.

Поэтому появление настоящей книги можно приветствовать как возрождение традиции, прерванной несколько десятилетий назад, как очередной шаг на пути возвращения нашему народу исторической памяти.

Заместитель председателя
Харьковской областной
государственной администрации
кандидат исторических наук, доцент
В. Ф. Мещеряков

От автора

Тяга к познанию прошлого, пробудившаяся в нашем обществе в последние годы, заставила автора обратиться к богатой событиями истории харьковских полков. Сразу же оговоримся, что это понятие носит собирательный и несколько условный характер. Под харьковскими подразумеваются полки, возникшие в XVII веке на территории, ныне входящей в Харьковскую область, и получившие это наименование по названиям центров полковых поселений, которыми были Харьков, Изюм и Чугуев. Однако к числу харьковских по праву могут быть отнесены образовавшиеся тогда же два других полка с центрами в Сумах и Ахтырке, на протяжении более двух столетий также находившиеся в административном подчинении Харькова. Исходя из современного областного деления Украины, автор оставил их историю за рамками повествования. Харьковский и Изюмский казачьи полки относились к так называемым слободским, чугуевские казаки представляли самостоятельное формирование, имевшее особый статус. Тем не менее первые сто лет своего существования судьбы всех трех полков были тесно связаны друг с другом. На полях сражений они появлялись вместе и нередко действовали как единое воинское соединение. В дальнейшем их боевые пути разошлись, но еще в течение столетия их существование было непосредственно связано с Харьковщиной. А исторические названия, сохранившиеся после превращения казаков в регулярные кавалерийские части вплоть до 1918 года напоминали о происхождении полков и традициях предшествующих поколений.

Без малого три века насчитывает история харьковских полков. Они принимали участие почти во всех войнах, которые вела Россия, достойным образом разделяли славу ее побед и горечь поражений. Их боевая биография отмечена всеми видами почетных наград, существовавших в старой русской армии: Георгиевскими штандартами, серебряными Георгиевскими трубами, знаками «За отличие» на головные уборы. С историей полков в разное время оказались связаны судьбы выдающихся деятелей отечественной истории и культуры: легендарного казацкого атамана Ивана Сирко, фельдмаршала М. Б. Барклая де Толли, украинского писателя Г. Ф. Квитки-Основьяненко, историка Е. Альбовского и многих других.

Несмотря на столь впечатляющие заслуги, история трех названных полков практически неизвестна широкому кругу читателей. Современники находили ее поучительной и достойной внимания, но вышедшие из-под их пера книги давно уже стали библиографической редкостью. Среди тех, кто обращался к истории харьковских полков, были и маститые ученые, и дилетанты-любители. И если труды Д. И. Багалея и Е. А. Альбовского до сегодняшнего дня не утратили своей научно-познавательной ценности, то сочинения Н. Гербеля и Н. Хлебникова представляются во многом наивными и тенденциозными. Но все эти книги, плохие или хорошие, являются важными историческими источниками, ибо в их основе лежат уникальные документы, большая часть которых теперь безвозвратно утеряна. Отдавая должное историкам прошлого, автор на страницах этой книги упомянул о наиболее выдающихся документах, а в конце ее поместил список основных трудов, имеющих непосредственное отношение к теме.

Опираясь на заложенную предшественниками солидную научную базу, автор проделал немалую самостоятельную работу. Проработано множество общих и специальных исторических исследований, сборников документов, ибо даже известные факты из истории полков нередко требовали уточнения. Освещению последних десятилетий их существования (участия в первой мировой войне и революциях) помогли архивные документы.

К повествованию об истории харьковских полков тематически примыкает рассказ о харьковских ополчениях с 1807 по 1914 год. Эти страницы прошлого нашего города и края также были до последнего времени «белыми пятнами». Между тем они интересны и как свидетельство прямой причастности Харьковщины к великим событиям, совершавшимся далеко за ее пределами, и с точки

зрения отношения к ним представителей различных слоев населения. Вторая часть книги также базируется преимущественно на архивных материалах. Чтобы оживить сухие исторические факты, дать возможность читателям достоверно представить людей и события далекой от нас эпохи, книга снабжена большим количеством иллюстраций, представляющих портреты исторических лиц, батальные сцены, образцы обмундирования и вооружения, знамена и т. п. Они взяты из редких старинных изданий, среди которых упомянем «Историческое описание одежды и вооружения российских войск», составленное в прошлом веке «по высочайшему повелению» А. В. Висковатовым.

ХАРЬКОВСКИЕ ПОЛКИ

НАЧАЛО ИСТОРИИ

В течение столетия — с середины XVII до середины XVIII века — слободские казаки были важным звеном в цепи казачьих войск, охранявших рубежи России.

Возникновение слободского казачества связано с заселением и освоением в XVII веке обширной территории между реками Псел и Дон на южной окраине Московского государства (ныне территория Сумской, Харьковской и севера Донецкой областей Украины, часть территории Белгородской и Воронежской областей России). Земли эти, входившие прежде в состав Древнерусской державы, пришли в запустение после монгольского нашествия и с тех пор именовались в народе просто «дикое поле». Покой необозримой и безлюдной степи нарушали лишь отряды крымских татар, направлявшихся по степным тропам — *сакмам* — в очередной набег на русские земли. Дабы оградить от набегов свое государство, русские цари, начиная с Ивана Грозного, укрепляли южную границу. По их повелению насыпались валы, рубились засеки, строились крепости, заселялось «дикое поле» служилыми людьми. С конца XVI века сюда устремились украинцы из Речи Посполитой, спасаясь от феодального, национального и религиозного угнетения. Московские власти дружелюбно смотрели на переселение украинцев, царские инструкции приказывали пограничным воеводам, «чтоб тем выходцам... дурна и грабежу и кражи и никакова насильства ни в чем не делали и ничего не отымали и ни в чем оману не делали». Им было разрешено занимать пустующие земли, выдавалось денежное и хлебное жалование. Они же со своей стороны должны

были нести службу и прикрывать «государевы украйны» от нападений татар.

На освоенных землях переселенцы создали своеобразную административно-территориальную и военную организацию, получившую наименование слободских черкасских полков. «Название полков слободскими, — писал один из первых их историков Г. Квитка, — произошло от поселившихся слобод, кои переименованы местечками, а название черкасами потому, что первоначальные семейства, пришедшие для поселения... вышли из повета Черкасского, Староства Чигиринского, бывших в польском владении, за которыми и из других областей и разных племен приходившие... приняли наименование вообще черкасами».

Следует отметить, что в XVII веке термин «слободской» применительно к полкам и краю в целом известен не был. Первое его употребление в документах датируется 1732 годом. А с момента своего появления полки именовались просто по городам с непременным добавлением слова «черкасский».

Датой основания Харьковского, Изюмского и других слободских полков считался 1651 год. Датировка эта спорная, ибо не подтверждается архивными документами. Историограф Харьковского полка Евгений Альбовский считал, что «стоящий на знаменах полка год можно объяснить годом появления черкас на харьковском городище, пришедших, как это допустить можно, уже с воинским устройством». Историк Изюмского полка Николай Гербель связывает эту дату с появлением переселенцев в районе современного Изюма и основанием там укрепленного поселения, названного Изюмский Окоп. Действительно, исторические хроники свидетельствуют, что после поражения в 1651 году под Берестечком и заключения с Польшей тяжелого для Украины Белоцерковского договора, гетман Богдан Хмельницкий «позволил утесняемому от ляхов народу вольно сходить из городов... в Великую Россию на житье. Из того времени начали оседать Сумы, Лебедин, Харьков, Ахтырка и иные слободские места аж до реки Дону казацким народом». Очевидно, именно память об этом массовом исходе украинского населения на территорию нынешней Харьковщины и побудила позже считать именно 1651 год датой возникновения Харьковского и Изюмского полков. На самом деле процесс формирования полковой системы занял достаточно длинный промежуток времени. Историк В. Данилевич датировал окончание этого процесса для Харьковского полка между августом 1659 и апрелем

1660 года. Изюмский полк как самостоятельная единица выделился из Харьковского в 1688 году.



Хорунжий

С зарождением полка связано и основание города. Из челобитной воеводы Селифонтова следует, что в 1654 году харьковские черкасы проложили дорогу по Чугуевскому уезду. Это значит, что в 1653 году Харьков уже существовал. В другой челобитной — попа «Иванища» Анфимова белгородской церкви Св. Николая Ратного — упоминается, что в 1654 году в церковной вотчине по рекам Харьков и Лопань «построились и живут черкасы» и «прежь» того пришло 37 человек. А за 1655 год есть «Список харьковским черкасам». В нем 588 казаков, разделенных на 6 сотен, во главе атаман — Иван Федорович Кривошлык. В 1656 году в Харьков назначен воевода строить крепость и «черкас ведать во всем».

Неожиданно царский наместник столкнулся с трудностями. Оказалось, что харьковские жители уже построили крепость-острог, «по своему черкасскому извычаю низок и редок»; когда же воевода Селифонтов решил перестроить его и повел «на городовое дело бревна возить», черкасы «учинились непослушны», объявив, что «делать нам такой острог не в мочь и всем де нам от такова острожного дела разбрестись розно потому что... мы людишки бедные голодные еще пашни не распахали и хлебом не обзаводились и дворами не построились».

Воевода написал жалобу самому царю, сетуя на харьковских черкас, которые «острожного дела не делают и... на отъезжие сторожи... не ездят и в приказную избу сторожей и деньщиков... не дадут и для твоего государева дела послать по них некова и беспрестанно пьют бражничают и унять их неким...». Но Москва хранила молчание, не желая конфликтовать с новыми подданными, ясно сознавая пользу от них для безопасности южных рубежей.

В конце концов к 1658 году крепость была построена. В ней на вооружении находилось семь пушек, 149 ядер — и ни одного

пушкаря. В следующем году пушек стало девять, пушкарей по-прежнему не было. Да и самой артиллерии для такого большого острога было маловато. Сохранилось подробное описание крепости, относящееся к 1663 году: «Харьков город ставлен дубовым острогом с обламы (брустверы) и з котки (бревна для скатывания на неприятеля. — *Авт.*) и з помосты и з засыпными тарасы (стена, состоящая из двух рядов бревен, между которыми насыпана земля, камни и т. п., а сверху устроен бруствер. — *Авт.*)... тын и ров около города в глубину и в ширину дву сажен а по городу в стенах десять башен все крыты драныо... по городу наряду десять пищалей железных одинацатая медная да пищаль затиная а к одинацати пищалем железных ядер четыреста два ядра да в казенном же погребе зелейныя казны восемь бочек больших и малых...».

Город рос, и к 1670 году к крепости была сделана пристройка — «острог стоячим дубовым лесом с обламы и с котки... в остроге 3 проезжие башни да башня глухая по мере острожные стены меж тех башен — 243 сажень». Гарнизон состоял из 80 человек — «детей боярских городовыя службы» — да 135 полковых казаков, оставленных «для бережения города от приходу воинских людей». Со временем гарнизон значительно вырос: в 1673 году одних только «черкас городовыя службы» стало 1162 человека, правда, вооружены из них были только 13. За всю историю своего существования Харьковской крепости не довелось пережить ни одной осады, ни одного штурма. Единственный случай боевого применения ее артиллерии зафиксирован 11 марта 1668 года. Палить пришлось не по туркам или татарам, а по своим же бунтовщикам. При этом одну пушку разорвало. Сказанное отнюдь не умаляет значения крепости как убежища, не единожды служившего спасением окрестному люду от всякого рода налетчиков и грабителей.

Понятие «слободской полк» включало в себя определенную территорию со всеми находящимися на ней городами, селами и хуторами, объединенную под верховенством выборного лица — полковника, обладавшего в пределах полка фактически неограниченной властью. Выбирался полковник полковой старшиной, как правило на пожизненный срок. Он ведал всеми военными, административно-хозяйственными, судебными делами. Издаваемые им указы-универсалы имели силу закона. Власть полковника символизировали так называемые клейноды: полковничья булава-пернач, украшенная золотом или серебром с драгоценными камнями, зна-

мя с изображением святого — покровителя полка, полковая печать и полковая музыка.

Первое упоминание о полковнике в Харькове относится к 1660 году, но имя его неизвестно. В 1664—1665 и 1667 году под титулом Харьковского полковника встречается имя Ивана Дмитриевича Сирко — легендарного кошевого атамана запорожских казаков. В это время он с семейством проживал в им же основанной слободе Артемовка, в окрестностях Харькова. Слава бесстрашного кошевого — грозы басурман — достигла и Слобожанщины, и местные казаки выбрали Ивана Сирко полковником. За успешное отбитие татарского полона под Балаклеей Сирко был награжден царским жалованием. Но мятежная душа казацкого вожака не знала покоя. В 1668 году Сирко выступил на стороне И. Брюховецкого, взбунтовал окрестных черкас и после неудачной попытки захватить Харьков навсегда покинул пределы края.

В том же году на короткий срок полковником стал Федор Репка. Однако есть основания полагать, что первые полковники не были таковыми в полном смысле этого слова, а являлись лишь военными вождями харьковских казаков. Первым полковником, чьи полномочия подтверждены жалованной грамотой царя Алексея Михайловича, был Григорий Ерофеевич Донец. Ко времени его правления (1668—1691 гг.), очевидно, и относится завершение создания Харьковского полка как административно-территориальной единицы. Он же стал основателем г. Изюма (1681 г.) и Изюмского полка (1688 г.). А первым полковником Изюмского полка стал его сын — Константин Григорьевич.

В истории Харькова и Харьковского полка Григорий Донец — фигура заметная, а поэтому заслуживает особого внимания. Происхождение его до сих пор остается загадкой. Д. И. Багалей считал, что фамилия Донец указывает на выходца с Дона. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что Донской атаман в письмах к Харьковскому полковнику именует его как старого знакомого — полковником Грицком. Сам Григорий Ерофеевич распространял версию, согласно которой он принадлежал к польскому шляхетскому роду Захаржевских. Оттого и его потомки стали писаться Донец-Захаржевскими. Евгений Альбовский, изучив многие документы, решительно отвергал сказку о «шляхетном» происхождении Григория Донца и дал ему следующую характеристику: «Это простой казак, энергичный, умный, хотя даже неграмотный... несправедливый к своим подчиненным, хитрый и до крайности жадный



Казак

к наживе». Почти четверть века «простой и жадный к наживе» казак стоял во главе Харьковского полка. Отличился во многих сечах с татарами, присоединил к своему полку соседний — Балаклейский, создал новый полк — Изюмский и стал основателем старшинского рода, давшего слободским полкам пять полковников (двух — Харьковскому, двух — Изюмскому и одного — Сумскому).

В своей деятельности полковник непосредственно опирался на полковую старшину: обозного, судью, есаула, хорунжего, писарей. Полковой обозный ведал артиллерией и крепостями. Он же мог замещать полковника в случае болезни или отъезда. Есаул выступал в качестве помощника в чисто военных делах. Хорунжий командовал полковой гвардией — хорунжевыми казаками, полковой музыкой и оберегал полковое знамя. Два полковых писаря-секретаря вели: один военные, другой гражданские дела. Для решения важных вопросов жизни полка старшина во главе с полковником собирались на совет — полковую раду, где все имели при голосовании один голос, а полковник — два.

Полк в административном и военном отношении делился на сотни. Численность сотен и их количество в полку были в разное время неодинаковы. Власть в сотнях строилась по образцу полковой: сотник, судья, есаул, хорунжий и писари составляли сотенную старшину. Сотника выбирала полковая старшина, а сотенную — он подбирал себе сам.

Все население полка составляли казаки, мещане и крестьяне. Основным элементом были, конечно, казаки. Они делились на две большие группы: выборные казаки (они же ранговые, реестровые или регистровые, они же компанейцы) и подпомошники. Первые должны были нести военную службу, вторые — снаряжать их для этого, снабжать провиантом и т. п. На одного выборного казака

приходилось от двух до восьми подпомошников. Число выборных к концу XVII века составляло в Харьковском полку 850 человек. Вооруженные пиками, саблями, пистолетами и ружьями, конные компанейцы и составляли собственно полк как военную единицу.

Хотя территория Слободской Украины считалась частью Российского государства, она пользовалась практически полной внутренней автономией. Властные функции центра ограничивались утверждением в должности избранных полковников: сначала Белгородским воеводой, позже — специальными царскими грамотами.

Чугуевский полк возник иначе, чем Харьковский и Изюмский.

Начало ему было положено основанием Чугуевской крепости по указу царя Михаила Федоровича от 20 февраля 1626 года. Крепость, предназначенная охранять южные рубежи Московского государства, была населена стрельцами и служилыми людьми Белгородского воеводства. В 1638 году в Чугуеве появилась большая группа украинских казаков во главе с гетманом Яковом Остряницею. Пребывание их было недолгим. В 1641 году вследствие внутренних раздоров гетман был убит, а большая часть переселенцев покинула Чугуев. Тогда Михаил Федорович повелел «черкасские дворы в Чугуевском остроге со всякими пожитками» отдать стрельцам, которые пожелают поселиться там «навечно». Таким образом, Чугуев возник и развивался как русский город. Оружие, порох и хлебное жалование его жители получали от казны, за что получили название «царских кормовых казаков». Значительную роль в процессе формирования из чугуевцев особого военно-служилого сословия сыграло введение в середине XVII века так называемых «поручных записей». Казаки, перед именем царя, поручались друг за друга, чтобы им «с Чугуева не сбежати и Государю не переменить... и Государева денежного и хлебного жалованья... не пропить и не проворовать... и с Государевыми недругами никакими воровскими грамотками не ссылатьца».

В отличие от слободских казаков, чугуевцы прямо подчинялись Белгородскому воеводе и числились в составе Белгородского полка.

В 1658 году чугуевские казаки участвуют в походе русского войска под Смоленск. Известно, что в этот поход они выступили под собственным знаменем из алой тафты с изображением святых угодников Дмитрия Солунского и Георгия Победоносца, следовательно, представляли собой самостоятельную воинскую единицу.

Из изложенного следует, что Чугуевский полк ведет свое существование со времени царя Алексея Михайловича, но на скобе Ге-

оргиевского штандарта значился 1698 год. Последнее обстоятельство можно объяснить тем, что надпись сделана в 1838 году, когда еще были неизвестны многие факты, относящиеся к XVII веку. А 1698 год выбран потому, что в этом году Петр I, приказав упразднить все поместные войска, сделал исключение для трех сотен чугуевских казаков, к которым были присоединены поселенные здесь же крещеные калмыки. Таким образом, официальная дата возникновения Чугуевского полка так же условна, как Харьковского и Изюмского.

С момента своего появления слободские и чугуевские казаки оказались на переднем рубеже борьбы Русского государства с турецко-татарской агрессией. Большие и малые набеги на слободские земли случались практически ежегодно. Наиболее опустошительными были набеги в 1661, 1662, 1680, 1691 годах. В ходе только последнего из них было убито и уведено в плен более двух тысяч человек и угнано почти 10 тысяч голов скота, сожжено 65 дворов и один хутор. В 1679 году татары разорили Чугуев, в 1690 — ворвались в Изюм. Но, несмотря на большие жертвы в этой беспощадной войне, росла и сила ответного сопротивления. «Приходили под Чугуев с ногайской стороны из-за реки Донца татары... И под городом, государь, с твоими московскими стрельцами и со всякими чугуевскими служилыми людьми был бой. И Божьей милостью и твоим государским счастьем татар от города отбили, слободы жечь не дали и многих татар побили и переранили...» — рапортовал в Москву чугуевский воевода князь Голицын в 1641 году. Харьковские казаки под водительством своего полковника Григория Донца не раз наносили врагам жестокие удары. В 1672 году он разбил татар под Мерефой. В 1679 году разгромил десятитысячную орду под стенами Харькова, «многих побил, в реках потопил и разогнал по лесам». На следующий год снова разбил татар, на этот раз у Золочева. Тогда же казаки Харьковского полка начали строительство двухсотверстного защитного вала по рекам Донец и Мжа.

В 1693 году Федор Григорьевич Донец, ставший Харьковским полковником после смерти отца, отразил набег султана Нураддина с 15000 татар и турок, причем взял в плен 14 «важных поганцев».

В постоянных битвах совершенствовалось воинское искусство казаков: умение совершать быстрые переходы и внезапные нападения, действовать из засады, а если придется — «сидеть в осаде». В одном документе, датированном 1697 годом, где речь идет о посылке



Бой Харьковского казачьего полка со шведами под Веприком. Художник Дьяченко

войск на отражение очередного набега татар, о чугуевцах сказано: «Чаем их такими людьми многих не упустят».

Серьезным испытанием для слободского казачества стали события, связанные с интригами гетманов И. Выговского (1658 г.) и И. Брюховецкого (1668 г.). Во имя удовлетворения собственных политических амбиций эти представители украинской шляхты пытались разорвать союз с Россией и искали покровительства у ее врагов — Речи Посполитой и Османской империи. Призывы гетманов «отложиться» от России не встретили поддержки у слобожан. Разгневанный Брюховецкий послал против них верных казаков и своих союзников татар, которые «в Чугуевском и Харьковском уезде села, и деревни, и хлеб выжгли и многих людей побили и в полон поймали». Харьков встретил сторонников Брюховецкого пушечными залпами с крепостных стен, а полковник Ф. Репка нанес им поражение в бою под Змиевым.

Поведение слобожан во время мятежа было отмечено специальными грамотами Алексея Михайловича. Казаки Харьковского полка были пожалованы «за их... прежния и нынешния службы и за разорение, что им учинилось... после измены Ивашка Брюховецкого, и за осадное сидение отменой всех пошлин на занятие промыслами, прощением недоимок и возвращением взятых ранее оброков... всего на нынешний год и на прошлые годы две тысячи двадцать

пять рублев с полтиною...». Сумма по тем временам весьма значительная, свидетельствующая, как высоко ценили верность слободских казаков своему престолу российские монархи.

Слободские казаки не ограничивались лишь защитой собственных очагов от вражеских нападений. В составе русского войска они принимали участие в Крымских походах 1687 и 1689 годов. Хотя походы были неудачными, они свидетельствовали о серьезном стремлении русского правительства раз и навсегда покончить с очагом постоянной военной угрозы у южных границ. Их логическим продолжением стали Азовские походы Петра (1695—1696 гг.). Харьковские и Изюмские казаки состояли в армии Б. П. Шереметева, которая своим движением к низовьям Днепра должна была отвлечь внимание турок и татар от осажденного Азова. Слободские полки в этом походе находились под командой гетмана И. С. Мазепы. Вместе с украинскими казаками они принимали участие в осаде и взятии Кезикермена и других турецко-татарских крепостей на нижнем Приднепровье. После получения известия о взятии Азова казаки были отпущены по домам. Последний в XVII столетии поход с участием слободских казаков состоялся в 1698 году. Армия под предводительством князя Долгорукого подошла к самому Перекопу, но, так и не сумев преодолеть его укреплений, повернула назад.

В 1700 году с Турцией был подписан мир. Но для слободских казаков передышка оказалась недолгой. Их ждало новое поприще, на этот раз на берегах Балтики, в войне, получившей название Великой Северной.

Выступив в поход в октябре 1700 года, слободские полки прибыли на театр военных действий после разгрома русских войск под Нарвой. Они оказались в отряде Б. П. Шереметева, стоявшем в районе Пскова. Осторожный Борис Петрович, имея от царя приказ «ближних мест беречь и иттить в даль, для лутчаго вреда неприятелю», не рисковал вступить в открытый бой со шведами, а вел против них «малую войну». Казаки идеально подходили для таких действий. «Здесь, говорит историк, — они применили свою опытность и умение, выработанные в беспрерывной войне с татарами, роль которых они превосходно исполнили, внося страшные опустошения в землю неприятельскую, предавая все огню и мечу и забирая пленных обоего пола, словом, и сами татары не могли бы лучше очищать страну от жителей и их имущества». Тут же действовали и чугуевцы. «Чугуевские казаки и калмыки своими набегами

от Печерска-Монастыря в Ливонии много вредили неприятелю», — находим мы запись в «Журнале Петра Великого».

В декабре 1701 года Шереметев двинулся «за свейский рубеж» и нанес поражение отряду генерала Шлиппенбаха у Эрестфера. В сражении отличились слободские казаки. Они первыми начали бой, атаковав и уничтожив шведский авангард, а в конце его на протяжении трех километров преследовали бегущего противника. Победа у Эрестфера была первым крупным успехом русского оружия в Северной войне. В Москве в ее честь был дан пушечный салют. На радостях Петр I произвел Б. П. Шереметева в фельдмаршалы.

Летом 1702 года Шереметев снова вторгся в Ливонию и в битве под Гуммельсгофом, где участвовали и слободские полки, окончательно разгромил Шлиппенбаха. После победы фельдмаршал стал полным хозяином в Ливонии и разослал во все края отряды казаков для его разорения. Их действия оказались настолько успешными, что вскоре проблема снабжения встала и перед русскими войсками. Осенью Шереметев с богатой добычей вернулся в Псков. «Больше того быть стало невозможно, в конец изнужились, крайне обезхлебели и обезлошадели и отяготились по премногу как ясырем и скотом, и пушки везть стало не на чем...», — объяснял он Петру причины своего отступления. Тогда же «обезлошадевшие» слободские полки были отправлены на родину. Чугуевцы остались при армии и участвовали во всех крупных сражениях и осадах.

Осенью 1707 года на Дону началось широкое народное восстание, доставившее петровским властям наибольшие хлопоты и неприятности в самый разгар Северной войны. Движение возглавил атаман Трехизбянской станицы Кондратий Булавин. К весне 1708 года волнения охватили огромную территорию и докатились до Слобожанщины. Сюда двинулись булавинские атаманы Семен Драный и Никита Голый с отрядами донских, запорожских казаков и беглых крестьян. В начале июня около Валуек они разгромили Сумской полк, убив полковника и многих старшин. Харьковский полковник Федор Шидловский с Харьковским и Изюмским полками заступил путь булавинцам. Под вечер 1 июля в урочище Кривая Лука неподалеку от Тора (Славянск) разыгрался жестокий пятичасовой бой. Полторы тысячи повстанцев были порублены, потоплены в Донце и болотах и с ними атаман Драный. Поражение под Тором оказало губительное влияние на ход восстания: против Булавина казацкая старшина составила заговор, и он был убит, после этого движение пошло на убыль. Обрадованный Петр прислал



Петр I посещает Харьковскую крепость. Художник В. Вихтинский

на имя Шидловского грамоту, где «милостиво похвалял» казаков за верность, которую они «действом показали».

Снова под знамена харьковские и изюмские казаки были призваны во время вторжения Карла XII на Украину. В их задачу входило оборонять границы края и постоянными нападениями тревожить противника. Казаки исправно выполнили свой долг. Они висели на тылах шведов, ежедневно угоняли коней, убивая фуражиров и держа солдат в непрерывном напряжении. Переход Мазепы в шведский лагерь не повлиял на решимость слободских казаков противостоять нашествию. Универсалы гетмана не находили отклика у слобожан, а его приверженцы избивались наравне с захватчиками. В бумагах петровского писаря П. Н. Крекшина имеется запись, что казаки Чугуева составили «партию» в 250 человек и, атакованные 27 апреля 1709 года запорожцами-мазепинцами, одержали полную победу, изрубили до полутораста изменников и взяли в плен 29 человек.

В январе 1709 года неприятель вплотную приблизился к Слобожанщине. Харьков готовился к обороне: велено было заготовить лес для починки крепостных стен. Мера эта запоздала: в первых числах февраля Карл XII вступил в Слободскую Украину со своими драбантами, с семью или восемью кавалерийскими полками и ар-

тиллерией. Его путь лежал через Красный Кут на Харьков. Но 11 февраля у села Городное шведы столкнулись с русским отрядом. Произошел жестокий бой, в ходе которого король едва не попал в плен. «Известия об этом деле неясны, — писал Н. Костомаров, — достоверно только то, что это сражение, совершенно бесполезное для шведов, как и весь поход их в Слободской край, обессилило шведскую армию». В результате шведы повернули на юг — к Полтаве.

В апреле Харьков на короткое время становится центром, откуда Меншиков, ведавший военными делами на Украине, руководил ходом боевых действий. На пути в армию под Полтаву 2 июня царь Петр осмотрел Харьковскую крепость. Им были даны указания углубить ров, подсыпать валы, построить пять бастионов. Но все приготовления оказались ненужными: вскоре пришло известие о славной Полтавской виктории.

Скудость документальных материалов не позволяет восстановить все подробности участия Харьковского и Изюмского полков в отражении шведского нашествия. Известно, что полки были в боях со шведами у Опошни и под Веприком в январе 1709 года, но детали неизвестны. В Полтавской битве слободские казаки не участвовали, а после нее были оставлены охранять южные границы, на которые снова стали покушаться татары и нашедшие убежище у турок запорожцы-мазепинцы.

Северная война закончилась в 1721 году подписанием Ништадтского мира. В связи с этим событием Петр направил 18 сентября 1721 года Харьковскому полковнику Г. С. Квитке специальное послание. Сообщая о «прекращении так долговременной войны и заключении так славного и пожелаемого мира», царь повелевал «отправлять празднественное с молебным пением торжество в разные времена троекратно».

В октябре 1721 года в церквях Слобожанщины звонили колокола, вознося хвалу Богу «за такое миротворение в пользу верных своих...». Никто не думал, что колокола звонят и по казачьим вольностям и привилегиям, наступление на которые началось уже в год Северной войны.

ЗАКАТ ЭПОХИ КАЗАЧЕСТВА

Подобно другим казачьим войскам России главной обязанностью слободских казаков была военная служба. Все необходимое для нее вооружение и снаряжение, включая лошадей, казаки содержали за собственный счет. В награду за службу они освобождались от прочих повинностей и имели ряд льгот. К таковым относились: право беспрепятственно занимать пустующие земли, иметь особое «казацкое» устройство и самоуправление, беспошлинно заниматься всевозможными промыслами, содержать на откупе таможни, мосты, перевозы. Начиная с Алексея Михайловича каждый новый российский самодержец подтверждал привилегии слободских казаков специальными грамотами. Петр I первоначально не изменил этой традиции. Правда, в 1696 году он обложил подушной податью казаков-подпомошников, но слободские полковники подали челобитную, где разъясняли, что регистровые казаки не смогут исправно нести службу, если подпомошники сверх вспоможения им будут еще платить деньги в казну. Царские власти проявили заинтересованность в поддержании боеспособности слободских полков в 1700 году подушный налог был отменен. Впоследствии Петр повелел казакам «быть... во всем по-прежнему, в прежней вольности впредь до указа». В 1706 году, идя навстречу пожеланиям старшины, царь упразднил воеводские должности на слободских землях. Впрочем, казачьей верхушке не долго оставалось наслаждаться самостоятельностью и независимостью. Создание Петром централизованной административно-бюрократической системы управления государством неизбежным следствием имело ограничение и постепенную ликвидацию казачьих вольностей, в первую оче-

редь самоуправления. Начало этому процессу было положено изменением порядка выбора полковников. Новоизбранный полковник подлежал утверждению в должности самим царем. В случае если кандидатура царя не устраивала, он мог просто назначить угодное ему лицо. Это право царь использовал в 1710 году, когда был смещен и отдан под суд повздоривший с всесильным Меншиковым харьковский полковник Федор Шидловский. В течение следующих пяти лет Петр сменил в Харькове трех полковников.



Полковник

Со времени шведского нашествия слободские полки попадают в подчинение русского генерала — командира расквартированной в Украине дивизии регулярных войск. Этот генерал назначал полковую старшину и сотников, правда, по рекомендации полковника.

Перемены затронули положение не только верхушки, но и рядовых казаков. От них потребовалось исполнение неведомых прежде повинностей. Надо было на собственные средства снабжать провиантом и фуражом, содержать на постое солдат Украинской дивизии. С 1719 года слобожан, опять таки за собственный счет, начинают посылать на строительство Ладожского канала. «Канальные работы» продолжались до 1723 года и унесли жизни тысяч их участников.

При преемниках Петра жизнь слободских казаков не изменилась к лучшему. В 1726 году полки передают в ведение Военной коллегии. С этого времени, пишет Д. И. Багалей, «служба казаков сделалась чересчур суровой. Летом, когда начиналась жатва и сено-

кос, нужно было отбывать «кампаменты» — военные сборы. В царствование Анны из полков выделили регулярные роты, в которых уже была настоящая армейская муштра, а потом и регулярный гусарский полк; регулярному строю начали учить и всех казаков — все это отдаляло казака, хозяина и земледельца, от его хозяйства, за счет которого он жил и содержал свое семейство».

В 1725 году слободские казаки получили приказ снарядить отряд в тысячу человек и направить его сроком на год в прикаспийские провинции Персии, уступленные шахом России двумя годами ранее. Командование отрядом было доверено Харьковскому полковнику Григорию Семеновичу Квитке. В начале осени казаки прибыли в крепость Святого Креста (ныне Ставрополь), откуда вскоре направились в первую экспедицию в горы Дагестана. Им была поставлена задача «над супротивными и недоброжелательными ко Империи Российской чинить поиск...». За 18 дней «поиска» было убито 639 местных жителей, сожжено 20 аулов, захвачено большое количество людей и скота. Поход стоил жизни 52 казакам. До конца года состоялись еще две подобные экспедиции. Так слободские казаки приняли участие в самой длительной войне в истории Российской империи — Кавказской.

Служба в крепости Святого Креста затянулась много дольше обещанного и была сопряжена со многими трудностями. Людей косили не только пули и кинжалы противника, но и различные болезни. Весной 1728 года Г. С. Квитка жаловался в письме начальнику Украинской дивизии, что казаки в походе «обретаются уже три года и воротиться здоровыми уже не надеются». Правительство распорядилось направить на смену новую тысячу казаков. Только в 1731 году уцелевшим слобожанам удалось вернуться домой.

Данные по Харьковскому полку за 1728 год свидетельствуют, что в различных экспедициях и «командирациях», включая персидский поход, а также на охране Харьковской крепости, содержании почты и т. д. единовременно находилось до 800 казаков — почти весь личный состав полка. Последствем этого было запустение и разорение казацких хозяйств, что подрывало саму экономическую основу существования казачества.

В 1731 году начинается строительство Украинской укрепленной линии, обернувшееся для слобожан настоящим бедствием. Это грандиозное сооружение, остатки которого до сих пор сохранились на территории области, представляло собой оборонительный вал, протянувшийся на 400 верст — от Днепра до Северского Дон-

ца. Вдоль вала размещались 18 крепостей, 142 больших и малых укрепления. По мысли ее проектировщиков, Украинская линия должна была стать надежным щитом, прикрывающим слободские и южнорусские земли от нападения татар. В действительности же, иронически замечает историк, «укрепленная линия предохраняла от татарских набегов в такой же мере, как при теперешнем состоянии огнестрельного оружия латы спасали бы человека от пуль».

Украинская линия возводилась с 1731 по 1733 год, ее совершенствование продолжалось до 1740 года. Строительные работы велись силами местного населения. Для этой цели слободским полкам было назначено выделить 2000 работников (Харьковскому полку — 340, Изюмскому — 283) с провиантом и оружием. Каждый должен был иметь топор, лопату, заступ и мешок для переноски земли. Для перевозки этих вещей на десять человек полагалось снарядить лошадь с телегой или пару волов с возом. Для нарезки линии на каждые 50 работников следовало иметь плуг с волами и погонщиками. Особые подводы полагалось иметь для перевозки провианта. Наряд и отправку людей предписывалось сделать немедленно, «под опасением немалого истязания...». Участие в сооружении укреплений стало для слобожан тягчайшей повинностью, которой они старались избежать всеми доступными способами. Многие казаки уходили в бега. По словам очевидца, «работа сия похитила тысячи народа, безвременно погибшего от тяжестей, зноя и климата».

Перепись слободских полков 1732 года обнаружила их плачевное состояние. Число реестровых казаков уменьшилось, так как немногие оказались в состоянии содержать себя в готовности к военной службе. Последовал Высочайший манифест от 23 декабря 1732 года, где императрица Анна Иоанновна, выражая беспокойство тем, что полки «обретаются не в порядке» и «в крайнее разорение приходят», объявляла о направлении на Слобожанщину генерал-майора князя Шаховского, «коему велено все то рассмотреть, и в каком ныне состоянии и впредь содержании, к пользе и безопасности государства оные полки имеют быть, доброе основательное рассмотрение учинить». Шаховский осел в Сумах, где учредил «Канцелярию комиссии учреждения слободских полков». В 1732—1736 годах комиссия провела ряд реформ, общий смысл которых сводился к ликвидации остатков казачьей независимости и превращению полков в составную часть российской регулярной армии. Общее количество реестровых казаков во всех пяти слободских полках насчитывало теперь 4200 человек. В Харьковском

и Изюмском, в частности, их было по 800. Во главе полков поставили бригадира, который подчинялся начальнику Украинской дивизии. Полковникам присвоили армейский чин премьер-майора. На полковых знаменах и печатях отныне должен был красоваться герб — двуглавый орел. Кроме того, из казаков сформировали регулярный драгунский полк, содержать который было велено «из казачьей собственности».

Ударом для казачества стала отмена одной из его главных привилегий — права свободно занимать пустующие земли. На Слободскую Украину было распространено действие законов империи. Население, помимо выделения средств на содержание служилых казаков и старшины, стало платить налог в казну и снабжать за свой счет всем необходимым восемь драгунских и два гарнизонных полка. Все перечисленные повинности могли кое-как выполняться лишь ценой чрезвычайного напряжения всех людских и материальных ресурсов края, что не могло не сказаться на боеспособности слободских полков. Это показала русско-турецкая война 1736—1739 годов.



Сотник

На завоевание Крыма вместе с войсками фельдмаршала Миниха отправились 4000 слободских казаков. 17 мая 1736 года русская армия подошла к Перекопу. Доступ на полуостров преграждал укрепленный вал, на котором было установлено 184 орудия. Русское командование решило взять перекопские укрепления штурмом. Атака началась утром 20 мая. Спешенные слободские, донские, чугуевские казаки вместе с пехотинцами бросились в ров, при помощи пик взобрались на вал, втащили на канатах пушки и после короткого боя овладели им. Впервые в истории русское войско вступило на землю Крыма. До середины июня Миних занял Козлов (Евпаторию) и Бахчисарай. Даль-

нейшие действия сильно затруднялись тем, что треть армии лежала в болезнях, хронически не хватало продовольствия и питьевой воды. К началу сентября армия возвратилась к Перекопу, а затем, по решению военного совета, отошла к своим границам.



Казак-подпомошник

В 1737 году слобожане снова ходили в Крым, на этот раз под командованием фельдмаршала Ласси. Ласси не стал штурмовать Перекоп, а повел войско в обход — через Сиваш. Пехота переправилась по наведенному на бочках мосту, конница вброд, пушки тащили просто по дну гнилого моря. Огнем и мечом прошла армия по татарским селениям северо-восточного Крыма. Казаки отличались особой беспощадностью. Харьковский обозный Иван Григорьевич Квитка (впоследствии Изюмский полковник) оставил дневник, где с бесхитростной прямотой зафиксировал все тяготы этой кампании. «До 9 июля в Крыму повольно ходячи, татарския деревни палили; 14 город Карас-Базар спалили; 15 дня баталия была с татарами под Карас-Базаром чрез целый день... где мене два раза с пушки, а два раза с мелкого ружья мало не вбило... Июля 16 пошли до Занзару на переправу. Идучи другою дорогою, палили деревне татарския... 22 июля в вечеру Бог милосердный помиловал, даровал пресильный дождь. И дождевой воды набрали на всякую потребу и скот поили. От бездождия много скота и людей померло». В сентябре Ласси отвел войска на Украину на зимние квартиры. Летом 1738 года фельдмаршал повторил набег на северную часть Крыма.

С каждым новым годом войны положение слободских полков ухудшалось. Пока казаки были в походах, поля оставались незасеянными. Войска, проходившие через слободские земли или зимовавшие здесь, по свидетельству харьковского полковника С. И. Тевяшева, «большею частью брали все без платы, а когда и с платою —

по самым низким ценам и то под расписки...». Многие жители разорялись совершенно и продавали свои наделы, другие просто бежали, нередко прямо со службы. В дополнение к прочим несчастьям в 1738 году вернувшиеся из Крыма войска занесли на Слобожанщину чуму. В том же году Крымский хан совершил последний набег на Украину. Получив известие об этом, харьковский полковник смог собрать для защиты города всего 70 казаков. К счастью, орда минула слободские земли.

С большим трудом удалось выставить требуемое число людей для участия в кампании 1739 года. Миних вел боевые действия в Молдавии. Харьковские и изюмские казаки неплохо показали себя при осаде Хотина и преследовали турок после Ставучанского сражения. Мир, заключенный 18 сентября в Белграде, положил конец войне, результаты которой в целом оказались для России ничтожными.

Перепись 1741 года зафиксировала значительное снижение численности населения на слободских землях по сравнению с 1732 годом. По Харьковскому полку она сократилась почти на девять тысяч, в том числе казаков — более чем на тысячу человек. Такова была цена строительства Украинской линии, реформ Шаховского и походов Миниха.

Дворцовый переворот 24 ноября 1741 года и воцарение дочери Петра Елизаветы породило у слободских казаков надежду на облегчение участи. Тем более, что новая императрица пообещала держаться порядков, заведенных при ее отце. На церемонию коронования Елизаветы Петровны в апреле 1742 года прибыла делегация от слободских полков во главе с бригадиром и полковниками. Они присутствовали при всех празднествах и были «допущены к руке» новой царицы. Воодушевленные таким приемом, слобожане тут же подали через Сенат прошение, «чтобы введенные князем Шаховским новости уничтожить, а прежния, данныя в слободские полки жалованныя грамоты вновь подтвердить и содержать их, полки, попрежнему, как при державе императора Петра Великого содержаны были».

Ответа из-за обычных в то время бюрократических проволочек пришлось ждать больше года. Сенатский указ от 2 августа 1743 года в основном удовлетворил пожелания слобожан: коллегия Шаховского ликвидировалась, проведенные ею реформы отменялись, драгунский полк расформировывался, численность выборных казаков увеличилась до пяти тысяч. Полкам были даны царские жало-

ванные грамоты с повелением «содержать их при прежних вольностях и на таком основании, как оные содержаны были Нашего Императорского Величества при вседражайшем Государе родителе...».

В ответ на таковую монаршую милость полковники по общему согласию в том же году учредили для полков единообразную форму, а именно: «верхние черкески, с откидными рукавами и обложенные серебряными тесьмами и снурками, во всех полках были синие, а чекмень и шаровары по полкам: в Харьковском — желтые, в Сумском — светло-синие, в Ахтырском — зеленые, в Изюмском — красные и в Острогожском — красно-оранжевые».

На следующий год слободская старшина снова выразила свою признательность императрице. Во время поездки в Киев на богомолье делегация от всех слободских полков приветствовала Елизавету Петровну при въезде в Севск 4 августа. Звонили колокола, палили пушки, гремели литавры, до земли склонялись знамена. Полковники вручили царице благодарственный адрес, облобызали руку и 18 верст верхом провожали кортеж.

Однако власти блюли и свои интересы, поэтому слобожанам пришлось смириться с постоем армейских полков. Указы 1748—1749 годов запретили казакам покидать территорию своего полка для перемены места жительства. В 1756 году выходит указ о формировании Слободского гусарского полка. Людей для него следовало брать из бывших драгун и казацких семейств, кроме реестровых казаков. Для содержания полка был введен специальный налог. Служба в гусарах была непопулярна среди слобожан. Назначенные в гусары разбегались, прежде чем их успевали обмундировать. Полк, судя по всему, оказался небоеспособным и был ликвидирован в 1765 году, так и не побывав ни в одном сражении.

В то время как слободское казачество приходило в упадок, звезда чугуевских казаков только всходила. Кажется, не было во второй четверти XVIII века военного конфликта, в котором им не пришлось бы принять участие. В 1734 году вмешательство России в династический конфликт в Польше приводит чугуевцев к стенам Данцига. Во время войны в 1736—1739 годах под начальством Миниха они ходили к Перекопу, рубились с турками у Очакова и Хотина. Фельдмаршал дал чугуевцам похвальную аттестацию. «... Чугуевские казаки и старшина, — свидетельствует он, — равно как калмыки, во всю минувшую с турками войну все без остатку с начала до окончания кампании при армии находились и против неприятеля наикрепкостнейшия и храбрыя поступки оказывали...».

Беспрерывная служба не оставляла чугуевцам времени для хозяйственных дел, и, получив отставку по старости или из-за ранений, они оказывались без средств к существованию. Полковник Авксентьев подал прошение Миниху о выдаче отставным чугуевцам провианта из казенных запасов. В апреле 1740 года вышел царский указ: «...бывшим в той Чугуевской команде отставным от службы неимущим своего пропитания калмыкам и казакам за прежния их службы давать из тамошних казенных магазинов против солдатских дач провиант...». Так был сделан шаг к превращению чугуевцев в первую и единственную тогда в России регулярную казачью часть.

И снова походы. В войне со Швецией 1741—1743 годов чугуевцы действовали в Финляндии и отличились в кровопролитном сражении под Вильманстрандом. В 1747 году в составе экспедиционного корпуса, двинутого на защиту Голландии от французов, они дошли до Рейна. В это время Чугуевская команда состояла из трех рот казаков, одной — калмыков и насчитывала более 500 человек. 21 июля 1749 года решением Военной коллегии она переименована в Чугуевский конно-казачий полк. В середине XVIII века это был лучший казачий полк в российской армии. В такой оценке единодушны как дореволюционные, так и советские военные историки.



Гусар Слободского полка

Усиление Пруссии в середине XVIII столетия создавало совершенно реальную угрозу западным границам России. Стремление ослабить Пруссию и ограничить ее экспансию побудило русское правительство выступить на стороне антипрусской коалиции в крупнейшем военном конфликте того времени — Семилетней войне.

Среди войск армии фельдмаршала С. Ф. Апраксина, перешедших в июне 1757 года границу Восточной Пруссии, был Чугуевский и пять слободских казачьих полков. Первое крупное сражение произошло 19 августа у селения Гросс-Егерсдорф. Двадцатичетырехтысячный корпус пруссаков внезапно атаковал пятидесятипятитысячную армию Апраксина, когда она выдвигалась из лагеря по узкой лесной дороге. Несмотря на первое замешательство, русские войска под огнем противника сумели развернуть боевой порядок. Слободские полки вместе с донскими казаками встали на крайнем левом фланге. Отсюда они ринулись в атаку на прусскую кавалерию, но, едва доскакав до фронта противника, повернули обратно. Кирасиры принца Голштинского бросились преследовать их и рубить отстававших. Толпа казаков мчалась прямо на пехотные шеренги, те расступились, чтобы дать им спасение позади строя.

Прусская конница, вспоминал участник сражения А. Т. Болотов, «пошквадронно, в наилутчем порядке, текла, как некая быстрая река, и ломилась за казаками прямо на нашу пехоту. Передний эскадрон въехал уже порядочным образом за казаками на наш фрунт и, рассыпавшись, рубил всех, кто ни был позадь фрунта. Для сего-то самого принуждено было поворотить наш фрунт назад». В то же время расположенная невдалеке батарея повернула пушки и ударила картечью в гущу всадников. «Как ей случилось выстрелить поперек скачущих друг за другом прусских эскадронов, то, выхвативши целый почти эскадрон, разорвала тем их стремление и скачущих не только остановила, но принудила опрометью назад обернуться. Те же, которые вскакали в наш фрунт, попали, как мышь, в западню. Пехота тотчас опять сомкнулась, и они все принуждены были погибать, наижалостнейшим образом, наша кавалерия их тут встретила и перерубила всех до единого человека». Так казаки применили свой обычный прием, перенятый у татар: ложным отступлением навели противника на 15 готовых к бою батальонов пехоты с 44 орудиями. Маневр был выполнен не самым образцовым способом, и казаки тоже понесли потери. Здесь погиб их бригадир — Василий Петрович Капнист. Он возглавлял атаку и во время схватки с кирасирами получил несколько ударов палашом в голову, так что опознать тело смогли только по мундиру.

Одержав победу у Гросс-Егерсдорфа, Апраксин неожиданно стал отступать к границе. Причина странного поведения фельдмаршала заключалась в болезни императрицы и опасении, что на престоле окажется Петр III — слепой поклонник прусского короля.

Но Елизавета поправилась, Апраксин был смещен, а на его место назначен В. Фермор. Кампания 1757 года закончилась, слободские полки были отпущены домой. На обратном пути им пришлось претерпеть большие невзгоды. Фураж из армейских запасов выдан не был, в разоренной войной Польше купить его, даже за большие деньги, было почти невозможно. В дополнение к бескормице снег и стужа погубили большое число лошадей, и многие казаки вернулись из похода пешими.

Чугуевский полк был оставлен в действующей армии. В 1758 году чугуевцы были в неудачном для русских сражении при Цорндорфе и при отступлении вывозили раненых на запасных лошадях. В битве при Пальциге в 1759 году «ударил Чугуевской казацкой полк в копья на спешащую к соединению с атакующими наше правое крыло пехоту в фланг и, поколов многих, отбил одну полковую пушку». В решающем сражении при Кунерсдорфе чугуевцы рассеяли два эскадрона прусских лейб-кирасир, захватили штандарт и пленили командовавшего ими офицера.

Полк исправно нес службу до конца войны. Чугуевцы выгодно отличались от других казачьих частей своей дисциплиной. На запрос В. Фермора местные жители «согласно засвидетельствовали, что наши казаки и калмыки не токмо им самим ни малейшего озлобления или суровости не показывали, но и жителям по деревням никакой же обиды и разорения не причиняют, чем они генерально довольны и сию справедливость им отдают».

По возвращении из Восточной Пруссии слободские полки так и не смогли восстановить свою боевую мощь. На войну их поэтому больше не требовали, а оставшихся годными к службе лошадей забрали для гусарского полка. В последние годы правления Елизаветы и недолгое царствование Петра III расстройство слободских полков продолжало усугубляться. Виною тому были не только разорительные «командирации», повинности, но и бессовестный произвол старшины, которая перестала входить в нужды своих подчиненных, а все усилия направила на извлечение личных выгод, очень часто за счет казаков. Примером может служить последний Харьковский полковник Матвей Прокофьевич Куликовский (1757—1765 гг.). Он прославился тем, что присваивал жалование казаков, заставлял их идти к нему в работники, скупал за бесценок землю, занимался перепродажей лошадей, установил в свою пользу сборы на ярмарках и т. д. По многочисленным жалобам против Ку-



Слободские казаки в сражении при Гросс-Егерсдорфе.
Художник Н. Самокиш

ликовского в 1760 году начато расследование, но он так и остался безнаказанным.

Бедственное положение слобожан, неспособность их более нести военную службу обратили на себя внимание Екатерины II. В марте 1763 года майору лейб-гвардии Измайловского полка Е. Щербинину было поручено создать особую комиссию для изучения причин неблагополучия в слободских полках и путей их устранения. Работа комиссии продолжалась больше года. Отчет Щербинина был представлен в декабре 1764 года, его результатом стало решение о ликвидации слободских полков и превращении их в гусарские, а вместо полковых земель создание Слободско-Украинской губернии с центром в Харькове. В царском манифесте от 28 июня 1765 года говорилось о «многих неустройствах смешанного правления воинского с гражданским, о тягостном содержании, бесполезности тамошней казачьей службы и прочих народу от того притеснениях...». Декларировалось желание «изъявить материнское наше к народу тамошнему милосердие», для чего «слободских полков непрочную службу превратить, на основании прочих благоустроенных войск наших, в лучшую и государству полезнейшую». Казаков стали записывать в гусары, а старшине предоставили

право либо остаться на военной службе, получив армейские чины, либо уйти в отставку. Для переформирования полков в гусарские в Харькове, под председательством того же Щербинина, была образована «Экспедиция формирования слободских гусарских полков». Таким образом, слободское казачество, сыграв назначенную ему историей роль, прекратило свое существование. Для него наступила эпоха «регулярства».

В ПОХОДАХ С РУМЯНЦЕВЫМ И СУВОРОВЫМ

Слово «гусар» появилось в русском языке в XVII веке как заимствованное из венгерского. Гусарами в средневековой Венгрии именовали конных воинов дворянского ополчения. В России «гусарские шквадроны», вооруженные саблями и пиками, появились при царе Алексее Михайловиче. Первые гусарские полки были сформированы в 1741 году. Служили в них преимущественно иностранцы: венгры, сербы, молдаване, грузины. Каждый гусар получал земельный надел и жалование для приобретения лошади, оружия и обмундирования. В мирное время он должен был нести сторожевую службу по месту жительства, в военное — выступать в поход вместе с армией. Серьезный недостаток поселенных гусарских полков заключался в том, что они «были многочисленны только к получению жалования». Потребность в легкой коннице остро ощущалась в русской армии.

Специальная воинская комиссия изучила состояние вооруженных сил Российской империи и дважды — в 1763 и 1765 годах — представила Екатерине доклад о мерах по их реорганизации. В частности, предлагалось увеличить число регулярной легкой кавалерии путем преобразования в гусарские пяти слободских полков. Императрица проект комиссии одобрила и повелела привести в исполнение. Эту миссию, как было сказано выше, и выполнял на Слобожанщине Евдоким Алексеевич Щербинин.

Превращение казаков в гусар оказалось делом нелегким. Полковая старшина не сочувствовала реформе, лишившей ее власти и доходов, и практически полностью устранилась от участия в ее осу-

ществлении. Слобожане к «регулярству» отнеслись враждебно. Среди назначенных в гусары участились побеги. Беглецов ловили и наказывали плетями. Щербинин приказал вместо беглых гусар брать их ближайших родственников, если таковых не оказывалось, брать из зажиточных семейств и держать до возвращения бежавших. За укрывательство беглых по закону полагалось бить кнутом с вырезанием ноздрей и отправлять в ссылку. Такому жестокому наказанию часто подвергались отцы, старавшиеся спасти своих сыновей от грозившей им суровой кары за побег.

Чтобы хоть как-нибудь приохотить казаков к гусарской службе, Щербинин издал указ на время службы освобождать их семьи от солдатского постоя и прочих повинностей. Прослуживших исправно свыше 15 лет и уволенных вследствие увечья в бою предписывалось награждать при выходе в отставку чином и освобождать от податей пожизненно. Но и эти меры не дали желанных результатов.

В каждом гусарском полку полагалось иметь 1034 человека всех чинов и 972 строевые лошади. Их основой должны были служить прежние казачьи полки со всеми людьми, лошадьми и имуществом. Кроме того, из уже существовавших гусарских полков для пополнения вновь формируемых направлялись по два эскадрона. В Харьковский — из Грузинского гусарского полка, в Изюмский — из Венгерского.



Гусарский кивер

Из 1042 казаков, числившихся в Харьковском полку, пригодными к новой службе признали всего 456 человек. Лошадей отобрали 577. Из вещей — сабель, ружей, седел, уздечек и т. п. — более или менее годными для использования оказалось чуть более половины. Старые гусарские полки вместо пополнения сбывали во вновь создаваемые все худшее, что у них было. Из 309 человек, прибывших из Грузинского полка, 66 — «за разными болезнями, старостью, дряхлостью, другие же за пьянство и совсем нерасторопностью более в гусарской службе быть

неспособны». Среди лошадей, присланных из того же полка, каждая третья была с дефектом.

Несмотря на все трудности, дело продвигалось. В 1766 году формирование Харьковского полка было завершено и первый его командир Николай Иванович Чорба доносил, что «полковые служители содержатся в крайней дисциплине», «нижние чины в кости, карты и другие игры не играют» и «гусары молитвам и экзерциции обучаются».

Предметом особой гордости гусара была его форма. Она состояла из дулама (доломана) — короткой суконной куртки, расшитой шнурами и украшенной пуговицами, ментии (ментика) — такой же куртки, опушенной мехом и носившейся внакидку на левом плече. В холодное время ментик одевался в рукава. Узкие суконные штаны назывались чакчиры и также расшивались шнуром. На украшение костюма расходовалось более 100 метров шнура различной толщины. Обувью служили короткие лакированные сапожки с кисточками. Довершал убор гусара кивер из черного поярка в форме усеченного конуса, высотой 30 сантиметров со всевозможными украшениями: флюгером, бантом, султаном и длинными желтыми шнурами. Цвет доломана и чакчир в Харьковском полку был желтый, в Изюмском красный. Шнуры черные. Ментики в обоих полках черные с белым мехом.



Казачий офицер Санкт-Петербургского легиона 1765—1775 гг.

Вооружение гусар заключалось в сабле, коротком карабине, носимом на плечевой перевязи, и паре пистолетов в седельных кобурах.

Солдат в XVIII веке представлял собой в некотором роде манекен: на него навешивали множество разных предметов, не имевших другого назначения, кроме как служить украшением. Настоящим мучением солдата служили волосы, заплетенные в косу, смазанные салом и посыпанные мукой с привязанными у виска буклями. С ними приходилось немало возиться и недосыпать но-

чей из-за боязни испортить прическу к предстоящему наутро осмотру. У кого из гусар не было усов по молодости или потому, что он «по природе пустобород», тому предписывалось носить накладные усы и чернить свои, если он вдруг оказывался блондином. Можно представить, как чувствовал себя привыкший к просторному кафтану и шароварам казак, затянутый в короткое узкое платье, обвешанный различными предметами, с длинными заплетенными волосами, с наклеенными усами, с целым сооружением на голове в виде кивера. И при этом ему еще нужно было ездить на лошади и производить разные «экзерциции».

В 1767 году Щербинин доложил Военной коллегии о завершении формирования гусарских полков из бывших слободских. Боевое крещение новоиспеченные гусары получили в русско-турецкой войне в 1768—1774 годах. Харьковский полк был назначен в 1-ю армию А. М. Голицына, которой по плану отводилась решающая роль в борьбе против турок. Изюмцы вошли в состав 2-й армии П. А. Румянцева. В октябре 1768 года, произведя смотр войскам в лагере возле Полтавы, Румянцев сообщал в Военную коллегию свои впечатления: «О качествах здешних полков по собственному моему теперь испытанию доложить могу, что первенство перед всеми тут кавалерийскими имеет Изюмский гусарской, в котором люди прямо научены службе, лошади хорошие...».



Чугуевский казачий офицер 1774 г.

Кампания первого года войны велась Голицыным вяло. Были достигнуты коекакие успехи, но неспособность Голицына была слишком очевидна. Он был отозван в Петербург и на его место назначен Румянцев.

Не смущаясь численным превосходством врага, энергичный Румянцев весной 1770 года начал наступательные действия. 17 июня он атаковал позицию турецко-татарского войска при урочище Рябая Могила на левом берегу р. Прут, разбил и обратил ее в бегство. Харьковский, Ахтырский и Сербский гу-

сарские полки бросились преследовать турок. Генерал-поручик князь Репнин «был свидетелем, коль храбро опрокинули неприятеля наши гусары и за ним шли вдогонку...». Преследование противника продолжалось 20 верст. «Гнаться за ним более усталость не позволила, как происходило сие в день чрезмерно жаркой».

Оправившись от удара, турки снова заняли выгодную и хорошо укрепленную позицию при впадении р. Ларга в Прут. Румянцев атаковал их и здесь. Сражение 7 июля закончилось разгромом и бегством противника. За победу при Ларге полководец получил крест Святого Георгия I-й степени и стал первым после самой Екатерины II кавалером этой недавно учрежденной награды. В бою кавалерия «немного дела имела, поелику она позади пехоты следовала, а покудова пехота собою очистила неприятельской лагерь, то уже убрался неприятель на расстояние, что его достигнуть оная не могла и только задних неприятельских успела порубить». Поэтому и потери Харьковского полка были незначительны — пять человек убито и пять ранено. В этот день харьковцы отличились несколько необычным способом. Проходя через брошенный вражеский лагерь, полк ничего в нем не тронул. Эпизод был настолько нетипичным, ибо солдаты в те времена считали военную добычу своей и грабили при всяком удобном и неудобном случае, что командующий конницей князь Г. М. Долгорукий удостоил харьковцев похвалы.

Наконец произошла встреча Румянцева с главными турецкими силами. Сражение 21 июля на р. Кагул закончилось полным разгромом противника. По словам Д. Н. Бантыш-Каменского, оно «походит более на баснословное, нежели на действительно историческое, ибо 17 тысяч россиян побили на голову 150 тысяч турков, отразив 100 тысяч татар, угрожавших с тылу».

В ходе боя возникла опасная ситуация, когда янычары, внезапно выскочившие из лощины, смяли одно из пехотных каре. Румянцев лично бросился наперерез отступающим с криком: «Ребята, стой!» — в мгновенье «мог он одержать своих ретирующихся и возобновить к отражению неприятеля». Давая возможность пехоте оправиться, харьковцы вместе с другими гусарскими полками врубились в толпы турок и «сию дерзкую пехоту... посекали и силою вообще огненного и белого оружия великую часть янычар положили на месте, а остальных прогнали...». За Кагульскую победу Румянцев получил чин фельдмаршала, а все участники боя — специальную серебряную медаль на голубой андреевской ленте.



Чугуевские казаки в схватке с польской кавалерией под Рацлавицами. Фрагмент панорамы. Художники Я. Стыка и В. Коссак

Война продолжалась, и Харьковский полк еще не раз отличил себя. В бою при Карасу 17 октября 1773 года полковник Чорба со своими гусарами отбил 11 вражеских пушек. Н. И. Чорба был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и стал первым в полку георгиевским кавалером. В кампании 1774 года харьковцы оказались участниками первой большой победы А. В. Суворова — 9 июня при Козлуджи с восьмитысячной дивизией он разбил сорокатысячный турецкий корпус.

Бой был упорный — с полудня до восьми часов вечера. Турки атаковали суворовскую дивизию в узком лесном дефиле. Им удалось опрокинуть сначала казаков, а затем пикинерный полк. Харьковцы приняли отступавших в беспорядке пикинеров на себя, остановили их, а затем пробились вперед и очистили дорогу, выгнав турок из леса. Как гласила реляция, кавалерия «рубила янычар

в лесу, где только доехать до них могла, до приближения нашей пехоты...».

На долю Изюмского полка в этой войне не выпало больших сражений и громких побед. Приходилось нести обычную службу легкой кавалерии: пикеты, разъезды, поиски. Летом 1771 года войска 2-й армии были двинуты на овладение Крымом. Главные силы русских войск 29 июня подошли к Кафе (Феодосии). В разыгравшемся здесь сражении Изюмский полк атаковал татарскую конницу. «Он исполнил сие с великою храбростью и неустрашимостью и, несмотря что была она его сильнее, обратил ея в бегство, так что более пред пехотою уже коннаго неприятеля и видно не было», — говорится в Журнале военных действий 2-й армии. Этот день дал полку сразу трех кавалеров ордена Св. Георгия. Ими стали полковник Хорват, подполковник Бедряга и майор де Прейс.

Чугуевские казаки не принимали участия в русско-турецкой войне. С 1764 года они находились в Польше, обеспечивая поддержку на престоле ставленнику Екатерины II Станиславу Августу Понятовскому.

Им пришлось вести боевые действия против многочисленных гетманов, маршалков, старост и регементарей, образовавших в 1768 году так называемую Барскую конфедерацию, стремившихся низложить короля и восстановить былые шляхетские вольности. В Польше, как некогда в Пруссии, чугуевцы пользовались репутацией «наиболее храбрых и наиболее дисциплинированных».

Из оставшихся на родине казаков была набрана специальная команда для Санкт-Петербургского легиона. Для служившей в ней старшины установили офицерские чины. Учитывая, что «Чугуевский казацкий полк не только в минувшую Прусскую войну, но и после того... отменную по службе... оказал и оказывает ревность», Военная коллегия вошла с предложением «пожаловать старшин онаго, ныне в нем служащих... в сравнение противу казацкой Санкт-Петербургского легиона команды чинами армейских офицеров...». 29 декабря 1770 года последовала резолюция Екатерины: «Быть по сему». Так Чугуевский полк стал первым в казачьих войсках, где были введены офицерские звания. В 1773 году последовало уравнение в окладах жалования с армейскими чинами. Все эти меры фактически поставили его в один ряд с регулярными частями армии. В 1775 году легион был распущен, а казаки вернулись в Чугуев. Но 60 казаков «лутчих видом, ростом и доброконных при одном офицере остались в столице для отправления службы

при дворе Ее Императорского Величества». Они получили наименование «Придворная Чугуевская казачья команда» и стали родоначальниками Собственного Ее (позже Его) Величества конвоя — элитной воинской части, просуществовавшей до 1917 года.



Офицер Чугуевской конвойной команды 1790—1796 гг.

Харьковским полкам пришлось иметь дело не только с внешним противником. Значительных военных усилий от самодержавия потребовало подавление восстания под руководством Е. И. Пугачева. Екатерина II писала П. И. Панину: «Противу воров столько наряжено войска, что едва не страшна ли такая армия и соседям была».

Чугуевский полк в 1774 году был спешно переброшен из Польши на р. Яик (Урал). Части полка вошли в состав карательных отрядов против пугачевцев. В марте чугуевцы участвовали во взятии крепости Татищевой, разгроме десятитысячного отряда ближайшего сподвижника Пугачева И. Н. Зарубина-Чики. Ряд офицеров полка «за отличную храбрость и усердие к службе в поражении злодеев, дерзнувших в буйстве своем на разрушение города Казани», именным указом Екатерины получили в награду пожизненную пенсию «по ста рублей в год».

В районе Царицына против сил Пугачева действовал резервный эскадрон харьковцев и подразделения изюмских гусар. Осветить подробнее их участие в подавлении восстания довольно затруднительно, так как имеющиеся сведения отрывочны, а полковые истории хранят по этому поводу полное молчание.

Вплоть до начала второй в царствование Екатерины войны с Турцией в 1787—1791 годах полки несли службу в различных частях обширной Российской империи, лишь ненадолго возвращаясь на место своего постоянного расквартирования. В 1784 году

Григорий Александрович Потемкин, занимавший пост президента Военной коллегии, провел реформу конницы: на основе гусарских сформировал легкоконные полки. Новый тип кавалерии получил и новую форму. Г. А. Потемкин говорил: «Солдат должен быть таков, что встал и готов». Он убрал из употребления косы и букли, муку и сало. Костюм солдата стал простым и удобным: короткая синяя суконная куртка с красными лацканами, воротником и обшлагами, красные шаровары, подшитые кожей, легкая каска с медной бляхой и белым плюмажем. Вооружение легкоконников было то же, что и у гусар, — сабля, карабин, пистолеты.

В апреле 1787 года новосозданная конница была представлена императрице во время ее путешествия в Крым. В Кременчуге состоялся смотр, где участвовали Харьковский, Изюмский и Сумской легкоконные полки. Екатерина осталась довольна видом и выправкой солдат. Одному из своих корреспондентов она сообщала, что видела в Кременчуге «одну треть прекрасной легкой конницы, той, про которую некоторые незнающие люди твердили доныне, будто оная числится лишь на бумаге, а в самом деле ее нет, однако она действительно налицо и такова, какой, может быть, никогда подобной не бывало».

С началом войны все три полка были включены в Екатеринославскую армию Г. А. Потемкина. Светлейший князь сосредоточил свои усилия на осаде Очакова. Она продолжалась с июня по декабрь 1788 года и дала повод П. А. Румянцеву язвительно сравнивать ее с осадой Трои.

О повседневной службе Харьковского полка под Очаковом рассказывают воспоминания Михаила Петровича Загряжского: «Остановились лагерем верстах в шести от Очакова. На другой день досвету пошли к городу, на рассвете стали кругом города в две линии... фельдмаршал рекогносцировал, стреляли из пу-



Гусарский офицер
в венгерке 1797—1801 гг.

шек по городу... зажгли местах в трех город... На вечер опять возвратились в свой лагерь. На другой день пошли совсем и обложили город...

Часто кавалерийские офицеры ездили на перестрелку из проказ... Скачем между казаков, стреляем в воздух... В лагере в сделанную цель на скаку попадал в карту, тут же, выстреля 13 патронов, ни один турок не нагнулся...».

Армия страдала летом от различных эпидемий, осенью и зимой — от стужи. В Харьковском полку от болезней погибли 194 человека, от пуль неприятеля — ни одного. Наконец Потемкин решился на штурм. После ожесточенного сопротивления 6 декабря крепость пала, причем потери русских при штурме были неизмеримо меньше понесенных за время осады. В бою отличились корнеты Харьковского полка Осташевский и Красовский. Они получили специальную «штурмовую» медаль — Очаковский крест. Этой награды был удостоен и 27-летний капитан Изюмского полка, принявший под стенами Очакова боевое крещение, — Михаил Богданович Барклай де Толли. Будущий фельдмаршал и герой войны 1812 года прослужил в Изюмском полку с июля 1788 года по май 1790 года. Командовал полком в это время Леонтий Леонтьевич Беннигсен. Выходец из Ганновера, он с 1773 года состоял в русской армии. Известность Беннигсен приобрел в качестве главнокомандующего во время войны с Францией в 1806—1807 годах и даже считался победителем Наполеона при Прейсиш-Эйлау. Он был участником войны 1812 года и заграничных походов, правда, в тот раз больше прославился интригами против М. И. Кутузова и того же М. Б. Барклая де Толли.

В кампанию 1789 года харьковские полки в составе потемкинской армии вели операции против Бендер. Падение крепости 3 ноября доставило победителям в качестве трофеев 300 орудий, 1200 пудов пороха, множество продовольствия, но эта победа не шла ни в какое сравнение с успехами А. В. Суворова: всего с семитысячной дивизией он в сентябре наголову разгромил на р. Рымник стотысячную турецкую армию. Екатерина утешала своего любимца: «Я посылаю к тебе лавровый венок, который ты заслужил. Нет ласки, мой друг, которую бы я не хотела сказать Вам, Вы очаровательны за то, что взяли Бендеры без потери одного человека».

Одним из самых выдающихся событий войны стало взятие Измаила А. В. Суворовым в декабре 1790 года. В осаде крепости участвовал Изюмский полк и чугуевские казаки. В составе пятой штурмовой колонны, которой командовал бригадир Матвей Ива-

нович Платов, знаменитый впоследствии атаман донских казаков, чугуевцы на рассвете 11 декабря пошли на штурм считавшихся неприступными бастионов. Документы сохранили для нас имена некоторых героев Измаила: «Чугуевского регулярного полку» премьер-майора Лазаря Сазонова, «взошедшего на вал с охотниками», премьер-майора Федора Иванова, который, «поступая мужественно и поражая неприятеля, завладел бастионом», вахмистра Гридина, доставлявшего в бою донесения «с особливыми успехами», капитана Демьяна Попова, бывшего в «охотниках» и получившего пять ран. Всего на приступе полк потерял более ста человек. Участие Изюмского полка в штурме не подтверждается документами, хотя полковая традиция хранила память об этом событии.

Харьковскому полку до окончания войны было суждено претерпеть еще одну метаморфозу. В 1791 году он был сделан конноегерским и пробыл таковым до начала следующего года. Одетые в зеленые конноегерские мундиры, харьковцы своими атаками содействовали успеху русских войск в Мачинском сражении 28 июня 1791 года. В том же году русско-турецкая война победоносно завершилась Ясским миром, который окончательно закрепил за Россией побережье Черного моря.

Мирная передышка не была продолжительной, и в 1792 году харьковские полки принимают участие в боевых действиях, предшествовавших второму разделу Польши.

Униженная разделами, но не смирившаяся со своим положением, Польша восстала весной 1794 года. Движение возглавил горячий патриот, одна из самых замечательных и светлых личностей в польской истории, Тадеуш Костюшко. В начале апреля возле селения Рацлавицы ему удалось разбить небольшой русский отряд А. П. Тормасова. Известие о победе послужило сигналом для Варшавы, которая восстала 17 апреля. Русские войска, размещенные в столице, среди них харьковцы, оказались в западне. Изолированные друг от друга в разных частях города, внезапно атакованные в узких улицах, они понесли большие потери. Харьковский полк лишился убитыми, ранеными, пленными почти 200 человек во главе со своим командиром К. Ф. Боуром. В руках восставших варшавян оказались обоз, полковая канцелярия и казна, словом, все хозяйственное имущество. Все же большая часть полка с трудом вырвалась из Варшавы и, соединившись со спешившими на помощь войсками, оказалась в отряде генерала Ферзена. Спустя 6 месяцев именно Ферзен у Мацейовице нанес смертельный удар



Л. Л. Беннигсен

повстанческой армии. В сражении, по словам самого генерала, неприятель, «не имевший уже спасения в бегстве, почти весь погиб». Самой большой потерей для поляков было пленение их вождя Тадеуша Костюшко корнетом Харьковского полка Федором Ильичем Лысенко. Личность Ф. И. Лысенко заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько слов. С детства мечтая стать солдатом, он дважды бежал из родительского дома и в 1778 году записался в Харьковский гусарский полк. Для продвижения по службе нужно было быть грамотным, и Лысенко самостоятельно научился читать — случай в те времена исключительный. За неоднократные отличия в сражениях с турками его произвели в вахмистры. Во время Варшавского восстания Федор Ильич был ранен и за храбрость получил первый офицерский чин — корнета. Под Мацейовицами Лысенко «отлично, храбро поступал, несколько неприятелей своеручно срубил», а в конце боя, как гласила реляция, «главнокомандующего польских войск ранил два раза саблею, поймал и с другими обер-офицерами представил». Пленение вражеского полководца считалось выдающимся подвигом, но Лысенко не получил за него награду. Слишком много конкурентов оказалось у простого корнета, выходца из солдат, начиная с самого Ферзена и заканчивая «другими обер-офицерами», каждый из которых во имя чинов и наград стремился приписать себе главные заслуги в этом деле. Имя Федора Ильича было предано забвению.

Участь восстания была решена, когда на поле битвы появился Суворов. Объединив под своей командой русские войска в Польше, он подошел к предместью Варшавы — Праге. Торопясь покончить с восстанием, Суворов решает не мешкая атаковать мощные пражские укрепления. По дерзости замысла современники сравнивали штурм Праги с измаильским. Харьковский полк получил назначение в резерв, но многие офицеры, среди них и Ф. И. Лысенко, участвовали в штурме в качестве добровольцев. Они, «отважно и храб-

ро бросившись через ров на вал, ободрили и подали пример стрелкам завладеть валом и поражать на штыках неприятеля». За взятие Праги 12 офицеров удостоились золотых крестов, а 873 рядовых получили серебряные медали. По окончании военных действий харьковцы еще некоторое время оставались в Польше, потом несли службу в Белоруссии, на Волыни и в 1796 году вернулись в Харьков. Изюмский полк отличился, действуя против повстанцев в Литве. Во время боя за Вильно 9 августа 1794 года Л. Л. Беннигсен во главе шести эскадронов изюмцев сбил с позиции артиллерию повстанцев, захватил у них семь орудий, затем опрокинул пехоту и заставил поляков начать общее отступление. За это он получил орден Св. Георгия 3-й степени.



Кирасир 1797—1801 гг.

Чугуевские казаки в кампанию 1794 года были частями распределены среди отрядов, действовавших в разных уголках Польши. Были они в отряде Тормасова у Рацлавиц, где их потрепала народовая кавалерия. Реваншем чугуевцев стали дела при Дивине, Бресте, Крупчицах — здесь Суворов разгромил войска польских инсургентов.

К концу царствования Екатерины число чугуевских полков выросло до трех, правда, служили в них больше не коренные чугуевцы, а малороссийские казаки. Последним в XVIII столетии боевым

походом стал для чугуевцев персидский 1795—1796 годов, окончившийся взятием Дербента. При Павле I чугуевских полков стало два, а с марта 1800 года оба полка были сведены в один.

Воцарение Павла I повлекло за собой большие перемены в жизни российской армии. Поклонник Прусского короля Фридриха и его военных приемов, Павел снова ввел в обиход косы, букли, неудобные мундиры, палочную муштру. Отдавая предпочтение тяжелой кавалерии, он среди прочих велел превратить Харьковский полк в кирасир. Мирные обыватели тихого губернского города Харькова имели возможность лицезреть, как по пыльным улицам вдоль маленьких хаток грозно дефилировали кирасиры в огромных черных шляпах, белоснежных колетах и кирасах из вороненной стали. Форму Харьковского кирасирского полка носил в то время и будущий известный писатель Г. Ф. Квитка-Основьяненко.

При Павле I был введен порядок назначения в полки шефов, по фамилиям которых те стали именоваться. Это породило страшную путаницу, так как шефы часто менялись. Попадались и однофамильцы, а значит, и полки с одинаковыми названиями. Солдаты порой не могли назвать полка, где служили, особенно если шеф носил какую-нибудь труднопроизносимую немецкую фамилию. За время недолгого правления Павла в Харьковском полку сменилось пять шефов, в Чугуевском — шесть, в Изюмском (с 1796 г. он снова стал гусарским) — семь.

В начале 1799 года полк покинул Харьков и был переведен в Подольскую губернию. Более он в Харьков не возвращался.

Дворцовый переворот 1 марта 1801 года положил конец экспериментам Павла I в военном деле. На престол вступил его сын Александр. Новое царствование принесло харьковским полкам и новые перемены в судьбе.

«ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА»

Военная жилка была исключительно сильна у русских самодержцев. После Петра ни один из них не блеснул полководческим талантом, зато каждое новое царствование начиналось военными реформами. Не стал исключением и Александр I. Воинская комиссия, образованная в 1801 году для «рассмотрения положения войск и устройства оных», пришла к выводу о необходимости увеличения числа драгунских полков за счет кирасирских. Так Харьковский полк в пятый раз за свою историю сменил предназначение и с 13 июля 1801 года стал драгунским. Драгуны представляли собой ездящую пехоту, поэтому, кроме обычного оружия кавалеристов — палаша и пары пистолетов, имели еще и ружье со штыком. Обмундирование драгун состояло из короткой двубортной куртки, сшитой из темно-зеленого сукна, с воротником, обшлагами и погонами — в каждом полку особого цвета (у харьковцев — оранжевого). Головным убором служила кожаная каска с гребнем из конского волоса, напоминавшая по форме античный шлем.

Изюмский и Чугуевский полки сохранились без изменений. Последний в 1803 году получил название Чугуевского казачьего регулярного и подлежал комплектованию исключительно коренными чугуевскими казаками.

Начало XIX века было ознаменовано для России чередой почти непрерывных войн с Ираном, Турцией, Швецией. Но главным и самым серьезным противником была рвавшаяся к европейскому и мировому господству наполеоновская Франция. С ней пришлось воевать дважды: в 1805 и 1806—1807 годах. Первая война закончилась для России Аустерлицким поражением.

Харьковский полк участвовал в этой печально знаменитой битве на правом фланге, где командовал П. И. Багратион. Князь Петр не торопился следовать диспозиции, составленной австрийским стратегом Вейротером. Получив известие о поражении русских и австрийцев в центре, он стал медленно отступать, отбиваясь от наседавших французов. Харьковские драгуны дважды бросались в атаку на неприятельских кирасир, но в конце концов были опрокинуты. О напряженности схваток свидетельствуют цифры потерь: на следующий день полк не досчитался в своих рядах семи офицеров и 141 унтер-офицера и рядовых, было убито и ранено 208 лошадей. Правда, спустя некоторое время часть людей вернулась в строй: одни отыскались после хаоса отступления, другие бежали из плена, третьи прибыли из лазарета. Пропавшим без вести числился и поручик Шимков. В схватке он получил семь ран и остался замертво на поле сражения. Ночью от холода пришел в себя, но был не в силах подняться и пролежал так около суток, пока не был подобран французскими санитарами. Оправившись от ран, офицер пешком, не имея ни гроша в кармане, отправился на родину. В марте 1806 года поручик Шимков прибыл в свой полк.

С Аустерлицким сражением связан еще один эпизод. Во время отступления колонны Багратиона стремительной атакой французов был захвачен в плен вместе со своими орудиями подполковник Алексей Петрович Ермолов. Спасением будущий герой 1812 года и наместник Кавказа обязан, как он сам впоследствии писал, «Елизаветградского гусарского полка полковнику Василию Ивановичу Шау, который догнал меня с несколькими человеками Харьковского драгунского полка». Французы «были обращены в бегство и истреблены, и мне чрез самое короткое время возвращена свобода».



И. С. Дорохов

За мужество и распорядительность, проявленные при Аус-

терлице, шеф полка В. К. Гижицкий был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени, а подполковник Д. М. Юзефович — будущий командир — получил золотое оружие.


Д. М. Юзефович

Изюмские гусары в кампанию 1805 года были отправлены на кораблях в Померанию, но в военных действиях им участвовать не пришлось. После получения известия об Аустерлицком сражении и заключении перемирия они вернулись на родину.

В войну 1806—1807 годов оба полка снова находятся в действующей армии. Алые ментики изюмцев видели заснеженные поля многих сражений в Польше и Восточной Пруссии. 12 января 1807 года эскадрон гусар при Пассенгейме внезапной атакой разгромил два неприятельских эскадрона и захватил в плен их командиров. 25 января у с. Гоф юнкер Томиловский спас знамя Костромского полка: в последнее мгновение он выхватил его из рук погибавшего под клинками французских кирасир подпрапорщика. В битве у Прейсиш-Эйлау унтер-офицер Сергей Дудников, рискуя жизнью, подобрал на поле боя и вывез из-под огня тяжело раненого М. Б. Барклая де Толли. За различные подвиги 50 гусар удостоились учрежденного в 1807 году Знака отличия Военного ордена — так назывался тогда солдатский Георгиевский крест. Первым в полку кавалером этой самой почетной в русской армии солдатской награды стал вахмистр Ефим Волынский, получивший орден под № 1636. В качестве коллективной награды полки 16 февраля 1808 года были пожалованы 17 серебряных труб с кистями на черно-оранжевых георгиевских лентах с надписью: «Изюмскому полку за оказанную храбрость в 1807 году против французов».

Боевая слава изюмских гусар в те годы неразрывно связана с именем Ивана Семеновича Дорохова. Участник войн с Турцией и Польшей, Дорохов обратил на себя внимание А. В. Суворова. «Ревностен к службе, проворен и неустрашим» — так характеризовал Ивана Семеновича в одном из рапортов великий полководец.



Г. И. Лисаневич

В 1803 году в чине генерал-майора он становится шефом Изюмского полка. «Дорохов принадлежал к числу лучших кавалерийских генералов. В краткие промежутки тогдашней эпохи почти беспрерывных битв он готовил себя и Изюмский полк к войне: себя — чтением книг, а гусар — беспрестанными маневрами... Такими упражнениями сделал Дорохов Изюмский гусарский полк одним из первых боевых полков армии», — писал первый историограф полка Н. Гербель.

Харьковский полк, действуя в составе отдельного корпуса генерал-лейтенанта Эссена, участвовал в делах у Шумово, Острово, Остроленки. В боях снова отличился Юзефович, получивший Св. Георгия 4-й степени. Из рядовых драгун Кондрат Козлов первым в полку удостоился Знака отличия Военного ордена.

В 1808 году Дмитрий Михайлович Юзефович назначается полковым шефом. В этом звании вел он харьковцев в сражения во всех последующих войнах с Наполеоном. Происходил Дмитрий Михайлович из дворян Черниговской губернии. Родился в 1777 году, в Харьковский полк поступил в 1800 году. По воспоминаниям сослуживцев, «был роста несколько выше среднего, строен, имел приятную наружность», был хорошо образован, владел свободно французским, немецким и польским языками. Четырнадцать лет его недолгой (умер в 1821 году от болезни) жизни связаны с Харьковским полком, который накануне 1812 года, по мнению военного историка Д. П. Бутурлина, был в числе шести лучших кавалерийских полков русской армии.

Чугуевские казаки с 1806 года сражались с турками на придунайских равнинах. В 1808 году последовал указ о преобразовании полка из казачьего в уланский. Уланы — легкая кавалерия, вооруженная пиками, — были тогда в России новым и модным видом войск. Но для казака переодевание в армейский мундир было сопряжено с потерей принадлежности к своему привилегированно-

му сословию. Мы не располагаем сведениями о протестах и сопротивлении чугуевцев реформе. Возможно, постоянное пребывание полка в походах вдали от дома просто оттянуло конфликт, и он выплеснулся наружу спустя несколько лет уже в мирное время. Но рассказ об этом впереди. Пока же чугуевцы, теперь в качестве улан, продолжали исправно нести службу в составе Дунайской армии, которую в начале 1811 года возглавил М. И. Кутузов. В сражении с турками под Рущуком 22 августа 1811 года маневр Чугуевского полка сыграл решающую роль в достижении победы. Вот как рассказывает об этом эпизоде сам М. И. Кутузов. Противник, «собрав между тем 10 тысяч анадольской лучшей кавалерии, устремился свирепым образом... на левый фланг нашей кавалерии. Сие неожиданное движение привело в смятение фланговые полки: Белорусский гусарский и Кинбурнский драгунский, но Чугуевский уланский полк, предварив на себя движение неприятельское, оборотился влево, ударил во фланг сей отважной конницы и, поддерживаем будучи кареем 7-го егерского полка, из 2-й линии мною взятым, вместе с оправившейся кавалерией, атаковал неприятеля и истребил отважнейших». Трофеями чугуевцев стали бунчук и 20 турецких знамен. Возглавил полк в атаке Александр Христофорович Бенкендорф, более известный своей деятельностью на посту шефа жандармов в царствование Николая I. Наградой ему был орден Св. Георгия 4-й степени, пятьдесят улан удостоились Знаков отличия Военного ордена, а унтер-офицер Шаровкин получил крест лично из рук М. И. Кутузова. За Рущукское сражение был награжден и шеф полка генерал-майор Григорий Иванович Лисаневич. Пятнадцати лет от роду поступил он на военную службу, шефом чугуевских улан стал в 1808 году. Командование полком в войнах с Турцией и Францией принесло ему ордена Св. Георгия 3-й степени, Владимира 2-й и чин генерал-лейтенанта.

Накануне наполеоновского вторжения харьковские полки были разбросаны по разным армиям. Чугуевцы оказались в Дунайской, Изюмский полк — в 1-й Западной армии М. Б. Барклая де Толли, Харьковский — во 2-й Западной П. И. Багратиона.

В июне 1812 года, когда полчища «двунадесяти языков» перешли Неман и устремились в глубь России, отряд И. С. Дорохова, куда кроме изюмских гусар входили два егерских, два казачьих полка и рота легкой артиллерии, оказался отрезанным от главных сил 1-й армии. Его уже считали погибшим, но Дорохов, в течение девяти дней блуждая среди наступающих французских колонн, сумел убе-

речь свой отряд от, казалось, неминуемого разгрома и соединился с войсками П. И. Багратиона, потеряв за время своего вынужденного рейда по тылам неприятеля всего 60 человек.

22 июля армии Барклая и Багратиона, несмотря на все усилия Наполеона разбить их поодиночке, соединились под Смоленском. На военном совете было принято решение начать наступательные действия. 27 июля у деревни Молево Болото Изюмский полк вместе с Сумским и Мариупольским гусарскими и казаками М. И. Платова атаковал и обратил в бегство конницу французского генерала Себастиани. В донесении об этом деле Платов писал: «Неприятель пардона не просил, а войска российские... быв разъярены, кололи и били его».



Офицер Изюмского гусарского полка в вицмундире 1802—1803 гг.

После Смоленского сражения полк постоянно находился в арьергарде, имея почти ежедневные схватки с французами. В бою у Лубина 7 августа был ранен в руку И. С. Дорохов, по обыкновению лично водивший своих гусар в атаки. На советы окружающих оставить поле боя и ехать на перевязку генерал отвечал: «Стоит ли думать о руке, когда грудью надобно отстаивать отечество».

24 августа у Колоцкого монастыря изюмцы положили на месте три эскадрона итальянских конных егерей. Командир арьергарда генерал П. П. Коновницын, воздавая в рапорте М. И. Кутузову должное заслугам Изюмского полка, заканчивал его просьбой: «Осмеливаюсь покорнейше просить Вашу светлость не оставить, всеподданнейше представить к награде серебряными трубами».

Харьковские драгуны в начальный период войны отступали с войсками 2-й армии. 23 июля полк вместе с дивизией Д. П. Неверовского был послан для занятия города Красного и для поддержания казачьих партий, сторожившим дороги в Оршу и Могилев. 2-го августа казачьи посты донесли о появлении огромных

сил неприятеля, двигавшихся на Красный столбовой дорогой и в обход полями. То был неаполитанский король Мюрат с тремя кавалерийскими корпусами в числе 15 тысяч всадников. Неверовский построил свои полки в боевой порядок. Не смущаясь неравенством сил, харьковцы храбро устремились в атаку, но, потеряв только убитыми 21 человека, были опрокинуты и принуждены оставить поле сражения. Впоследствии А. П. Ермолов пенял Неверовскому за то, что тот, «имея один Харьковский драгунский полк, подверг его значительному урону».

После Красного харьковцы участвовали в обороне Смоленска 4 и 5 августа, прикрывали переправу через Днепр на следующий день, затем состояли в арьергарде и не раз имели сшибки с французами.



Драгун в шинели
1803—1806 гг.

В канун Бородинского сражения полк находился среди частей, защищавших Шевардинский редут. Бой за эту позицию продолжался с двух часов пополудни 24 августа и почти до полуночи. Уже стемнело, когда французы, в очередной раз вознамерившись захватить редут, двинули на него пехотные колонны. Русское командование бросило им навстречу два кирасирских полка и драгунскую бригаду генерал-майора И. Д. Панчулидзева, куда входили Харьковский и Черниговский полки. Удар драгун пришелся на 111-й линейный полк. Внезапно появившиеся из ночной мглы русские всадники, вспоминал офицер 111-го полка Фоссен, «обрушились на передовых из первого батальона, пробились сквозь каре, построенное второпях, и изрубили саблями всех, кого могли только достать. Прочие батальоны начали отступать в большом беспорядке... В этой злополучной стычке наш полк потерял около 300 убиты-

ми, между ними батальонного командира с его адъютантом, майором и 12 субалтерн-офицеров. Вся полковая артиллерия с людьми и обозом погибла, только немного пехоты с трудом спаслось».

Такой же участи едва не подвергся еще один неприятельский полк — испанский Иосифа Наполеона. Харьковцы отбили у французов пушку. Унтер-офицер Игнат Фесенко, драгуны Герасим Павленко, Степан Губский, Сазон Терещенко и Иван Гончаренко «первые прискакали к неприятельскому орудию... и орудие было увезено под выстрелами неприятельской пехоты». В атаке пали эскадронные командиры — капитаны Нестелей и фон Нагель. И еще четверо офицеров были ранены. Рядовые Григорий Баранов, Иван Величко, Роман Пелих, Архип Сергеев, «спешившись в самом огне неприятельской пехоты, спасли раненых офицеров».

Рассвет памятного дня Бородинской битвы Харьковский драгунский полк встретил на левом фланге расположения русской армии в рядах 4-го кавалерийского корпуса. Долго харьковцы томились в резерве позади деревни Семеновская, ожидая приказа к выступлению. Захватив Багратионовы флеши и оттеснив русских за Семеновский овраг, в первом часу дня Наполеон направил на них два кавалерийских корпуса — Нансути и Латур-Мобура. Пришло время Харьковскому полку вступить в дело. Атака драгун была стремительной: они буквально смели 9-й легкоконный полк из корпуса Нансути и отбили взятые было французами русские пушки. Тут же вахмистры Трофим Ляхов, Василий Шерстюков и с ними еще 21 унтер-офицер и солдат полка, «спешась, запрягли своих во орудия лошадей и таким образом доставили все оные без малейшего урона обратно». Унтер-офицеры Афанасий Волошин, Петр Сивер, Сидор Лысаков, Данила Выстроненко «с отличным мужеством первые врубились в колонну, что служило примером протчим». За Бородино шеф полка получил генерал-майорский чин. Награждены были все офицеры, 40 рядовых драгун получили кресты Военного ордена.

Изюмцы перед началом боя располагались на правом фланге вместе с полками 2-го кавалерийского корпуса. В полдень корпус был переброшен в центр поля боя и занял свое место позади пехоты А. И. Остермана-Толстого, левее батареи Раевского. В третьем часу пополудни кавалерия и пехота французов плотной массой обрушились на центр русской позиции. После ожесточенного боя была захвачена батарея Раевского. Пытаясь развить достигнутый успех, кирасиры Ватье, драгуны Лагуссе, конные егеря Шастеля атакуют

корпус Остермана-Толстого. На помощь пехотинцам приходят Изюмский гусарский и Польский уланский полки. «Они остановили быстрое стремление неприятельских кирасир и карабинеров и тем дали время нашей пехоте, которая... была в беспорядке, выстроиться и выдвинуться вперед...», — свидетельствует начальник 2-го кавалерийского корпуса Ф. К. Корф. Из офицеров полка в этот день отличился ротмистр А. С. Лошкарев. В суматохе боя он сумел собрать и построить свой эскадрон, опрокинутый французскими латниками, и снова повел его в атаку. За этот поступок Лошкарев получил орден Св. Георгия 4-й степени. Вахмистра Кирсанова неприятельские кирасиры окружили и хотели обезоружить. Но он ринулся напролом, сбил двоих с лошадей и прорвался к своим, получив при этом восемь ран. Наградой храброму гусару был Знак отличия Военного ордена. Кавалерийская битва в центре окончилась тем, что «неприятельская конница к пяти часам совершенно была опрокинута и отступила вовсе из виду нашего, а войска наши удержали свои места...».

Известно, что Бородинское сражение отличалось кровопролитностью. Достоверных сведений о числе жертв Харьковского и Изюмского полков нет. В трудах об истории последнего называются такие цифры: 120 человек убито и пропало без вести и около 100 ранено. В ведомости же о потерях І-й армии погибшими и пропавшими на поле боя значится всего 30 человек. В аналогичной ведомости 2-й армии в графе Харьковский полк данные вообще отсутствуют.

После Бородина боевые пути харьковских полков снова расходятся. Изюмские гусары получают назначение в армейский партизанский отряд Ф. Ф. Винценгероде, действовавший против французов в районе Клина. 10 октября вместе с казаками генерала Иловайского они ворвались в покинутую главными силами Наполеона Москву и изгнали оттуда последний французский отряд, помешав ему взорвать Кремль. До конца октября полк оставался в Москве, а потом участвовал в преследовании «Великой армии» до самой границы. Харьковский полк при отступлении к Москве состоял в арьергарде, а покидая оставленный неприятелю город, был окружен и едва не попал в плен вместе с черниговскими драгунами. На помощь пришел бесстрашный генерал М. А. Милорадович. Он примчался в распоряжение французов, потребовал начальника и вступил с ним в переговоры. Воспользовавшись возникшей паузой, оба полка прошли сквозь неприятельскую цепь к своим.

Остановившись возле селения Тарутино, армия Кутузова приступила к постройке укрепленного лагеря. 22 сентября французы атаковали расположение русских. «Невозможно было уступить одного шагу, — пишет А. П. Ермолов, — ибо позади на большое пространство к стороне лагеря продолжающая покатость оканчивалась речкою и неприятель, овладев возвышениями, мог видеть всякое движение в нашем лагере, а по речке, расположа передовые посты, препятствовать водопою». Во время сражения Харьковский полк «с отличною храбростию атаковал два раза неприятеля: ... опрокинул оного и, врубаясь в самые ряды их, привел его в большое расстройство и гнал до самых колонн их». «В продолжение войны обстоятельства, возлагая на нас горькую необходимость отступления, облегчали неприятелю достижение его намерений. Здесь в первый раз безвозмездны были его усилия!»— вспоминал Ермолов. За умелое руководство полком в этом бою М. И. Кутузов представил Д. М. Юзефовича к награждению орденом Св. Владимира.



Чугуевский улан
1808—1811 гг.

В ходе контрнаступления русской армии харьковцы участвуют в нападении на корпус маршала Даву у Вязьмы 22 октября. Во время боя итальянская пехота отрезала харьковским драгунам сообщение с главными силами. Командир решает прорваться, и по его команде полк во весь опор проносится мимо неприятельских колонн. Сам Юзефович на скаку кричал по-французски державшим ружья наизготовку итальянцам: «Друзья, не стреляйте — дарю вам жизнь!». «Изумленные этим смелым движением, они не сделали ни выстрела, и харьковцы не потеряли ни одного человека».

Чугуевский уланский полк включился в борьбу уже на заключительном этапе войны. Весть о вторжении Наполеона застала его в Валахии, откуда в середине сентября он прибыл на Волынь в состав 3-й Запад-

ной армии адмирала П. В. Чичагова. Переход был трудным. «...Через утомительный марш кавалерия много потеряла ...не было времени выкормить лошадей, приходили поздно и выступали до рассвета... Вследствие такого распоряжения в кавалерии и артиллерии лошади совершенно изнурились, между людьми оказалось много больных и слабых...», — вспоминал генерал Николай Григорьевич Изюмов, служивший тогда ротмистром в Чугуевском полку. Армия Чичагова медленно продвигалась на соединение с главными силами Кутузова, тесня корпуса союзников Наполеона — австрийцев и саксонцев. Последние оказались серьезными противниками. «Пользуясь темнотою ночи, мы напали врасплох на неприятеля; говорят, что генерал Ренье едва успел выскочить из занимаемого им дома, — рассказывает Изюмов об атаке г. Волковыска 3 ноября 1812 года, — однако же последствия этой экспедиции не имели того, как предполагали, успеха: с рассветом мы увидели саксонские войска выстроенными и занимающими крепкую позицию, которую удержали за собой, отразив все наши нападения...». Русские не меньше неприятеля страдали от непогоды и плохого снабжения. Среди невзгод и лишений похода пришло известие об освобождении Москвы: «Восторг наш был неизъяснимым; мы обнимали друг друга и поздравляли взаимно со столь счастливым событием, но боялись еще увлекаться радостью, не имея достоверных о том сведений».

Напрасно Кутузов торопил Чичагова: «Поспешите к общему содействию, и тогда гибель Наполеона неизбежна, весьма необходимо открыть скорее сношения между вашей и главной армией». Медлительность незадачливого адмирала позволила французскому императору с частью войска ускользнуть из готовившегося ему на р. Березина окружения. Тем не менее «Великая армия» как военная сила перестала существовать. Новый 1813 год харьковские полки встретили уже в Польше. Начался новый поход.

ОТ ВИЛЬНЫ ДО ПАРИЖА

С изгнанием Наполеона из пределов России борьба с ним не окончилась. «Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Перейдем границы и потщимся довершать поражения неприятеля на собственных полях его...», — говорилось в приказе М. И. Кутузова по армии в связи с окончанием Отечественной войны.

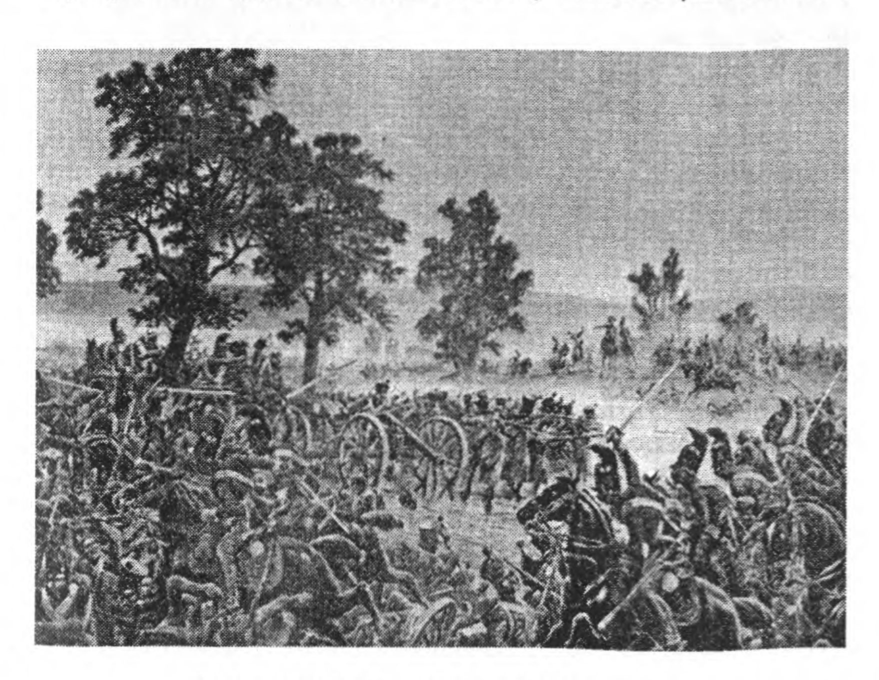
В кампанию 1813 года русские войска сражались за освобождение Германии от наполеоновского господства. В боях на немецкой земле харьковские драгуны подтвердили свою высокую боевую репутацию: в апреле у Носсена удачной атакой выручили окруженные батальоны Елецкого полка и захватили вражескую пушку; в начале мая в ходе Бауценского сражения пленили целую роту французов; спустя несколько дней в бою при Рейхенбахе разгромили уланский полк наполеоновской гвардии. Успехи полка были отмечены наградами командира Д. М. Юзефович стал кавалером прусского ордена Красного орла, получил орден Св. Анны I-й степени, золотую шпагу с брильянтами и пожизненную пенсию.

Рядом с Харьковским сражался Чугуевский полк. 4 апреля они оба торжественно вступают в Дрезден — столицу Саксонии, причем Чугуевский полк входит первым «с духовою на лошадях музыкою». У Бауцена чугуевцы и харьковцы на левом фланге российских войск, коим командовал бесстрашный М. А. Милорадович, «удерживали все покушения неприятеля обойтить и ворваться во фланг линии союзной армии». Здесь чугуевские уланы атакуют вражескую 8-ю пушечную батарею и разбивают эскадрон кирасир.

В августе в сражении у Дрездена чугуевцы вместе с гродненскими и прусскими гусарами отразили атаку французской гвардейской кавалерии, взяв до 200 пленных.

Эскадроны Изюмского полка в «летучем отряде» генерала А. И. Чернышева совершают в феврале два рейда на Берлин и освобождают столицу Пруссии от французов. «Если б доброе расположение жителей, покушавшихся подать нам руку помощи, и заметное в исступлении самих женщин, нас приветствующих всеми их полу предоставленными способами, не были останавливаемы... распоряжениями городской полиции... то могу уверить, что подвиги кавалерии в сей день не ограничились бы одним нанесенным неприятелю вредом», — рапортовал Чернышев о первом рейде.

21 марта у Люнебурга изюмские гусары вместе с казаками атакуют и заставляют положить оружие корпус генерала Морана. В руки победителей попадают 12 орудий, четыре знамени, весь обоз и 2600 пленных, включая самого генерала и 80 офицеров. 13 апреля 1813 года за заслуги в Отечественной войне полк награждается серебряными трубами, но, поскольку таковые уже имелись



Харьковцы у Кацбаха. Художник К. Буйницкий

за 1807 год, изюмцы получают Георгиевский штандарт. Георгиевские знамена и штандарты отличались от обычных формой навершия: в середине бронзовой золоченой пики вместо обычного двуглавого орла помещалось изображение Георгиевского креста; по краям полотнищ надпись золотыми буквами гласила о подвиге, совершенном полком. На Изюмском штандарте значилось: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 году». К древкам Георгиевских знамен кисти прикреплялись не на обычных шнурах, а на Георгиевских лентах.

14 августа 1813 года в Силезии на берегу реки Кацбах русско-прусская армия под командованием знаменитого Блюхера, куда входили харьковские драгуны, сошлась в битве с французами маршала Макдональда. Проливной дождь и бешеные порывы ветра не охладили пыла противников. Намокшие ружья не стреляли — «бились почти исключительно холодным оружием. Сражение носило совершенно античный характер», — вспоминал его участник. Наконец к вечеру французы, атакованные конницей союзников, уступили поле боя. В непогоду их отступление очень скоро превратилось в бегство.

В самый день битвы Харьковский полк простоял в резерве, а на следующее утро был послан вдогонку за французами.

По-прежнему не переставая лил дождь, дороги превратились в потоки грязи, что сильно затрудняло движение как беглецов, так и преследователей. «Мы находили на каждом шагу, — вспоминал русский офицер, — множество мертвых и оставленных раненых, множество побитых лошадей, опрокинутых фур, экипажей, ящиков, пушек и на каждом шагу собирали пленных; потеря и беспорядок неприятелей приводили мне на память зрелище плачевного их бегства от Москвы до Вислы...».

В пяти верстах от места битвы, у селения Пильгримсдорф, драгуны настигли хвост вражеской колонны. Перестроившись в боевой порядок, эскадроны устремились в атаку. Сопротивление было недолгим: 1200 человек при шести орудиях положили оружие и сдались на милость победителей. В этом коротком бою харьковцы потеряли всего двух человек убитыми и несколько ранеными.

В послужном списке Харьковского полка было немало более громких дел, но судьба распорядилась так, что именно за это он был удостоен почетных штандартов. Надпись гласила: «За отличие противу неприятеля в сражении у Кацбаха 14 августа 1813 года».



Георгиевский штандарт Харьковского драгунского полка

Текст на знамени грешил ошибкой: полк не был в сражении 14 августа, а отличился на следующий день. Историограф харьковцев Е. Альбовский высказал мнение, что в действительности штандарт является наградой за 1812 год, а Кацбах послужил лишь поводом для ее вручения. Так или иначе, но день 14 августа стал памятным в истории Харьковского полка. Сюжет «Харьковцы

при Кацбахе» воплотился в живописном полотне, которое вплоть до первой мировой войны украшало помещение офицерского собрания полка.

Поход в Европу полк завершил под старыми штандартами, овеянными пороховым дымом Красного, Бородина, Вязьмы. Они развевались над эскадронами в дни битвы под Лейпцигом. Их видели Кассель и Дюссельдорф, Кобленц и Кельн — города, куда харьковцы входили освободителями.

В грандиозной «Битве народов» под Лейпцигом (4—7 октября 1813 года) участвовали все три харьковских полка. Здесь 6 октября особенно отличились чугуевцы: под перекрестным картечным огнем они опрокинули французскую конницу, гнали ее и отбили 2 конных орудия. За это и другие сражения кампании 1813 года Чугу-



Георгиевский штандарт Изюмского гусарского полка

евскому уланскому полку 30 мая 1814 года были пожалованы серебряные Георгиевские трубы.

Поход во Францию в 1814 году памятен для Изюмского полка боем у Сен Дизье 14 марта. Гвардейская кавалерия Наполеона смяла русский отряд. Герой Бородино, теперь уже подполковник А. С. Лошкарев всего с двумя эскадронами бросается в отчаянную атаку, но получает рану и попадает в плен. В ожесточенной схватке со знаменитыми конными егерями наполеоновской гвардии гусары потеряли убитыми и пленными четырех офицеров и 44 рядовых. О геройской атаке Лошкарева становится известно Наполеону, и он посылает генерала Жерара осведомиться о здоровье русского офицера. Несмотря на неудачный исход боя, самоотверженность изюмских гусар у Сен Дизье принесла им новую почетную награду — на киверах солдат и офицеров появился медный щиток (позже ленточка) с надписью «За отличие».

Кампания победоносно завершилась капитуляцией Парижа. В 9 часов утра 19 марта 1814 года русские войска торжественным маршем вошли в город. Одним из первых вступил на парижские мостовые Чугуевский уланский полк, накануне в жестоком сражении у стен французской столицы отнявший у неприятеля 28 пушек.

С января по март 1814 года Харьковский полк нес службу в осаде французской крепости Мец. В отряд, которым командовал полковой шеф Д. М. Юзефович, помимо харьковцев входили украинские и донские казаки и два пехотных полка. В задачу отряда входило наблюдать Мец и соседние крепости — Верден, Монмеди, Лонгви. Осажденные проявляли большую активность



Офицер Изюмского полка 1817—1819 гг.


Рядовой драгунского полка 1817—1820 гг.

и совершили 38 дневных и 16 ночных вылазок. 10 марта комендант Меца генерал Дюротт вывел из города 12000 человек при 39 орудиях и пытался двинуться в тыл союзной армии. Харьковские драгуны неоднократно атаковали противника, который вынужден был вернуться обратно.

1 марта 1814 года нечаянным нападением Наполеон разгромил русский корпус, занявший г. Реймс. Командир корпуса сподвижник Багратиона генерал Э. Ф. Сен-При был тяжело ранен, но подобран и вынесен из боя харьковскими драгунами. Вот как рассказывал об этом сам Сен-При в письме к Д. М. Юзефовичу: «Спешу уведомить Ваше превосходительство, что драгуны, которых вы откомандировали в личное мое распоряжение, весьма отличились... они именно унесли меня с поля битвы, где я чуть-чуть не попал в руки неприятеля. Добрейший Чернышев по моему ходатайству произведен... в унтер-офицеры. Другие два — Граница и Очеретный — получили Георгиевские кресты. Спешу сообщить вам об этих молодцах, потому что знаю, что это доставит вам удовольствие и что вы не забудете наградить их со своей стороны...».

Крепость Мец сдалась 29 марта, а спустя два дня союзные войска вошли в Париж, Франция была покорена. В начале апреля Харьковский полк выступил на родину и в октябре прибыл в пределы Российской империи.

В литературе, посвященной истории полка, утверждалось, что Георгиевские штандарты, заслуженные в войне с Наполеоном, были вручены только в 1826 году, уже при Николае I. Автор этих строк обнаружил в изданном в 1903 году каталоге войсковых регалий, хранившихся в Артиллерийском историческом музее, упоминание о штандартах Харьковского полка с приведенной выше характерной надписью. Они поступили на хранение в 1827 году, вероятно, в связи с заменой их новыми. Особенности изображений на полотнищах, в част-

ности наличие на них вензелей Александра I, позволяет датировать эти экспонаты 1817 годом. Именно тогда большая часть кавалерийских полков, и среди них Харьковский, получили наградные штандарты.

Заслуженное право ношения Георгиевских знамен сохранялось за войсковой частью до конца ее существования. Сменяли друг друга поколения солдат в полку, менялся рисунок штандартов и царские вензеля на нем. Но неизменной оставалась надпись о подвиге как символ неразрывной связи поколений, прочности и святости полковых традиций.

Походы 1812—1814 годов остались наиболее насыщенным и ярким периодом в истории харьковских полков. Никогда более не удостаивались они такого числа знаков отличия, и почти никогда не приходилось солдатам идти в бой, воодушевляясь высокими идеалами защиты отечества и освобождения порабощенных народов. Этим, вероятно, и объясняется тот факт, что число георгиевских кавалеров в полках за 1812—1814 годы так и осталось непревзойденным за все войны тридцатилетней эпохи Николая I.

НА БЕРЕГАХ АРАКСА И ДУНАЯ

Победа над Наполеоном сделала Российскую империю самой могущественной державой в континентальной Европе. Но ее мощь основывалась не на успехах промышленности или сельского хозяйства, а на наличии огромной по тем временам армии. По окончании наполеоновских войн ее численность превышала 700 тысяч человек, к концу царствования Александра I достигла почти миллиона. Содержание вооруженных сил таких размеров было для страны нелегким бременем. Средство «уменьшения издержек на содержание войск» Александр увидел в создании военных поселений. Идея заключалась в передаче части армии на непосредственное содержание крестьян; поселенные среди них войска должны были как бы слиться с ними, помогать им в свободное от занятий время работать в поле и дома и в свою очередь приучать крестьян к военной жизни, дисциплине и строевым порядкам. «Здесь особенно ярко проявилась отличительная черта характера Александра I — его умозрительный способ мышления; как хорошо было как крестьян, так и солдат превратить в автоматы и переставлять одного на место другого. Отсюда понятно, почему Александр I ни за что не хотел отказаться от нее, несмотря на довольно грозные предостережения полной неудачи осуществления этой заманчивой цели и на явное несочувствие, высказанное вначале всеми ближайшими его сотрудниками», — писал русский военный историк начала века В. П. Никольский.

Насаждение военных поселений началось сразу же по возвращении русских войск из заграничных походов. Во главе этого дела царь поставил генерала А. А. Аракчеева, пользовавшегося его без-

граничным доверием. «Узкий, необразованный в широком государственном смысле, воскресивший начала павловской муштры и парадомании... бесчувственный, но строгий к подчиненным, злобный, не терпящий никаких возражений... Аракчеев ко времени главных реформ по военным поселениям представлял из себя всесильного самодура, с которым всякий талантливый и образованный человек избегал не только служить, но даже и встречаться», — характеризует царского любимца все тот же Никольский. При наличии такого главного исполнителя порочная сама по себе идея обернулась подлинным бедствием для сотен тысяч солдат и крестьян, зачисленных в корпус военных поселений. Их обитателей, включая детей старше шести лет, нарядили в мундиры, заставили все работы выполнять по команде, а после того еще обучаться премудростям строевого шага и ружейных приемов. Любые протесты оказывались тщетными: император, ласково принимая очередную депутацию, прежде всего давал им наставления повиноваться начальству. Аракчеев же расправлялся с недовольными по-свойски, и народная молва гласила, что «писать о нем надобно не чернилами, а кровью».

Чугуевский уланский полк разделил судьбу 20 кавалерийских полков, назначенных Александром I на поселение. Указом от 19 декабря 1817 года Чугуевская войсковая канцелярия упразднялась, а полк переформировывался в поселенный. Злой насмешкой звучала заключительная фраза царской грамоты: «Воздавая таким образом Чугуевскому уланскому полку достойное по его заслугам...».

Если превращение казаков в улан приравнивало их к обычной армейской кавалерии, то перевод в разряд военных поселян низводил казачьи семейства до положения крепостных крестьян. Кроме того, каждому поселенцу полагался надел строго определенных размеров, в результате у чугуевцев был отобран излишек в 1350



А. А. Аракчеев

десятин. Все это наряду с бесчеловечными методами управления военными поселениями привело летом 1819 года к открытому возмущению чугуевцев.

Поводом послужил приказ о заготовке поселянами 103 тысяч пудов сена, что являлось непосильной задачей и неизбежно должно было повлечь запустение их собственных хозяйств. Вскоре распространился слух, что весь собранный поселянами и принадлежавший им хлеб будет изъят в полковой склад. Подобная же участь постигнет и домашнюю скотину. Тут же в селах Чугуевского округа начали составлять «приговоры письменные» о согласии вместе стоять упорно против поселения и собирать под ними подписи. Служили молебны, во время которых чугуевцы торжественно клялись «стоять твердо, дабы не быть военными поселянами... не исполнять ничего по военному поселению и не слушать по-сему начальников». В течение пяти дней — с 27 июня по 2 июля восстание распространилось по всему округу. Весь июль чугуевцы отказывались от выполнения любых работ в военных поселениях, не убирали даже собственный хлеб. В августе к ним присоединились уланы соседнего Таганрогского полка. Восстание охватило территорию с населением в 28 тысяч человек. «Никакие убеждения не действуют на бунтующих, — доносили Аракчееву, — все они единогласно с женщинами и детьми кричат следующее: «Не хотим военного поселения, которое ничто иное есть, как служба графу Аракчееву, а не государю, и мы приняли решительные меры истребить графа, то наверное знаем, что с его концом разрушится и военное поселение». Уланы не решались применить военную силу и ограничились пассивными формами протеста, рассчитывая, очевидно, на заступничество «батюшки-царя». Но Александр I приказал Аракчееву быстро и решительно подавить выступление и наказать всех виновных. К Чугуеву стянули семь полков с артиллерией, заняли войсками все населенные пункты округа. Начались массовые аресты. Всего под стражу было взято более двух тысяч человек, из них 1104 из Чугуевского полка. Военный суд приговорил 275 поселян «к лишению живота». Аракчеев заменил казнь на наказание шпицрутенами «каждого через тысячу человек по двенадцати раз».

Экзекуция состоялась 18 августа. Вечером того же дня Аракчеев писал царю: «Ожесточение преступников до такой степени простерлось, что из 40 человек только трое, раскаявшись в своем преступлении, просили помилования: они на месте же прощены, а прочие 37 наказаны, из коих 20 отдали богу душу». С 18 по 22 ав-

густа в Чугуеве из 54 человек, наказанных шпицрутенами, 29 были забиты насмерть. Сотни поселян были подвергнуты порке и сосланы в отдаленные гарнизоны. Оказались наказанными 69 офицеров Чугуевского полка, в большей или меньшей степени причастных к восстанию. Ротмистры Тареев и Туманский по приговору военного суда лишены дворянства, чинов, наград и отправлены в ссылку.

В начале октября Аракчеев извещал государя, что «все постепенно приходит в должный порядок». «Благодарю тебя искренно от чистого сердца за все твои труды», — отвечал Александр.

Жестокая расправа с несчастными поселянами вызвала возмущение передовой общественности страны. А. С. Пушкин откликнулся эпиграммой на Аракчеева: «В столице он капрал, в Чугуеве — Нерон, кинжала Зандова везде достоин он». К. Ф. Рылеев написал сатирическое послание «К временщику».

Харьковский и Изюмский полки минула участь чугуевских улан, они сохранили принадлежность к армейской кавалерии. Но им сполна довелось разделить участь всей русской армии, где в конце царствования Александра I и особенно при Николае I расцвела бессмысленная муштра.

Впрочем, тому имелось вполне рациональное объяснение. На запрос министра внутренних дел о настроениях в армии почтенный основатель Харьковского университета В. Н. Каразин написал: «Солдаты, возвратившиеся из-за границы... возвратились с мыслями совсем иными и распространяют оные при переходе своем или на местах, где квартируют... Люди начали больше рассуждать. Судят, что трудно служить, что большие взыскания, что они мало получают жалованья, что наказывают их строго и пр.». Прямим средством борьбы с «тлетворными идеями» было усиление фрунтовых занятий. Аракчеев говорил, что если у армии отнять все свободное для раздумья время, то в ней не будет проявляться дух свободомыслия.

В пехотных войсках главное внимание обращалось на строевой шаг, кавалерия по примеру австрийской и прусской была охвачена повальным увлечением манежной выездкой. «С утра и до вечера, — говорится в «Истории Харьковского полка», — в понастроенных крытых манежах происходила пытка людей и лошадей. Их заставляли проделывать разные фокусы. Солдаты, несмотря на вбивание, никак не могли скоро постигнуть всех ухищрений немецкой изобретательности, названия которых так непонятно и дико звучат для их уха. Понимали они только ясно то, что редопами и т. п. нель-

зя будет колотить врагов отечества, а из ружей тогда они не стреляли, саблями владеть не учились вовсе — не было времени, манеж поглотил все и все отодвинул на второй план».


Трубач драгунского полка

Испытанным средством воспитания и обучения солдат оставалась палка. Телесные наказания следовали за малейшую провинность. В одном из приказов по Харьковскому полку прямо говорилось: «Хороший командир каждого солдата натуру знает, сколько кто ударов выдержит, а кому определит их не в меру, значит тому смерть... а что ассигновано, так тому и быть».

Все в армейской жизни было подчинено заботе о внешней эффектности, а потому уставы того времени даже на случай военных действий давали весьма любопытные советы. В Уставе о кавалерийской строевой службе 1818 года в главе «О атаке» рекомендовалось «слишком горячих лошадей придерживать», «в карьер более 80 шагов никогда не атаковать» и главное внимание при атаке обращать на равнение. Устав 1823 года гласил: «Атакующий фронт должен идти на неприятеля сколь можно осанисто...».

Николай I, подобно своему отцу и брату, был большой охотник до военных реформ. При нем в 1827 году Харьковский полк стал из драгунского уланским. Уланы были одеты в синие короткие куртки с цветными воротниками, лацканами и выпушками вдоль швов на спине и рукавах; также синие рейтузы с двойным лампасом. На голове — характерные уланские шапки, наподобие польских, с четырехугольным верхом, украшенные шнурами. Цвет лацканов, обшлагов, воротников, выпушек и лампасов в Харьковском полку был белый. Изюмский утра-

тил свое славное имя и с 1826 года стал называться «гусарский эрцгерцога Австрийского Фердинанда». Но перемены в названии и форме одежды не повлияли на характер боевой подготовки, и «главнейшие две обязанности кавалерии — охранять и разведывать — находились всегда почему-то в полном загоне, и учиться тому не почиталось нужным».



Уланская шапка 1818—1819 гг.

Ложная система обучения и воспитания наносила огромный вред русской армии, но она не могла окончательно разрушить боевой опыт, приобретенный в эпоху борьбы с Наполеоном. Русский солдат не был окончательно исковеркан муштровкой Аракчеева. Его блестящие боевые качества остались незыблемыми, что подтвердилось в ходе русско-персидской (1826—1828 гг.) и русско-турецкой (1828—1829 гг.) войн.

Предъявив претензии на Закавказье, Иран летом 1826 года начал войну против России, сорокатысячная армия наследного принца Аббас-Мирзы перешла пограничную реку Аракс. На помощь малочисленному Кавказскому корпусу была направлена уланская дивизия, куда входил Чугуевский полк. Переход в Закавказье оказался длительным, и уланы смогли принять участие в боевых действиях уже в кампанию 1827 года. Два дивизиона полка охраняли коммуникационную линию русских войск в карабахском отряде генерал-майора Панкратьева. Уланам приходилось сопровождать транспорты и отражать набеги персидских наездников. Вот как описывает атаку чугуевцев на персидскую конницу в бою 24 июня 1827 года известный историк Кавказских войн Василий Алексеевич Потто: «Впереди отряда шел дивизион чугуевских улан. Их белые шапки, белые лацканы и серые кони рельефно выделялись на темной зелени муганской степи. Кромин (командир отряда) не успел еще отдать приказание, как дивизион развернул фронт и, шумя флюгерами склоненных пик, стремительно помчался в ата-

ку. Персияне дрогнули и дали тыл. К несчастью, под уланами были молодые, невыезженные кони, еще не умевшие слушаться повода. В бешеной погоне занесенные своими лошадьми, чугуевцы заскакали слишком далеко, наткнулись на новые вражеские толпы и в свою очередь были опрокинуты. Персияне горячо их преследовали. Пушечные выстрелы остановили неприятеля и дали возможность уланам выйти из-под его ударов; тем не менее один офицер, пять солдат и восемь лошадей были убиты и ранены». Еще большие потери понесли чугуевцы от болезней: в течение двух-трех месяцев стоявшие в селении Зардоб два эскадрона потеряли умершими полковника, двенадцать обер-офицеров, двух докторов и 56 рядовых; почти все остальные офицеры и 269 солдат лежали в госпиталях. Скорбным памятником пребыванию здесь чугуевских улан осталось обширное кладбище, усеянное убогими деревянными крестами.

Еще один дивизион был включен в состав сводного уланского полка, действовавшего вместе с главными силами армии.

При взятии крепости Сардар-Абад 19 августа чугуевцы вместе с казаками и драгунами преследовали отступавший неприятельский гарнизон. Во время осады Эривани (23 августа — 1 октября) они прикрывали батареи, после капитуляции столицы Восточной Армении совершили марш к Тавризу. Побежденный Иран подписал в феврале 1828 года мирный договор. По его условиям он обязывался выплатить России 20 миллионов рублей контрибуции на покрытие военных издержек. Чугуевский полк получил ответственное задание: доставить контрибуцию из Ирана в пределы России. Четыреста сорок пудов серебряных монет были уложены в 120 кожаных мешков, которые в виде вьюков поместили на строевых лошадей и таким образом транспортировали под охраной улан к месту назначения. За успешное выполнение этой миссии ее участникам было роздано 440 рублей — по весу перевезенного серебра.

Поддержка Россией борьбы греков за независимость привела к войне с Турцией. Закавказье снова стало ареной боевых действий. Из чугуевских улан в мае 1828 года был сформирован усиленный эскадрон под командованием ротмистра Василия Тимофеевича Линева. Он вошел в состав Сводного уланского полка Кавказской армии. Остальные эскадроны осенью вернулись в Чугуев.

Сводный уланский полк участвовал во всех крупных сражениях с турками на Кавказе. За отличие в разных делах кампаний 1828 и 1829 годов 20 уланов чугуевского эскадрона получили Георгиев-

ские кресты. Ротмистр Линев был произведен в майоры, награжден тремя орденами и золотой саблей с надписью: «За храбрость». Кроме того, все солдаты и офицеры получили специальные медали в память русско-турецкой войны.

Летом 1829 года боевой путь чугуевских улан пересекся с маршрутом «путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина. Поэт оказался свидетелем боевых столкновений, предшествовавших взятию этой турецкой крепости. Описывая в известном произведении увиденные баталии, он несколько раз упоминает Сводный уланский полк, в непосредственной близости от которого находился во время боев у с. Кайнлы 19 июля и при Миллидюзе 20 июля 1829 года. Тогда же состоялось его знакомство с одним из чугуевских офицеров, не вошедшее в анналы полка, но не оставленное без внимания исследователями жизни Пушкина. Знакомство это имело свою предысторию. В 1825 году, когда поэт находился в михайловской ссылке и его имя практически не упоминалось в прессе, издававшийся в Харькове «Украинский журнал» опубликовал поэтическое обращение к Пушкину, подписанное никому не известными инициалами. Харьковский литературовед И. Я. Лосиевский установил, что его автором был офицер Чугуевского полка Михаил Владимирович Юзефович. Личная встреча Юзефовича с Пушкиным произошла спустя четыре года под стенами осажденного Эрзерума. «Я приехал туда с поэтом Юзефовичем», — писал Пушкин. Слово «поэт» в устах Пушкина применительно к личности скромного офицера означало высокую оценку творческого дара Юзефовича. Любопытные воспоминания о своих встречах с Пушкиным оставил сам Михаил Владимирович: «Как теперь вижу его, живого, простого в обращении, хохотуна, очень подвижного, даже вертлявого, с великолепными большими, чистыми и ясными глазами ... с белыми блестящими зубами, о которых очень заботился... Он вовсе не был смугл, ни черноволос... а был вполне белокож и с вьющимися волосами каштанового цвета... В его облике было что-то родное африканскому типу, но не было того, что оправдывало бы его стих о самом себе: «Потомок негров безобразный». Напротив того, черты лица были у него приятные и общее выражение очень симпатичное.... Носил он... щегольской черный сюртук, с блестящим цилиндром на голове, а потому солдаты, не зная, кто он такой, и видя его постоянно при Нижегородском драгунском полку... принимали его за полкового священника и звали драгунским батюшкой».

Главные события войны развернулись на Балканах. Русские войска, вытеснив неприятеля из Молдавии и Валахии, перешли Дунай и вступили в Болгарию. Харьковский уланский полк в составе 4-й уланской дивизии при 6-м пехотном корпусе начал войну, имея



Улан Харьковского полка 1827—1828 гг.

в строю 765 человек всех чинов при 713 лошадях. Командовал харьковцами в эту пору Иосиф Романович Анреп. Полк он возглавил в 1826 году в возрасте 29 лет, но, несмотря на молодость, показал себя вполне зрелым боевым командиром. На это указывают и полученные им за войну знаки отличия — орден Св. Георгия, золотое оружие и две турецкие пули — в грудь и руку.

С июля по октябрь уланы находились в отряде, блокировавшем мощную турецкую крепость Силистрию. Численность гарнизона почти вдвое превышала силы осаждающих, и турки постоянно совершали вылазки. Во время отражения одной из них, 16 августа, и был ранен И. Р. Анреп, лично возглавивший атаку уланских эскадронов. В другой раз, 3 сентября, два эскадрона харьковцев бросились в атаку с «отличным успехом в толпы в три раза сильнейшая». До конца сентября уланы заслужили под стенами Силистрии 25 Знаков отличия Военного ордена.

В это время в армии находилось немало офицеров, разжалованных и переведенных из гвардии за причастность к заговору декабристов. Были такие и в Харьковском полку. Корнет Васильчиков и поручик Свиньин за проявленную в боях у Силистрии храбрость получили «высочайшее прощение» вины за участие в событиях декабря 1825 года.

В конце сентября полк был переброшен к другой турецкой крепости — Шумле. Наступила осень, с холодами, дождями, бескормицей. Лошади, привыкшие к теплым конюшням и манежам, где их готовили к парадам и смотрам, отказывались переносить «тяготы и лишения» воинской службы и гибли десятками. «Когда-то жирные до безобразия, с лоснящеюся шерстью, с завитыми в колечки гривами и хвостами лошади, — пишет Е. Альбовский, — обратившись теперь в худых, безобразных, обросших косматою шерстью одров, шатались от ветра и падали в полном изнеможении, чтобы более уже не встать». К декабрю полк лишился их более половины. Взвалив на спину попоны, седла и прочие принадлежности конской сбруи, проклиная на все лады непогоду и начальство, тащились по раскисшим от дождя дорогам пешие уланы на зимние квартиры в Валахию.

За время короткой зимней передышки полк, потерявший от болезней массу людей, так и не смог восстановить свою численность. Война продолжалась, весной уланы снова прибыли под Силистрию и оставались здесь вплоть до ее капитуляции 18 июня 1829 года. Падение Силистрии развязало руки русскому командованию, и оно

приступило к осуществлению давно задуманного плана похода за Балканы.

Харьковский полк в левой колонне генерала Рота выступил 30 июня из-под Шумлы в направлении на Бургас. Переход через горы был чрезвычайно утомителен. Погода стояла знойная. Взбираясь по скверным дорогам в горы, солдаты изнывали под тяжестью амуниции и запасов продовольствия и воды. Кавалеристы были в более выгодном положении, но им часто приходилось идти пешком, ведя коней в поводу. На последних переходах пошли дожди, и движение по испорченным дорогам стало еще более затруднительным. При переправе через реку Камчик у Дарвиш Джевана турки попытались преградить путь войскам Рота, но были отброшены. 10 июля колонна, перевалив через горы, начала спуск. Перед взорами солдат расстилалась цветущая долина, а за ней зеркальная поверхность Бургасского залива. 11 июля был захвачен укрепленный лагерь у Миссемврии, где харьковцы взяли два орудия, на следующий день они первыми ворвались в Бургас. Главнокомандующий генерал И. И. Дибич доносил императору Николаю: «Государь! Господь благословил усилия храбрых и несравненных войск, которые Вашему Величеству угодно было доверить моему командованию. Балканы, считавшиеся непроходимыми в течение стольких веков, пройдены ими в три дня, и победоносные знамена Вашего Величества развеваются на стенах Миземврии, Ахиолы и Бургаса, среди населения, которое встречает наших храбрецов как освободителей и братьев...».

31 июля турки были разбиты у Сливно, где еще раз отличился Харьковский полк. После этого у них больше не было организованных сил, способных оказать сопротивление. Армия Дибича заняла Адрианополь, удар заносился над Константинополем. При таких обстоятельствах Турция вынуждена была просить мира.

За различные подвиги, совершенные при осаде Силистрии и Шумлы, в боях у Янибазара, Дервиш Джевана, Миссемврии и Сливно, 63 улана Харьковского полка получили Георгиевские кресты. Личному составу первых двух дивизионов были пожалованы знаки «За отличие» на головные уборы. Наград удостоились почти все офицеры полка.

Об участии в войне изюмских гусар известно немного. К ее началу «гусарский эрцгерцога Фердинанда» насчитывал в своих рядах 45 офицеров, 994 унтер-офицера и рядовых, 22 музыканта. На театр военных действий полк прибыл в сентябре 1828 года



Офицер и унтер-офицер Изюмского полка 1826—1828 гг.

и почти все время состоял в корпусе, осаждавшем Силистрию. При отражении наступления турок весной 1828 года гусары охраняли правый фланг русской позиции во время Кулевчинского сражения (31 мая), но активного участия в бою не принимали. Полко-

вая традиция не сохранила воспоминаний о каких-либо ярких боевых эпизодах. Незначительное число солдат, получивших боевые награды за походы 1828—1829 годов — всего 24 человека, также подтверждает, что на долю изюмцев не выпало на этот раз громких побед.

Война окончилась, в сентябре 1829 года в Адрианополе был подписан мирный договор. Российская империя приобрела довольно скромные территории на Кавказе и побережье Черного моря. Зато Греция получила полную автономию, а спустя полгода объявила о своей независимости. Автономными стали Молдавия и Валахия, укрепила свою самостоятельность Сербия. По условиям договора русские войска продолжали оставаться в Болгарии и Дунайских княжествах до выплаты Турцией контрибуции. Харьковский полк до весны 1830 года находился в Восточной Румелии, в октябре перешел в Валахию. Здесь два офицера, три вахмистра и 16 рядовых были командированы для обучения местного земского войска — основы будущих вооруженных сил независимого румынского государства. Известие о восстании в Варшаве и начале русско-польской войны потребовало срочного возвращения полка в пределы России.

«РАЗУМЕЙТЕ ЯЗЫЦЫ И ПОКОРЯЙТЕСЯ»

Восстание 1830 года породило самый крупный после разделов Речи Посполитой русско-польский военный конфликт. Королевство польское в составе Российской империи имело свою небольшую, но прекрасно обученную армию, численность которой выросла благодаря притоку добровольцев. Понадобился почти год напряженной кровопролитной борьбы, чтобы сломить ее сопротивление.

В русском обществе неоднозначное отношение к войне сменилось антипольскими настроениями, после того как вожди восстания объявили о намерении восстановить государство в границах 1772 года. «Скажите: скоро ль нам Варшава предпишет гордый свой закон?» — вопрошал А. С. Пушкин в стихотворении «Бородинская годовщина» и прославлял графа И. Ф. Паскевича — покорителя польской столицы.

В то время как главные события войны развернулись под Варшавой, на периферии театра военных действий — в Литве, Белоруссии, на Подолии и Волыни — многочисленное польское население, сочувствуя делу восстановления независимости, готовилось поддержать его с оружием в руках.

На Подолии инициаторами и вожаками восстания стали помещики братья Сабанские. К ним примкнула местная польская шляхта. К концу апреля 1831 года инсургенты имели отряд численностью более пяти тысяч человек, преимущественно конницы, хорошо вооруженной и сидевшей на прекрасных лошадях. Откуда-то им удалось достать даже несколько пушек. Действия Сабанских



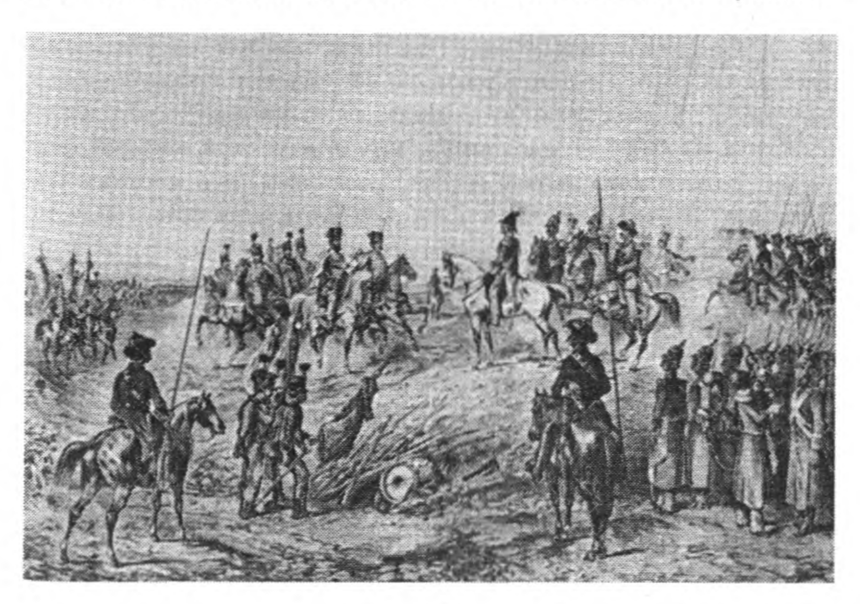
Унтер-офицер Харьковского полка 1833 г.

облегчались отсутствием в крае регулярных войск. Именно сюда были направлены срочно отозванные из-за границы харьковские уланы. Воодушевленные быстрым ростом своих отрядов и отсутствием серьезного противника, повстанцы весьма самонадеянно намеревались совершить поход в сторону Киева, для чего двинулись в местечко Дашев (на западе современной Винницкой области). По пятам за поляками последовал генерал-майор Рот с Харьковским, Одесским, Вознесенским уланскими полками и четырьмя орудиями. 2 мая около четырех часов по-полудни он настиг их у Дашева. Повстанцы пытались выстроить боевой порядок, но уланы, поддержанные огнем артиллерии, сходу ударили на них. Харьковцы опрокинули колонну против левого фланга и захватили четыре орудия. Завязался упорный бой. «Тогда начался ряд блестящих и счастливых атак, в которых в особенности отличился Харьковский полк, — рапортовал после битвы Рот, — но и инсургенты храбро держались, несколько раз возобновляли свои нападения и отступили в порядке». Была уже почти ночь, когда от массы отступавших поляков отделился отряд в 300 всадников и бросился на наши орудия, стоящие в центре. Навстречу Рот лично повел эскадрон харьковцев. Началась отчаянная рубка, ее исход решил удар во фланг и тыл поляков эскадронов вознесенских улан. Отряд, состоявший из представителей родовитой шляхты — предводителей отрядов, был истреблен почти полностью. Из свалки удалось выбраться и спастись бегством в ночи всего трем десяткам человек. Более 1200 повстанцев остались на поле сражения убитыми, почти 100 попало в плен. «Можно смело сказать, что Дашевское сражение одним ударом поразило мятеж в Подолии» — так оценил результаты боя русский военный историк генерал-майор Г. М. Пузыревский. Потери русских исчислялись 24 убитыми, 73 ранеными, причем 15 убитых пришлось на долю Харьковского полка. За дело у Дашево 21 улан получил Георгиевские кресты. Командиру

полка Д. Н. Беклемишеву генерал-майор Рот преподнес взятую в бою саблю одного из повстанческих командиров. В Подольской губернии полк находился до конца июля, а затем направился в пределы Королевства Польского. К этому времени исход войны был фактически предрешен и харьковцам осталось лишь преследовать польские отряды, искавшие спасения в бегстве за границу.

Чугуевский уланский и «гусарский эрцгерцога Фердинанда» охраняли тыл и пути сообщения армии в Литве, Белоруссии и восточной части Королевства. Один эскадрон чугуевцев оказался на Волыни в Овручском уезде. В этих местах повстанцы скрывались среди лесов и болот и выходили оттуда небольшими отрядами для нападения на транспорты, отдельные повозки, курьеров с почтой и т. п. Борьба с ними была тягостной, ибо они оказывались почти неуловимыми. Чугуевцам все же удалось разгромить отряд майора Пушета в Августовском воеводстве и еще один отряд в Лидском повете. Эскадрон, действовавший в Овручском уезде, участвовал в захвате некоего Логензо вместе с его штабом и обозом.

Изюмские гусары были посланы в Виленскую губернию, где к маю 1831 года девять из 11 уездов оказались под контролем повстанцев. В ходе многочисленных стычек с ними в полку появи-



Капитуляция венгерских войск при Вилагоше. Художник И. Фрейсауф

лись свои герои. Юнкер Крейзель разбил польский конвой и захватил три повозки с оружием. Унтер-офицер Алексей Гуторин был отрезан неприятельскими стрелками, но пробился к своим, причем привел троих пленных, хотя и сам, и его лошадь были ранены.

Военные действия против польских войск и повстанцев окончились в октябре 1831 года. Николай I, носивший титул польского короля, наградил всех участников войны знаками польского военного ордена «Виртути милитари» — «Воинского достоинства». Такова была ирония истории и злая воля монарха: усмирителям Польши — польские награды.

Мирная жизнь харьковских полков на протяжении последующих полутора десятилетий не отмечена какими-либо замечательными событиями. Заслуживает упоминания лишь участие Харьковского полка в торжествах на Бородинском поле в августе 1839 года. В присутствии Николая I и многочисленного войска состоялось открытие памятника, построенного по проекту архитектора А. Адамини, двадцатисемиметрового чугунного монумента, напоминавшего по форме колокольню православного храма. Тогда же состоялись маневры, воссоздавшие эпизоды памятной битвы.

Вновь трубы позвали в поход весной 1849 года. Революции, охватившие в 1848 году большую часть Европы, вызвали у русского царя резко отрицательную реакцию. Отношение к ним Николай выразил в собственноручно написанном манифесте от 14 марта 1848 года: «После благословений долголетнего мира запад Европы внезапно взволнован ныне смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства... Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает в безумии своем и нашей Богом нам вверенной России. Но да не будет так!». Понятно, что российский самодержец немедленно откликнулся на призывы своего «младшего брата», австрийского императора, оказать помощь против восставших венгров. В июне 1849 года стотысячная русская армия через карпатские перевалы устремилась на венгерские равнины, с ней шли Харьковский и Изюмский полки.

В русском войске практически не задавались вопросом, куда и зачем идут воевать. На поход смотрели как на военную прогулку. При переходе границы, вспоминал участник похода, «шампанское лилось, все были веселы». К венграм враждебных чувств никто не испытывал, а «ближайшее знакомство с ними выказывало в них вообще доброту и кротость...».

За всю трехмесячную кампанию 1849 года не случилось ни одного крупного сражения. Венгерские полководцы не решались вступать в бой с главными русскими силами и каждый раз ускользали от серьезных столкновений. Так было под Вайценом 3 июля, где харьковцы вынуждены были просто простоять под огнем, не слезая с коней, 18 часов и потеряли убитыми двух уланов и 35 лошадей, прежде чем венгры беспрепятственно ушли, прекратив бой. В другой раз, 8 июля у местечка Тур, дивизиону Харьковского полка, выручая наших гусар, пришлось схватиться с венгерской конницей. Но и этот бой, судя по ничтожным потерям русского отряда, протекал вяло: получив отпор, венгры тотчас отступили. Под Дебреценом полк действовал в составе 2-й кавалерийской дивизии. «Поставленная в густейшую кукурузу, она была совершенно закрыта от неприятеля, но зато и сама ничего не видела. Когда ее хватились, чтобы послать наперерез венгерцам, то едва могли отыскать», — говорится о действиях дивизии в одном военно-историческом труде о походе 1849 года. Изюмскому полку за венгерскую кампанию также не было чем похвастать. Он участвовал в неудачной попытке окружить часть венгерских войск на реке Шайо 13 июля. В делах при Гестелли и Дебрецене гусары простояли в резерве.



Офицер гусарского полка 1852—1855 гг.

Главным врагом русских войск в этом походе оказался не противник, на долю которого приходилась всего одна двенадцатая потерь армии, а разные болезни, прежде всего холера. «Люди умирали массами на марше, на биваках. От армии постоянно тянулись целые обозы больных, направляясь в госпиталя, но всех они забрать не могли, и несчастные больные солдаты плелись вслед за ними пешком и своими трупами устилали дороги. Подать помощь всем больным было невозможно. И без того неудовлетворительная санитарная часть была совершенно бессильна: лекарств не было, врачей недоставало. И несчастные жертвы, поливаемые дождем, валялись в грязи и мерли, как мухи, их уже не успевали хоронить

в длинных общих могилах» — такую картину рисует «История Харьковского полка». Его численность всего через месяц после начала кампании сократилась почти вдвое. Изюмский полк пострадал несколько меньше, но и он к началу июля потерял от холеры более 100 человек.

Уступая превосходству русско-австрийских сил, венгерский главнокомандующий Артур Гергей изъявил готовность сложить оружие. Харьковские уланы были свидетелями церемонии капитуляции венгров, состоявшейся 1 августа вблизи Вилагоша. «Невозможно было, — пишут очевидцы, — равнодушно смотреть на этих воинов, которые с немым отчаянием на лице слагали свое оружие и лобызали знамена полков своих, навсегда прощаясь с ними; гусары в то же время сносили свои сабли, пистолеты и прочее вооружение на указанное место, рыдая, обнимали своих коней и затем безмолвно передавали их нашим кавалеристам». Австрийцы вероломно поступили с венграми, расстреляв 13 генералов революционной армии. У русских, напротив, установились с недавними противниками самые дружеские отношения. «Причины этому были разнообразны: отчасти великодушие, сожаление к побежденному, но выказывавшему нам расположение неприятелю, которого общественное мнение как бы хотело вознаградить за наше вмешательство, в несправедливости и вреде которого многие были убеждены, — молчаливый протест против того, что сами исполнили..», — писал участник войны М. Лихутин.

В память венгерской войны Николай велел отчеканить серебряную медаль, на реверсе которой была выбита весьма амбициозная фраза: «С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтеся».

В 1851 году Харьковский, Изюмский, а также другие бывшие слободские полки — Сумской и Ахтырский — одними из первых в русской армии отпраздновали свой двухсотлетний юбилей. По этому поводу им были пожалованы новые штандарты и юбилейные ленты с царскими вензелями и датами 1651—1851.

Служивший в Изюмском полку молодой офицер Николай Васильевич Гербель посвятил юбилею целую поэму, которая начиналась так:

Есть на Руси полки лихие —
Недаром слава их громка,
Но нет у матушки России
Славней Изюмского полка...



Улан 1855 г.

Николай Васильевич стал первым историографом родного полка: в 1852 году из-под его пера выходит книга «Изюмский слободской казачий полк», затем очерк «Изюмский гусарский полк в войнах 1812, 1813 и 1814 годов». Выйдя в отставку, Н. В. Гербель занялся

литературой, переводческой и издательской деятельностью, которые принесли ему впоследствии заслуженную известность и почетное место в истории отечественной словесности.

В 1853 году началась Восточная, или, как ее еще иногда называют, Крымская война. По оценке современника, «наша регулярная кавалерия в Крымскую кампанию не отличалась никакими замечательными действиями...». Это мнение справедливо и в отношении харьковских полков. Им почти не пришлось участвовать в боевых операциях.

Харьковские уланы всю войну простояли на границе с Австрией, которая, забыв об услуге, оказанной ей в 1849 году, перешла в лагерь врагов России и бряцала оружием, не рискнув, правда, пустить его в ход.

Участие Изюмского полка в боевых действиях ограничилось безрезультатным походом под Силистрию весной 1854 года, после чего гусары охраняли северное побережье Черного моря от возможного десанта.

Только чугуевским уланам «повезло»: они оказались в Одессе как раз во время нападения англо-французской эскадры в апреле 1854 года. Богатый и практически беззащитный портовый город казался союзникам легкой и соблазнительной добычей. Неприятельский флот в составе 19 линейных кораблей и девяти пароходов-фрегатов 10 апреля открыл бомбардировку и попытался высадить десант. Значительно более слабые русские батареи энергично отвечали и сумели повредить четыре корабля, после чего англо-французы вынуждены были удалиться. Николай I, весьма довольный неожиданным успехом, пожаловал каждому из чинов воинских частей, бывших в городе во время бомбардировки, по рублю серебром. Получили знак царской милости и чугуевцы.

Российская пресса того времени писала, что «беспримерная оборона Одессы... может быть отнесена только к помощи Всевышнего...». Очевидно, без его десницы не обошлось и другое событие: утром 20 апреля в густом тумане английский военный пароход «Тигр» сел на мель в шести верстах к югу от Одессы. На берег была немедленно послана артиллерия в сопровождении эскадрона Чугуевского полка под командованием ротмистра Кавалдина. Уланам не пришлось пустить в ход оружие: после короткой артиллерийской дуэли команда «Тигра» — 225 офицеров и матросов — сдалась в плен. Пароход, крепко сидевший на мели, был сожжен. Инцидент с «Тигром» как бы символизировал окончательную неудачу союз-

ников у Одессы, а защитникам города дал законное основание чувствовать себя победителями. Пушка с «Тигра» в память о событиях 1854 года была установлена на городской набережной, где стоит и по сей день. В том, что Одесса обрела этот трофей, превратившийся в одну из ее достопримечательностей, есть заслуга и чугуевских кавалеристов.

Поражение в Крымской войне серьезно подорвало международный престиж России и вызвало глубокий кризис внутри страны. Николай I не пережил позора, и заключать мир пришлось уже его сыну Александру. С именем последнего связан ряд крупных реформ 60-х — 70-х годов, существенно продвинувших Россию по пути прогресса.

Политический кризис начала 60-х особенно сильно отозвался в Польше. Волна недовольства русской политикой и патриотические манифестации прокатились по краю в 1860—1862 годах. Власти ввели военное положение, что еще больше накалило обстановку. В начале 1862 года конспиративные кружки сторонников независимости объединились в единую организацию во главе с Центральным национальным комитетом. Все усилия польские революционеры сосредоточили на подготовке вооруженного восстания. Центральный комитет принял решение выступить в ночь с 10 на 11 января 1863 года и захватить врасплох русские гарнизоны.

В это время Харьковский уланский полк квартировал в городке Красностав Люблинской губернии. От своего шпиона командиру полка Ф. Е. Баумгартену стала известна дата выступления повстанцев и место их сбора — корчма в шести верстах от города. Уланам был дан приказ держать лошадей под седлом и по первой тревоге спешить на площадь. Вечером 10 января один из повстанцев, пробираясь в темноте к месту сбора, произвел случайный выстрел. В ту же минуту раздался сигнал трубы и все эскадроны вылетели на площадь и построились, готовые к бою.



Офицер Изюмского полка 1856 г.



Уланский офицер 1858 г.

Но город оставался безмолвным. Долго стояли уланы, ожидая нападения, пока разъезды не донесли, что в окрестностях никого нет. Убедившись, что внезапность утрачена, повстанцы ушли.

В ту же ночь взвод, посланный арестовать одного подозреваемого в связях с конспираторами помещика, подвергся нападению прямо в его усадьбе, но сумел отбиться. Так для харьковцев началась очередная «польская кампания».

В этот раз поляки не имели регулярной армии, а только плохо вооруженные отряды повстанцев, которые вели партизанские действия. Скрывались они в лесах, чему благоприятствовала теплая и бесснежная зима. Обнаружить их было нелегко, а окружить и уничтожить из-за обширности лесов практически невозможно.

Постоянные поиски и преследования польских отрядов получили наименование «идти в экспедицию». «Ходить» приходилось небольшими партиями, полуэскадроном, редко — целым эскадроном. Столкновения обычно заканчивались поражением повстанцев, но они прятались в чаще, а затем собирались в заранее условленном месте. Население, даже чиновники, в этих местах в основном поляки, предупреждали их обо всех передвижениях войск.

По мере того как разрозненные отряды инсургентов терпели поражение, восстание шло на убыль. В Люблинской губернии пик военных действий пришелся на последние три месяца 1863 и январь 1864 года. С апреля боевых столкновений зарегистрировано не было. Последняя облава на повстанцев с участием харьковских улан прошла в Красноставском уезде в июне.

Российское самодержавие рассматривало подавление восстания 1863—1864 годов как крупный военно-политический успех. В честь него была учреждена специальная медаль — «За усмирение польского мятежа». Награды участникам боевых действий раздава-

лись, как за большую войну. Полковник Ф.Е. Баумгартен получил золотую саблю «За храбрость», 32 офицера — различные награды: от анненского почетного оружия до производства в следующий чин, 32 улана — Георгиевские кресты. Весной 1865 года полк покинул Красностав. Польские мальчишки провожали улан криками: «Народное дело победило — москалей прогнали домой!».

Начало 70-х — период военных реформ. На смену прежним рекрутским наборам пришла всеобщая воинская повинность. Территория страны была разделена на военные округа. Центром одного из них стал Харьков. Кавалерия получила дивизионную организацию. Каждый кавалерийский полк добавил к своему названию цифру, соответствующую номеру дивизии. Харьковский полк вошел в состав 4-й кавдивизии, Чугуевский и Изюмский — 11-й. Эти порядковые номера полки носили до последнего дня своего существования.

Россия издавна выступала покровительницей национально-освободительного движения на Балканах. 70-е годы были временем его подъема. Турецкие зверства в Болгарии, военный разгром Сербии и Черногории потребовали вмешательства России. Правительство Александра II стремилось уладить балканские дела дипломатическим путем: смягчить турецкие репрессии при помощи переговоров по поводу изменения положения балканских народов. Но Турция, за спиной которой стояла Англия, проводила жесткую политику и поставила Россию перед выбором: или сдать свои позиции на Балканах, или пойти на крайние меры. Так началась русско-турецкая война 1877—1878 годов.

ЗА СВОБОДУ БОЛГАРИИ

Война была воспринята в русском обществе как борьба за освобождение славян. Военные усилия правительства получили широкую народную поддержку: в пожертвованиях и добровольцах не было недостатка. Мобилизация проходила споро. Министр внутренних дел докладывал царю: «По общему отзыву губернаторов, запасные люди собирались везде быстро и охотно; немедленно по получении сведений о призыве нижние чины спешили явиться в свои призывные пункты, пренебрегая всеми опасностями распутицы: были случаи, когда некоторые из них проходили до призывного пункта около 100 верст пешком в двое суток. Уклонившихся от явки по призыву не было».

В день объявления войны, 12 апреля, русские войска перешли границу и двинулись к Дунаю. Чугуевский и Изюмский полки в составе 11-й кавалерийской дивизии, совершив тяжелый из-за разлива рек марш через территорию Румынии, в начале мая вышли к Дунаю. На дивизию была возложена задача взять под охрану левый берег реки на протяжении 130 верст, от г. Ольтеницы до устья р. Яломицы, и не допустить здесь внезапной высадки турецких войск. С этой целью полки выставили вдоль берега пикеты для наблюдения, а на путях вероятного нападения противника оборудовали оборонительные посты.

В течение мая в расположении дивизии было относительно спокойно. Весеннее половодье на Дунае исключало возможность каких-либо серьезных действий со стороны противника. Лишь турецкие военные суда время от времени обстреливали появлявшиеся на берегу русские разъезды.

В ночь с 3 на 4 июня для разведки турецкого берега из расположения 11-й кавалерийской дивизии были направлены группы добровольцев, или, как их тогда называли, «охотников». В Изюмском полку число желающих отправиться в поиск на вражеский берег было так велико, что участников вылазки пришлось определять по жребию. Отряд из четырех офицеров и 64 рядовых под командованием подполковника Волькенау на восьми лодках пересек Дунай в окрестностях деревни Гара-Бутулуй. Преодолев пятиверстный разлив реки и сильную волну, разведчики приблизились к правому берегу на 150 шагов, но лодки были замечены вражескими постами. Турки открыли сильный ружейный огонь. Один гусар был убит и четверо ранены. Ответный огонь заставил турок прекратить стрельбу, после чего разведчики вернулись на свою сторону. Хотя им и не удалось высадиться на вражеский берег, в результате этой рекогносцировки было выяснено, каким образом турки охраняют дунайский берег.

15 июня русские войска с боем форсировали Дунай и вступили на землю Болгарии. Чугуевские уланы перешли Дунай 1 июля, в пятый раз за свою историю. Изюмский гусарский полк был включен в Журжево-Ольтеницкий отряд, оставленный прикрывать румынский берег и дороги на Бухарест со стороны турецких крепостей Рущук и Туртукай.

Чугуевский полк первоначально был направлен в район Тырново—Осман-базар, но после известия о первом неудачном штурме Плевны переброшен в Западный отряд генерала Криденера, осаждавший город. Чугуевцы прибыли под Плевну 12 июля и расположились в районе с. Пордим. Здесь на аванпостах и в разведках отличились поручики Енько-Даровский, Демиденко, корнет Терентьев. М. А. Енько-Даровский со своим взводом сумел миновать турецкие посты и проникнуть в плевенский лагерь. Разведав численность и состав турецких войск вокруг города, уланы на обратном пути совершили



Трубач гусарского полка 1872 г.

дерзкое нападение на вражеский транспорт и благополучно вернулись к своим.

18 июля состоялся второй штурм Плевны. Как и первый, он был плохо подготовлен и закончился неудачно для русских войск, потерявших в этот день семь тысяч человек. В бою участвовали и чугуевские уланы. Один эскадрон был направлен вместе с двумя конными орудиями для поддержки действий первой атакующей колонны генерала Вельяминова и к концу боя прикрывал отступление из-под с. Гривицы. Другой эскадрон поддерживал связь между правой и левой колоннами русских войск. Еще два эскадрона находились в резерве. Вечером, когда войска отступили от плевенских укреплений, они получили приказ выставить сторожевую цепь от с. Гривица до с. Радишево. Ночью чугуевцы несколько раз отбрасывали турецкие разъезды и шайки мародеров. На следующий день утром, подобрав и перевязав сколько было возможно раненых, отошли к с. Пордим.

Под Плевной полк продолжал нести службу на аванпостах до начала августа. 25 июля произошел боевой эпизод, ярко характеризующий боевые качества чугуевских улан. В этот день сторожевая цепь 4-го эскадрона у с. Гривицы подверглась нападению двух сотен черкесов.[1]

По тревоге был поднят весь полк. Когда он подоспел на выручку к месту схватки, все было уже кончено. Неприятель, оставив 80 трупов, был обращен в бегство. Чугуевцы в бою потеряли всего двух человек. Похоронив с почестями погибших товарищей, уланы стали подбирать для погребения вражеские трупы. Тут обнаружился поразительный факт ни на одном из них не оказалось огнестрельного ранения. Все противники были истреблены исключительно холодным оружием! Император Александр II на смотру 3 августа вызвал из строя командира четвертого эскадрона ротмистра И. Ю. Дзевульского и расспрашивал его о подробностях этого лихого дела. В тот же день чугуевские уланы покинули окрестности Плевны. Полк предназначался для усилёния Балканского отряда в связи с угрозой турецкого наступления.

Харьковский уланский полк прибыл в Болгарию в составе 4-го корпуса уже после начала военных действий. 18 июля — в день вто-

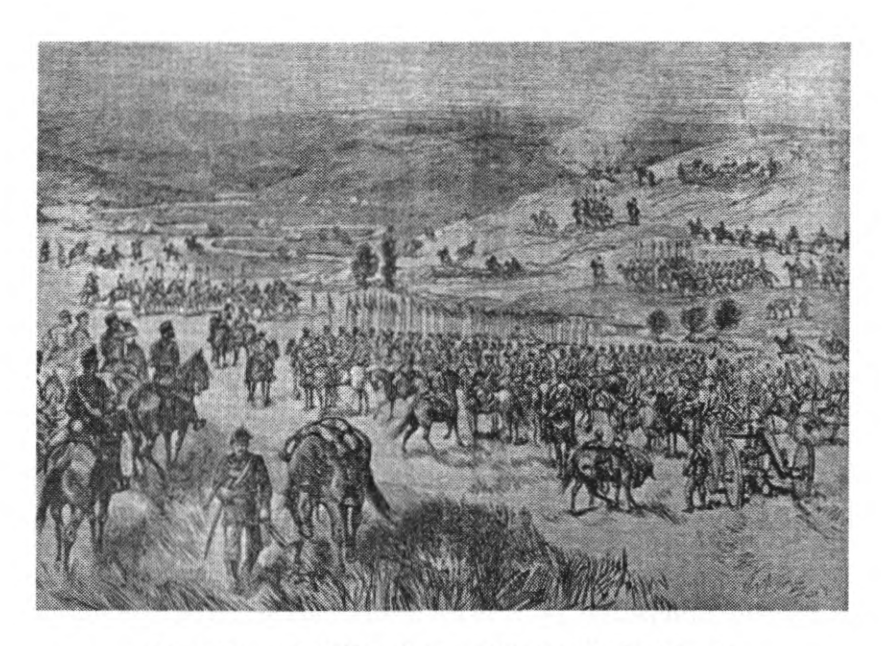
[1] После присоединения Кавказа к России часть кавказских мусульман переселилась в пределы Османской империи. Во время войны турки сформировали из них отряды иррегулярной конницы.

рого штурма Плевны — харьковцы пересекли Дунай по мосту у Систова. Корпус был отправлен под Плевну, и уланы расположились биваком в долине р. Тученицы в 14 верстах северо-западнее города. Первая встреча с противником произошла 26 июля. Скоро перестрелки и схватки с черкесами и башибузуками стали для улан повседневностью. 31 июля возле села Брестовец черкесы отрезали от разъезда троих уланов. Один из них спасся благодаря резвости своего коня. За рядовым Никитенко погнались сразу десять черкесов. Увидев, что от погони не уйти, он спешился и, прислонившись к стене дома, стал отстреливаться. Трое нападавших были убиты, но силы были не равны, и остальные, по словам очевидца болгарина, изрубили русского воина в куски. Третий улан — рядовой Сульков — был спасен от подобной участи болгарским крестьянином. Спрятав солдата в солому, болгарин направил гнавшихся за ним черкесов по ложному пути. Переждав опасность, Сульков невредимым вернулся в полк.

Чтобы затруднить туркам снабжение Плевны продовольствием и другими припасами, русская кавалерия совершала рейды вокруг города. 8—10 августа кавалерийский отряд под командованием генерала Лашкарева провел рейд на левом берегу р. Вид. В отряд входили и харьковские уланы. Были захвачены два пустых транспорта, некоторое количество скота, испорчена телеграфная линия на софийском шоссе.

Утром 10 августа харьковцы вступили в перестрелку с турецким отрядом, вышедшим из Плевны. Поддержанные бугскими уланами и огнем двух конных батарей, они заставили противника отступить.

На рассвете 19 августа 25 тысяч турок внезапно атаковали войска 4-го корпуса у деревни Пелишат. Густые цепи неприятельских стрелков потеснили аванпосты харьковских улан. Под прикрытием плотного ружейного огня башибузуки ворвались в деревню и подожгли крайние дома. Харьковцы, под натиском турецкой кавалерии и стрелков отошедшие было за Пелишат, получили приказ отбить деревню и вместе с мариупольскими гусарами и конной артиллерией атаковать правый фланг неприятеля. Два взвода уланов выгнали башибузуков из деревни, но огнем пехоты были остановлены. Остальные эскадроны двинулись в обход Пелишат. Появление уланских эскадронов на фланге и удачное действие прибывших с ними четырех орудий заставило отступить сначала кавалерию, а затем и пехоту противника. Турки не ожидали встретить здесь значительных сил русской конницы. В их рядах распро-



Русская кавалерия под Плевной. Художник Рашевский

странился панический слух о том, что масса всадников обходит правый фланг и заходит в тыл. Отход правого крыла повлек за собой отступление турецких войск по всему фронту. Таким образом, маневр Харьковского полка решил исход боя. Уланы преследовали противника до самых плевенских укреплений. Потери были минимальными: три человека ранены и убито пять лошадей. За действия 19 августа полк удостоился благодарности главнокомандующего — великого князя Николая Николаевича. Командир полка Виктор Николаевич Эртель был награжден золотым оружием, 29 офицеров и солдат получили боевые награды.

Прежде чем начать решительный штурм Плевны, русское командование решило занять Ловчу — важный узел дорог, ведущих к Плевне. 22 августа Ловча была взята. В этот день харьковские уланы в составе отряда полковника Ребиндера перерезали ловчинское шоссе и не позволили турецким подкреплениям из Плевны прибыть в Ловчу.

Сосредоточив вокруг Плевны более 84 тысяч человек русских и румынских войск при 424 орудиях, русское командование в третий раз попыталось взять город штурмом. Атаке предшествовала четырехдневная артиллерийская подготовка. Все эти дни, с 26

по 30 августа, харьковские уланы находились в строю, под огнем неприятеля, прикрывая левое крыло 4-го корпуса. В случае успеха штурма кавалерия должна была осуществить наступательные действия вдоль софийского шоссе. Но приказа о наступлении не последовало. Третий штурм, несмотря на проявленную русскими воинами доблесть, самоотверженность и стойкость, окончился неудачей. Для харьковцев, однако, удачей можно считать то, что за эти дни они не потеряли ни одного человека.

С переходом к блокаде Плевны перед кавалерией была поставлена задача полностью прервать коммуникации и перекрыть доступ в город продовольствия и боеприпасов. Весь сентябрь прошел для Харьковского полка в рекогносцировках и рейдах вокруг Плевны. Ежедневно полк находился в движении. Лошадей не успевали расседлывать и давать отдых. От изнурения только за одну ночь — с 24 на 25 сентября — пало 28 лошадей. А всего за сентябрь и октябрь полк потерял их 100. Повседневное напряжение, плохое снабжение, бивачная жизнь в условиях начавшейся осенней непогоды вели к заболеваемости среди людей. За время осады Плевны — с августа по ноябрь — в полку умерло от болезней девять человек.

В октябре харьковцы участвовали в операции против турецких укрепленных пунктов на софийском шоссе. В течение восьми дней полк пребывал в постоянной боевой готовности под огнем противника: в перестрелках на аванпостах, в разъездах, в прикрытии артиллерии. За ратные труды в эти дни 24 офицера получили награды. Среди награжденных был и полковой священник, отец Андрей Громаковский, который верхом следовал с полком во все места боя.

В войне с Турцией сложилось русско-румынское боевое содружество. В боях под Плевной Харьковскому уланскому полку не раз приходилось взаимодействовать с румынскими кавалеристами, рошиорами и каларашами. В начале ноября полк с конной батареей был послан поддержать операцию румынских войск против города Рахов. Один дивизион уланов прикрывал румынскую батарею, другой — преграждал путь возможного отступления турок. После двухдневных упорных боев Рахов был взят. Между тем положение турецкой армии в Плевне стало критическим. Запасы продовольствия и боеприпасов подошли к концу. После неудачной попытки прорвать линии осаждающих 28 ноября 1877 года турки капитулировали. Харьковцам, однако, не суждено было праздновать эту по-

беду. Незадолго до последнего боя под Плевной они получили новую боевую задачу — в западной Болгарии.

Пока Плевна приковывала к себе главные силы армии, на других участках фронта русские войска вынуждены были перейти к обороне. Чугуевский полк находился в Северном отряде, наблюдавшем турецкие силы в северо-восточной Болгарии. Эскадроны располагались в районе селения Чаир-кьой. Чугуевцы поддерживали связь между Рущукским (13 корпус) и Осман-базарским (11 корпус) отрядами, посылали разъезды по окрестностям. Не раз приходилось им отстреливаться от турецких засад, вступать в схватки с башибузуками.

Действия чугуевцев были отмечены командиром Северного отряда генерал-майором Татищевым в приказе от 15 августа 1877 года: «Находившиеся во вверенном мне отряде эскадроны 11-го уланского Чугуевского Ее Высочества полка несли службу с полным знанием дела и относились к ней с любовью и охотой, в чем я неоднократно убеждался. Как эскадронные командиры, так и все офицеры без исключения, а равно и нижние чины этих эскадронов отмечались, кроме знания своего дела, усердием к своей службе и полным хладнокровием, когда приходилось быть им под неприятельскими выстрелами. Посылаемые же с разъездами офицеры для собрания сведений о противнике всегда при встрече с ними отличались лихостью и молодчеством, присущими свойствами хорошего кавалерийского офицера».

В конце августа Восточнодунайская армия турок перешла в наступление. Потеснив Рущукский отряд, 9 сентября турки появились перед позициями Северного отряда у Чаир-кьой. В завязавшемся бою отличился 4-й эскадрон, спешенные стрелки которого на левом фланге больше часа удерживали превосходящие силы турок до подхода пехотных подкреплений. Остальные эскадроны полка вместе с рижскими драгунами и конной артиллерией атаковали и отбросили врага на правом фланге. В ходе боя поручик Енько-Даровский увидел, что у солдат одной из рот Нарвского полка кончаются патроны. Он срочно послал конных вестовых в тыл, и те, набив мешки, саквы, карманы патронами, вскоре подвезли их к самым окопам. Несмотря на сильный ружейный и артиллерийский огонь противника, уланы во главе с офицером стали раздавать боеприпасы прямо в цепи, чем ободрили стрелков и помогли им выйти из затруднительного положения. Все атаки турок были

отбиты. Потеряв до трех тысяч человек, Восточнодунайская армия отошла.

Следующие месяцы полк продолжал нести службу на прежнем месте. Жизнь войск была тяжела — в землянках темно и сыро, износившаяся одежда плохо защищала от осеннего холода, среди разоренной местности нелегко было добыть пропитание для людей и лошадей. Но, несмотря на все лишения, чугуевцы исправно исполняли возложенные на них обязанности. «Где чугуевцы держали сторожу, — вспоминал командир полка Александр Карлович Рейссиг, — там отряд отдыхал спокойно, с полной уверенностью, что его не потревожат турки. Не раз с сожалением расставалась с ними пехота, привыкшая верить, что чугуевцы, как соколы, зорко следят за врагом, не дремлют ни днем, ни ночью и сторожат покой товарищей».



Офицер уланского полка в походной форме 1878 г.

Изюмским гусарам не пришлось участвовать в сражениях на болгарской земле. Всю войну они несли службу по охране румынского берега Дуная, но и на их долю выпало несколько боевых столкновений. В ночь с 10 на 11 октября против Рущука был замечен турецкий пароход, имевший на буксире пять лодок. Отделившись от парохода, лодки направились к берегу. Командовавший караулом портупей-юнкер Домбровский собрал по тревоге посты. Вовремя подоспела дежурная часть Старооскольского полка. Когда лодки приблизились, их встретили дружные залпы гусар и пехотинцев. Турки повернули назад, причем одна лодка от полученных пробоин затонула вместе с людьми. За этот случай портупей-юнкер Домбровский и наиболее отличившийся гусар Сухомлинов получили Знаки отличия Военного ордена 4-й степени.

В ночь на 1 ноября турки повторили попытку десанта уже на восьми лодках. Но и на этот раз им не удалось застать изюмцев врасплох. Едва успев высадиться на берег, турки были тотчас обстреляны и поспешно ретировались. За дела против неприятеля 3 июня, 11 октября и 1 ноября пять человек в полку удостоились Знака отличия Военного ордена.

Падение Плевны высвободило силы армии для решительных действий. Русское командование приняло смелое решение — перейти Балканы в зимних условиях. Харьковские полки оказались на флангах развернувшегося наступления. Чугуевский полк вошел в состав Восточного отряда, блокировавшего четырехугольник турецких крепостей — Рущук, Силистрию, Шумлу, Варну. Наступая в долине реки Кара-Лом, чугуевцы 12 декабря захватили транспорт турок и отбили у них до 100 лошадей и более 500 голов скота. Полк перешел Балканы 2 января 1878 года через Твардицкий перевал и сосредоточился в окрестностях Сливена. В дальнейшем уланы участвовали в операциях против Шумлы. Здесь, в бою у с. Градиште, 22 января полк понес, пожалуй, самые тяжелые за всю войну потери. Преследуя турецкую кавалерию, дивизион уланов внезапно натолкнулся на большие силы турецкой пехоты, которая открыла убийственный огонь во фланг. В одно мгновение были убиты, ранены, контужены 21 человек, в том числе четыре офицера. Этот трагический инцидент был для полка последним боевым эпизодом. А между тем еще 19 января в Адрианополе было заключено соглашение о перемирии. Еще два месяца чугуевцы простояли в окрестностях Шумлы, а 23 марта выступили в обратный поход на родину.

Харьковские уланы охраняли правый фланг армии в западной Болгарии. Удаленные от главных сил, имея перед собой сильнейшего неприятеля, они несли свою нелегкую вахту в гористой, пересеченной местности, ежедневно вступая в стычки с черкесами. В ходе зимнего наступления полк продвигался в южном направлении. 3 декабря харьковцы с боем вытеснили турок из Берковицы, захватив у неприятеля орудие. 19 декабря два эскадрона двинулись через Балканы. Путь был чрезвычайно трудным. Стоял сильный мороз. Приходилось идти по заснеженным тропам, преодолевать обледенелые подъемы и спуски. Ночь застала эскадроны в горах. Усталые люди не имели возможности обогреться. К тому же дорога оказалась забита множеством брошенных турками повозок, незаметных под слоем снега. Лошади не могли пройти, падали, получали увечья. Выручили местные болгарские крестьяне. Они вывели улан к брошенному турецкому лагерю. Здесь нашелся корм для коней, а люди смогли скоротать ночь, греясь у горящих складов. Утром эскадроны благополучно завершили переход. Несколько дней подразделения полка простояли, разделенные горным массивом. 26 декабря остальные эскадроны перевалили Балканы, и 29 декабря полк прибыл в Софию. На следующий день первый дивизион за-

нял Радомир, где комендантом был назначен офицер Харьковского полка, имя которого, к сожалению, установить не удалось. Под его руководством в городе стали создаваться первые органы болгарской власти. Между тем 11 января уланы вошли в Кюстендил. 12 января к городу подошел большой турецкий отряд и после перестрелки вытеснил оттуда уланский эскадрон. Чтобы отбить Кюстендил, был сформирован отряд из трех батальонов гвардейской пехоты, трех эскадронов Харьковских улан и восьми орудий. Утром 17 января русские войска начали наступление на город. Уланы атаковали правый фланг турок. Имея впереди цепь спешенных стрелков, первый дивизион вброд перешел р. Струму и двинулся в обход позиции неприятеля. Турки начали отступать. Уланы перешли в галоп, на плечах турецкой пехоты ворвались в город и промчались по улицам, изрубив несколько десятков убегавших турок. В этом деле неприятель потерял около 150 человек. В руки победителей попало свыше 100 пленных, два знамени, много оружия и другого имущества. Таким был последний бой Харьковского полка в турецкую войну, за участие в которой все офицеры и 98 рядовых улан получили боевые награды.

Под Кюстендилом с харьковцами взаимодействовали партизанские отряды-четы болгарских патриотов под командованием Ильо Маркова, Димитра Трифонова, Георгия Пулевского. Подполковник Харьковского полка Задарновский, аттестуя боевую деятельность болгар, писал, что Ильо Марков вместе со своими подчиненными «находился при вверенном мне отряде, действуя на флангах и впереди, бывал в стычках с неприятелем и своевременно извещал отряд о движении и численности неприятеля. Во время столкновений... с неприятелем принимал деятельное участие в деле, находясь всегда с передовой цепью...». По завершении военных действий все трое упомянутых воевод были награждены Георгиевскими крестами.

Служба харьковских улан в Болгарии не завершилась с окончанием войны. В составе русских оккупационных войск полк еще девять месяцев охранял границы Восточной Румелии от турок и вернулся в Россию в 1879 году.

Заслуги харьковских полков в войне за освобождение Болгарии, кроме орденов и медалей, были отмечены коллективными боевыми наградами. Чугуевский уланский полк «в ознаменование особенного монаршего благоволения и в награду за подвиги, мужество и храбрость, оказанные в продолжение минувшей войны», получил Георгиевский штандарт с надписью: «За отличие в Турецкую войну

1877—1878 годов». Харьковским уланам были пожалованы 17 Георгиевских серебряных труб с аналогичной надписью. Изюмскому полку были присвоены в качестве знака отличия шнуры на венгерки гвардейского образца. В Болгарии имена харьковских полков запечатлены на памятниках, воздвигнутых болгарским народом в местах былых боев. Достойным эпилогом рассказа об участии харьковских полков в войне 1877—1878 годов могут служить слова командира чугуевцев Александра Карловича Рейссига: «На вопрос, что же мы сделали в эту кампанию, отвечу: ничего! Мы только свято исполняли лежавшие на нас обязанности».

В ОКОПАХ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Обобщая опыт войны с Турцией, Военное министерство пришло к выводу, что русская кавалерия оказалась несоразмерно малой по отношению к пехоте, уступала в численном отношении кавалерии соседних государств и, главное, не обладала единой тактической организацией. Наличие гусарской и уланской конницы уже не оправдывалось характером боевых действий. В связи с этим в 1882 году армейские уланы и гусары были преобразованы в драгун — ездящую пехоту. «Предписано было усиленно заниматься пешим строем и стрельбой, что выполнялось в порядке отбывания номера, но все-таки заметно снижало кавалерийский дух. На лошадь стали смотреть не как на первое и главное орудие кавалериста, а только как на средство передвижения». Одновременно в армии прошла реформа обмундирования. На смену великолепию ментиков, доломанов, касок с плюмажами, цветных лацканов пришла скромная, однообразная одежда в «псевдорусском» стиле — полукафтаны на крючках, широкие шаровары, кушаки, барашковые шапки. Одеяние конника почти не отличалось от одеяния пехотинца. «Кавалерия уныло донашивала уланки, кивера и ментики со снятыми шнурами и споротым шитьем, раньше чем по примеру пехоты облачиться в зипуны». Многие офицеры подавали в отставку, не желая носить «мужицкой одежды». Вполне отвечая эстетическим вкусам царя Александра III и его стремлению к экономии государственных средств, реформа эта, по мнению русского военного историка А. Керсновского, сказалась «самым отрицательным образом в духовно-воспитательной области — самой важной области военного дела». Отмененные мундиры с их порой архаич-

ными аксессуарами в глазах солдат и офицеров были символами преемственности с «прошедшими геройскими эпохами».

В длинном перечне из более чем 50 драгунских полков Харьковский получил номер 11, Чугуевский — 32, Изюмский — 33. При общем для всех полков черном цвете мундира и серо-синем — шаровар, погоны, кушаки, верхи шапок, выпушки были у харьковцев оранжевые, чугуевцев — белые, изюмцев — коричневые.

В конце века в армии пышно расцвела полковая историография. Каждая воинская часть считала делом чести обзавестись собственной писаной историей. Не был исключением и Харьковский полк. Его летописцем стал Евгений Александрович Альбовский. Служа много лет в полку, Е. А. Альбовский постепенно собирал исторические сведения о его прошлом, ибо, как он сам вспоминал, «к стыду своему, не имел ровно никакого понятия о слободском казачестве и об обстоятельствах, при которых зародился Харьковский полк». Интерес молодого офицера именно к этому периоду истории объяснялся еще тем, что он сам был уроженцем Валковского уезда Харьковской губернии, где располагалось родовое имение Альбошевка, а предки Альбовского служили в Харьковском слободском казачьем полку.

В процессе своих изысканий в архивах Москвы и Харькова Альбовский знакомится с Дмитрием Ивановичем Багалеем. Известный ученый, знаток прошлого Слободского края не только поддержал начинающего историка, но и предоставил в его распоряжение бесценные архивные материалы и собственную библиотеку с богатым собранием старинных книг. Через всю жизнь пронес Евгений Александрович чувство глубокой благодарности к «почтенному историку, перед авторитетом которого нужно преклониться».

В 1895 году в Харькове выходит первая книга Е. А. Альбовского — «История Харьковского слободского казачьего полка 1651—1765». Труд Евгения Альбовского выгодно отличался от произведений подобного жанра прежде всего тем, что в отличие от многих собратьев по перу он сумел подняться до уровня подлинно научного исторического исследования. Тщательно отбирая и проверяя факты, сравнивая разнообразные, порой противоречащие друг другу источники, отвергая недостоверные сведения, вводя в текст обнаруженные в архивах новые документы, он воссоздает реалистическую картину военной и гражданской жизни Слободской Украины в XVII—XVIII веках. Когда пришли в «дикое поле» первые поселенцы, кем и когда основан город Харьков, как возник Харьковский

полк, ответы на эти и другие вопросы дает Альбовский в своем сочинении, выступая нередко в роли первооткрывателя.

Через два года, в 1897 году, в Минске выходит вторая часть истории Харьковского полка, где она прослежена до конца XIX века. И в этой работе поражает легший в ее основу колоссальный объем свежего архивного материала, освоенный в столь сжатые сроки. С присущим ему мастерством Альбовский восстанавливает на страницах книги не только детальную фактографию полка, но и рисует красочное полотно быта и нравов русской армии за два века.

История Харьковщины и Харьковского полка остались главными темами в творчестве Евгения Альбовского на многие годы. На равных с профессиональными историками он выступает с краеведческими сюжетами на страницах сборника Харьковского историко-филологического общества и газеты «Южный край». В 1914 году выходит новая книга — «Харьковские казаки», задуманная как первая часть фундаментальной истории Харьковского полка, значительно дополненной и во многом переосмысленной. Это последняя из известных нам печатных работ Альбовского.

О жизни Евгения Альбовского вне его исследовательского и писательского труда мы знаем очень мало. Некоторые страницы «Истории Харьковского полка», посвященные войне 1877—1878 годов, позволяют предположить, что их автор был участником описанных событий. Известно, что после службы в Харьковском полку Альбовский был ротмистром в Иркутском драгунском и написал историю последнего. Изучал историю тех мест, где протекала служба, занимался литературными переводами с польского, кое-что из них напечатал. Во время революции 1905 года принужден был выступить в роли «усмирителя латышей», о чем оставил записки «6 месяцев в Курляндии». В том же году вышел в отставку и вернулся в родную Альбошевку. После начала мировой войны был снова призван в армию.

Последнее известие о нем датируется по письмам маем 1917 года. Дальнейшая его судьба неизвестна. Остались лишь талантливо написанные книги, на страницах которых в последний раз соединились история полка и города, давшего ему имя.

Двадцатый век начался для Харьковского и Изюмского полков с торжеств — в 1901 году они отметили свое 250-летие. В 1908 году своеобразный юбилей — 100 лет со дня наименования полка уланским — отпраздновали чугуевцы. Вообще начало века оказалось богатым на круглые даты: 200-летие Полтавской победы, 100-летие

войны 1812 года, 300-летие династии Романовых и т. п. Каждая из них была отмечена юбилейной медалью и множеством памятных жетонов. Не нюхавшие пороха офицеры и солдаты украсились медалями и знаками, как рождественская елка.



Форма драгун при Николае II 1896—1907 гг.

После поражения в войне с Японией Николай II в качестве меры, призванной повысить моральный дух армии, восстановил прежние гусарские и уланские полки с их традиционной живописной формой. Но наступил 1914 год, и грохот «августовских пушек» заставил бравых кавалеристов сменить блеск своих одежд на унылую целесообразность защитного цвета. Впрочем, даже попав в окопы, кавалеристы продолжали форсить, отделяя себя от «серой скотинки» — пехоты. Гусары сохраняли свои краповые чакчиры, а уланы носили этишкетный шнур с кистями, обвитый вокруг ворота и выпущенный из-под погона.

В первые дни войны 1-я и 2-я армии генералов П. К. Ренненкампфа и А. В. Самсонова устремились в Восточную Пруссию. Вторжение было предпринято по настоянию правительства Франции, армия которой вела оборонительные бои. Выполняя свой союзнический долг, русские армии перешли в наступление, даже не завершив развертывание по мобилизации. Вместе с войсками А. В. Самсонова вступил в Восточную Пруссию Харьковский полк. Боевое крещение уланы приняли 14 августа 1914 года в трехчасовом бою у деревни Саркитен. Наспех подготовленное и проведенное наступление закончилось катастрофой. Воспользовавшись отсутствием взаимодействия между русскими армиями, германское командование нанесло контрудар. Два корпуса армии Самсонова были окружены и погибли вместе со своим командующим. Харьковцы избежали этой участи, так как действовали на крайнем правом фланге, удар же германцев пришелся на центр боевого порядка самсоновской армии.

Переведенный вместе с дивизией в состав 10-й армии, полк в сентябрьских боях 1914 года отличился дважды. Первый раз 10 сентября, при набеге на г. Щучин, эскадроны удачно атаковали вражескую пехоту. Это дело было отмечено приказом по дивизии и благодарностью командующего армией. Второй — 17 сентября у Граево — харьковцы подверглись внезапному нападению гвардейского драгунского полка. Хотя при появлении противника эскадроны стояли спешившись, уланы не растерялись. Мигом вскочили в седла и бросились в атаку. 3-й и 6-й эскадроны ударили с фронта, а 2-й, во главе с командиром полка, обошел с фланга. Часть немцев была изрублена и переколота, часть — загнана в болото. В плен взяты три офицера и 43 солдата. За отличия в кампанию 1914 года более 40 уланов были представлены к Георгиевским крестам. Но порядок награждения в русской армии выдерживался очень строго: подвиг непременно должен был соответствовать статуту этого выс-

шего солдатского ордена. Получили кресты всего 18 человек. Если же к моменту вручения награды солдат погибал, орден передавался его родным на память. История сурово обошлась с героями первой мировой войны. Революция отменила их боевые награды, перечеркнув тем самым заслуги и предав забвению имена.

Изюмцы и чугуевцы начали войну в составе 11-й кавалерийской дивизии на Юго-Западном фронте. В августе-сентябре здесь развернулась грандиозная Галицийская битва, закончившаяся крупным поражением австро-венгерских войск, потерявших убитыми, ранеными и пленными свыше 400 тысяч человек и 400 орудий. Освободив старинные украинские города Галич и Львов, русская армия осадила мощную крепость Перемышль с более чем стотысячным гарнизоном. В конце августа полки 11-й кавдивизии заступили на боевые позиции перед фортами Перемышля. Кавалеристам, оставив лошадей, пики и сабли, предстояло невиданное дело — вооружиться лопатами и рыть траншеи. В первые недели войны это был еще исключительный случай, и поэтому он подробно зафиксирован «для истории» в журналах боевых действий. «Вообще уланы проявили в совершенно незнакомом для них деле — устройстве окопов — много энергии, — говорится в журнале Чугуевского полка, — и, несмотря на небольшое количество лопат и каменистый грунт, окопались достаточно хорошо, чем объясняются сравнительно небольшие потери, несмотря на двухдневный сильный огонь неприятельской артиллерии».

Первое «сидение» в окопах было непродолжительным. И снова приходилось совершать изнурительные марши, когда лошади и люди по 12—16 часов не знали отдыха, разведки с ежеминутным риском для жизни, когда опасность подстерегала на каждом шагу. Впрочем, был и другой взгляд на участь кавалериста первой мировой. «Мне, вольноопределяющемуся — охотнику одного из кавалерийских полков, работа нашей кавалерии представляется как ряд отдельных, вполне законченных задач, за которыми следует отдых, полный самых фантастических мечтаний о будущем. Если пехотинцы — поденщики войны, выносящие на своих плечах всю ее тяжесть, то кавалеристы — это веселая странствующая артель, с песнями в несколько дней кончающая прежде длительную и трудную работу». Так писал служивший в гвардейском уланском полку поэт и георгиевский кавалер Николай Гумилев.

В декабре чугуевские уланы в бою у деревни Бобрка юго-западнее г. Кросно атаковали и заставили положить оружие роту австрийцев.

Это дело было отмечено благодарностью главнокомандующего: «Спасибо Чугуевским уланам за дело под Кросно 10-го декабря. Кресты по числу участвовавших эскадронов, по расчету 6 на эскадрон». Возглавлявшие атаку офицеры: подполковник Антон Друве, корнеты Юрченко и Александр Шульгин — были представлены к награждению георгиевским оружием.



Уланский офицер в парадной форме 1912 г.

Следующий 1915 год оказался критическим для русской армии. Германия бросила силы на Восточный фронт с целью разгромить Россию и вывести ее из войны. В январе немцы начинают наступление против 10-й армии, растянутой в линию на 170 километров без резервов. Харьковский полк ведет оборонительные бои, порой нанося противнику чувствительные удары. 29 января у деревни Кержек эскадроны харьковцев в пешем строю штыковой атакой обратили в бегство три германские роты. Ни пулеметный огонь, ни глубокий снег не остановили порыва улан.

В феврале полк был направлен на оборону Осовецкой крепости. В марте эскадроны поочередно посылались для прикрытия артиллерийских батарей. После месячного отдыха, в мае, харьковцы очутились на Северном фронте в Прибалтике. Здесь летом на их долю выпали упорные бои в арьергарде 37-го армейского корпуса. Особенно тяжелым был бой 12—13 августа на р. Экау. Отряд полковника Киселева в составе трех эскадронов Харьковского полка при трех орудиях и двух пулеметах, обеспечивая правый фланг корпуса, сжег мосты и препятствовал переправе немцев. Чтобы преодолеть расстояние в 12 верст, противнику понадобилось 15 часов непрерывного боя. Уланы вывезли на собственных конях орудие и два снарядных ящика, у которых были перебиты все запряжные лошади. Во время боя тяжелое ранение получил штандартный унтер-офицер. Это увидел корнет фон Ланг. Он лично взял штандарт и вместе с другим унтер-офицером, пробравшись ночью по бездорожью, вывез полковую святыню в безопасное место, а затем доставил в штаб дивизии.

Несмотря на героизм и самопожертвование солдат и офицеров, в начале мая 1915 года германо-австрийские войска прорвали на Юго-Западном фронте позиции русских армий, и те вынуждены были откатываться с боями на восток. К осени фронт стабилизовался. Началась позиционная война. Кавалерии наряду с пехотой пришлось заступать на боевое дежурство в окопах.

В конце 1915 — начале 1916 года донесения с позиций полков, расположенных на разных фронтах, удивительно походят друг на друга. «На участке полка ничего существенного не происходит», — гласит «Журнал военных действий» изюмцев. «На участке полка без перемен. Ночь и день прошли спокойно», — типичная запись в журнале Харьковского полка. Впрочем, спокойствие это кажущееся просто артиллерийские обстрелы, ружейные перестрелки, вылазки разведчиков стали уже обыденной повседневностью.

В сражениях первых двух лет войны отличились многие офицеры Харьковского полка. Назовем хотя бы некоторых. В бою у р. Кержек корнет Романский под пулями бросается наперерез эскадрону, идущему на село, занятое противником, и предупреждает об опасности. В мае 1915 года Романский с уланским разъездом атаковал вдвое сильнейший неприятельский разъезд, взял в плен офицера и шесть рядовых, остальных уничтожил. Поручик Василий Жуковский во время похода в Восточную Пруссию в 1914 году с разъездом, выдав себя за австрийцев, пробрался на железнодорожную станцию Россель в тылу у немцев, где уничтожил телеграф. К концу 1915 года Жуковский уже был кавалером ордена Св. Анны 2-й, 3-й, 4-й степеней, орденов Св. Станислава 2-й и 3-й степени и ордена Св. Владимира 4-й степени — все «с мечами и бантом», что указывало на награждение за боевые заслуги.

Казалось, что фронт, опутавшись колючей проволокой, замер надолго, но пришло лето, и он вдруг зашевелился — началось знаменитое Брусиловское наступление. За три месяца почти непрерывных боев армии Юго-Западного фронта отбросили противника на десятки километров. Взяли более 400 тысяч пленных, 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов. К сожалению, русское командование не сумело распорядиться своей многочисленной кавалерией. Напрасно Брусилов требовал: «Кавалерии не привязываться к пехоте, а, памятуя свои основные свойства — быстроту и натиск, энергично разведывать и преследовать противника... Ожидаю и требую самых энергичных, чисто кавалерийских действий...». Командующие армиями осторожничали и не рискнули бросить

в прорыв конные массы. Кавалерия, естественно, преследовала отступающего противника, но преследование велось вяло, что косвенно подтверждают и цифры потерь. Изюмский полк, например, за три месяца лета 1916 года потерял убитыми всего 10 человек.

Впечатляющие успехи Юго-Западного фронта подтолкнули к вступлению в войну Румынию. Правда, появление нового союзника лишь ухудшило стратегическое положение России. Слабая румынская армия очень скоро была разбита, и русское командование вынуждено было удлинить фронт, перебросив в Румынию значительные силы. Так Изюмский и Чугуевский полки в конце 1916 года оказались в Румынии, заняв позиции на северном участке нового фронта мировой войны. Активные боевые действия прекратились, и кавалеристам пришлось снова засесть в окопы. Та же картина наблюдалась и на Северном фронте, где харьковские уланы держали оборону на левом берегу Западной Двины.

Вновь установившееся к началу 1917 года на фронтах затишье резко контрастировало со взрывом политических страстей в тылу. Февральская революция ликвидировала самодержавие. Получившие большинство в Советах на волне революционной эйфории представители социалистических партий выбросили лозунг мира — «без аннексий и контрибуций». Временное правительство, сформированное из деятелей крупной буржуазии, выступало за продолжение войны «до победного конца». Такая разноголосица сбивала с толку солдатскую массу. К тому же решение волновавшего солдат вопроса о земле откладывалось на неопределенный срок — до созыва Учредительного собрания. Появившиеся в это время приказ № 1 Петроградского Совета и «Декларация прав солдата», несмотря на благие намерения их авторов, в реальной жизни привели к подрыву воинской дисциплины. Начался процесс разложения армии. «Солдат больше сражаться не желал и находил, что раз мир должен быть заключен без аннексий и контрибуций и раз выдвинут принцип права народов на самоопределение, то дальнейшее кровопролитие бессмысленно и недопустимо... Офицер сразу сделался врагом в умах солдатских, ибо он требовал продолжения войны и представлял собой в глазах солдата тип барина в военной форме», — вспоминал А. А. Брусилов.

Революционное брожение в меньшей степени затронуло кавалерийские части. Как вспоминал писатель-фронтовик Виктор Шкловский, кавалерия наша была все еще «очень хороша. Кавалеристы впоследствии одни прикрывали наше отступление. Это бы-

ли еще кадровые солдаты. В то время настроение у них было почти шовинистическое. Они говорили: “Мы за мир без аннексий и контрибуций, но за войну до полной победы”». Хотя в Харьковских полках, как и везде, возникли солдатские комитеты, но они занимались в основном хозяйственной, культурно-просветительной деятельностью и мирно уживались с командованием. Это позволяло сохранять дисциплину, а значит — боеспособность.

27 августа 1917 года Харьковский полк вместе со 173 пехотным Каменецким провел разведку боем у мызы Силламуйжа. Под пулеметным огнем, без выстрела, бросились уланы в штыковую атаку и после 12-минутной схватки выбили немцев из окопов. «Брошенное снаряжение, велосипеды, патроны, в изобилии съестные припасы, каски, шинели — все говорило, что атака была полной неожиданностью и стремительность ея была выше ожиданий», — отмечалось в реляции. В то время даже небольшой успех на фронте ценился высоко. Командир Каменецкого полка специальным приказом поздравил своих солдат и харьковцев «с первой победой после долгого сидения в окопах и кошмара революционной неурядицы». В бою погибли унтер-офицеры Владимир Науменко и Сергей Барсуков, шесть человек получили ранения. За предыдущие семь месяцев полк потерь не имел. Быть может, то были последние жертвы харьковцев в Великой войне.

Командование использовало кавалерию для разоружения вконец разложившихся и отказавшихся повиноваться пехотных частей. Так Харьковский полк в начале октября 1917 года участвует в расформировании 116-й стрелковой дивизии, не желавшей идти в окопы. Чугуевцы, примерно в то же время посланные на усмирение непокорных частей Румынского фронта, отказались выполнить подобную миссию. Полковой комитет созвал общее собрание, на котором была вынесена резолюция: «На усмирение вообще и в район чужих частей, в частности, не ходить». Полк, вопреки приказу командира бригады, вернулся к месту расквартирования.

Октябрьский переворот в Петрограде явился даже для частей ближе других расположенного к столице Северного фронта полной неожиданностью. Растерянностью веет от строк телеграммы, полученной комитетом Харьковского полка из исполкома армии 26 октября 1917 года: «Передаю для сообщения всем комитетам: в настоящий момент в Петрограде правительства нет, Зимний дворец занят, правительство арестовано... Спокойствие и хладнокровие наш лозунг. ...Армиском просит все части армии сохранять спокойствие, нерушимость, единство и целость фронта, памятуя свой

долг перед родиной и революцией, воздержаться от каких-либо выступлений до выяснения создавшейся обстановки».

24 ноября комитет постановил взять власть в полку. Появляется воззвание к «товарищам уланам» «откликнуться на зов» и осудить «посягателей нашей свободы», «подражателей Николая кровавого» Каледина, Корнилова, Дутова и «деспота» Керенского. Воззвание заканчивалось традиционной для того времени революционной риторикой: «Товарищи, сольемся же и мы воедино, где и право свое обретем, не дадим же вампирам кровавым посягнуть на свободу угнетенных крестьян, рабочих и солдат. Пусть знают все, весь мир трудящихся, что мы с ними, а вместе мы сильны, для нас преграды быть не может. Пробьем дорогу царству мирового социализма». В конце декабря полк в составе дивизии был направлен на Дон — против Каледина, где находился до начала марта 1918 года. Собственно говоря, к этому времени от полка мало что осталось, и численность всей дивизии не превышала одного кавалерийского полка довоенного состава. Архивные документы не дают ответа на вопрос: сделали ли харьковцы хотя бы один выстрел в начинавшейся братоубийственной войне?



Атака на германскую артиллерию. Художник В. Мазуровский

А. И. Деникин, описывая Первый Кубанский поход во втором томе «Очерков Русской Смуты», приводит следующий эпизод. «Утром перед выступлением из Хомутовской большевистский отряд — несколько эскадронов 4-й кавалерийской дивизии с одним орудием — подошел вплотную к станции и открыл по ней ружейный и артиллерийский огонь. Охранялись добровольцы плохо: пока еще не было надлежащей выносливости в трудной солдатской работе. На окраине станицы, ближайшей к противнику, стоял обоз, и нестроевые с повозками сломя голову помчались по всем направлениям, запрудив улицы и внося беспорядок. Вышел Корнилов со штабом, успокоил людей. Рассыпалась цепь, развернулась батарея; после нескольких выстрелов и обозначившегося движения во фланг нашей сотне большевики ушли». Были ли в рядах красного отряда харьковцы — нам неизвестно. Если были, то столкновение у станицы Хомутовской можно считать последним боем Харьковского полка. В конце марта 1918 года полк прибыл под Москву на станцию Николо-Перерва и здесь был расформирован. Последним днем его биографии стало 20 марта 1918 года.

Мы не располагаем сведениями, как встретили Октябрьскую революцию солдаты Изюмского и Чугуевского полков, равно как не знаем, где и при каких обстоятельствах полки прекратили свое существование. Даже архивные документы не дают нам точного ответа. Очевидно, это случилось в феврале—марте 1918 года.

Так канули в историю возникшие некогда на Харьковщине три старейшие полка русской кавалерии. Их бурная жизнь, вобравшая в себя почти три века, была полна всевозможных перипетий: неоднократно полки переменяли назначение, становясь из казачьих гусарскими, потом кирасирскими, драгунскими и т. п. Военная судьба бросала их от берегов Балтики до Черного моря и от Парижа до Эрзерума. Но всюду и при любых обстоятельствах они безупречно исполняли свой долг, чему свидетельством — полученные полками абсолютно все виды коллективных наград, существовавших в старой русской армии. Где теперь полковые реликвии — Георгиевские штандарты, серебряные трубы? Какова их участь? Пылятся ли они в запасниках какого-нибудь музея или безвозвратно утрачены? Этого мы не знаем и, скорее всего, не узнаем никогда. Завершая рассказ об истории харьковских полков, автор считает необходимым пояснить, что не претендовал на исчерпывающую полноту в освещении темы. Он преследовал лишь одну скромную цель познакомить тех, кому не безразлично прошлое края, с малоизвестными страницами его военной истории.

КАК ОПОЛЧАЛАСЬ ХАРЬКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ

МИЛИЦИЯ 1806 ГОДА

В первой четверти XVIII века Харьков постепенно утрачивает значение пограничной крепости. После присоединения Крыма и берегов Черного моря он окончательно превращается во «внутренний» город, куда долетают лишь отзвуки полыхающих у границ империи военных гроз. О них напоминают разве что воинские команды, следующие через город к полям сражений, да партии пленных неприятелей, препровождаемые в глубь России. Потомки некогда воинственных казаков утратили свои боевые наклонности и превратились в завзятых винокуров и гречкосеев. Бурные события начала XIX века оторвали их от мирных ремесел и заставили вспомнить о воинских традициях отцов и дедов.

Борьба с Наполеоном потребовала от Российской империи напряжения всех ее материальных и людских ресурсов. Существовавшая военная организация не обеспечивала возможность ведения активной борьбы с армией наполеоновской Франции силами одних только регулярных войск. «Недостаток вооружения... а также ограниченность военных кадров, обусловленная особенностями рекрутской системы, — писал военный историк П. Рындзюнский, — могли быть... преодолены в ответственный момент столкновения... лишь с призывом к общественности». Такой момент, по мнению правительства, наступил в 1806 году. Пруссия — союзница России — была разгромлена французами с поразительной быстротой. Войска Наполеона приближались к русским границам. 30 ноября царский манифест возвестил о том, что «очевидная опасность естьли, от чего Боже сохрани, ворвется неприятель где либо в пределы империи, принуждают нас прибегнуть к сильней-

шим способам для отвращения оной, составив повсеместныя временныя ополчения или милиции, готовыя поставить неприятелю на каждом шагу непреоборимые силы в верных сынах отечества, соединенных на оборону драгоценнейших своих выгод...».

Земское войско общей численностью 612000 человек создавалось в 31 губернии, которые для этой цели разделены были на семь областей. Набиралось оно из представителей податных сословий: крепостных и казенных крестьян в возрасте от семнадцати до пятидесяти лет, а также мещан и однодворцев. Каждый помещик, «казенное село» и мещанское общество в двухнедельный срок со дня обнародования манифеста должны были выставить положенное число людей, давая на каждого по три рубля жалования, провианта на три месяца и, по возможности, снабжая оружием. Ратники оставались в своей обычной крестьянской одежде, голов не стригли и бород не брили и, «доколе не будут двинуты с мест своих, должны оставаться в своих селениях и, пребывая в крепостном их быту, исправлять все те повинности, коими они обязаны земскому и волостному управлению».

Когда же надобность в содержании милиции пройдет и «усилия наши и верноподданных наших на защищение отечества и поражение высокомерных врагов его устремленныя увенчаны будут вожделенными успехами», правительство обещало, что «сии ополчения... положат оружия, возвратятся в свои домы и семейства... где вкусят плоды мира, столь славно приобретенного». Командный состав: губернские начальники, тысячные, пятисотенные, сотенные и пятидесятные — определялись выбором дворянства. Главнокомандующие областными ополчениями назначались лично императором «из особ, верностью, службою и достоинствами общественную доверенность приобретающих». Им подчинялись все местные власти, должные исполнять любые распоряжения, касающиеся милиции «с точностью, верностью и поспешностью». Для содержания ополчения все сословия были призваны к пожертвованиям деньгами, хлебом, снаряжением и особенно оружием.

Харьковская губерния вместе с Орловской, Курской и Воронежской образовала так называемую пятую область земского войска. Из 75000 набираемых ратников ее доля составляла 15000 человек. Главнокомандующим в пятой области был назначен граф Алексей Григорьевич Орлов — престарелый вельможа Екатерининского времени, за победу в 1770 году над турецким флотом получивший титул Чесменского. Место своего пребывания почтенный главно-

командующий избрал вблизи собственных имений — в Орле. Харьковской милицией он руководил посредством регулярно направлявшихся ордеров, в коих призывы к «храбрым россам» вспомнить Минина и Пожарского и не уступить «предкам нашим усердием к Богу, государю и отечеству», соседствовали с угрозами в адрес «ослушников, беглецов и нерадивых».



Л. Я. Неклюдов

Все тяготы практической работы по воплощению в жизнь предначертаний царского манифеста легли на плечи местных чиновников во главе с Харьковским губернатором Иваном Ивановичем Бахтиным. Этот пост он занимал с 1803 по 1814 год. Один современник отозвался о Бахтине, как о весьма деятельном и умном начальнике, «какого уже не было после него в Харьковской губернии». Д. И. Багалей называет его «типичным представителем идеи просвещенного абсолютизма, уверенного, что благожелательное и просвещенное начальство лучше знает, что нужно для блага общества, чем само общество...», и поэтому испытывавшего большее расположение к полиции, чем к городскому самоуправлению. Эти качества не помешали, а скорее даже помогли Бахтину оказаться на высоте положения в решении задач, связанных с организацией ополчения. Сенатор Алексей Ильич Муханов, проверявший по поручению царя состояние дел в пятой области, похвалил Ивана Ивановича: «...нахожу, что вы по сему случаю распоряжения и предписания учинили благоразумно и сходно с высочайше изданным... манифестом, данною вам на сей предмет инструкциею и прочими предписаниями». Надобно отдать должное быстроте, с коей действовал Харьковский губернатор. Текст манифеста о созыве милиции был получен в Харькове вечером 14 декабря и незамедлительно сообщен в уезды. Дворянам было предложено съехаться к 24 декабря в губернский город для решения всех поставленных перед ними в манифесте вопросов.

Губернатор сам составил «расчисление» о количестве ратников от каждого из податных сословий и обратился к Харьковской городской думе, «чтобы решительное постановление собрания взносов и пожертвований по мере сил усердия и любви к отечеству каждого... было учинено не далее как в восемь дней и чтоб учрежден был порядок на прием и записка сих пожертвований...».

Уже 12 января 1807 года Бахтин докладывал министру внутренних дел, что, кроме 90 тысяч рублей, определенных дворянским сословием на жалование офицерам милиции, дворяне пожертвовали 19540 рублей, к которым губернатор прибавил лично от себя еще 500. Купечество Харькова «сложило по добровольному каждаго произволу» 24105 рублей, а общая сумма пожертвований в губернии составила 87188 рублей.

Что касается сбора ратников, то он производился пропорционально численности населения уездов из расчета 1 человек с каждых 26 душ. Наибольшее число ополченцев дали Изюмский и Харьковский уезды, соответственно 1769 и 1706 человек. Наименьшее — Валковский (1176). Из общего количества в 15 тысяч — 6230 пришлось на помещичьих крестьян. Командиром Харьковской милиции был избран генерал-майор Алексей Иванович Карсаков.

Как видно из документов, кампания по сбору разного рода пожертвований на милицию особенно активно протекала первые три месяца 1807 года, а в конце апреля губернатор «словесно отозваться изволил, что он... из получаемых донесений усматривает, что таковыи приношения ныне начали уже умаляться...». Власти вели тщательный учет всего поступавшего имущества и денег, мало того, они следили за тем, чтобы никто из дворян, купцов или мещан не уклонился от «добровольных приношений». Уездным предводителям дворянства было поручено собрать от всех дворян, в том числе и от находящихся за пределами губернии, сведения — кто из них чем жертвует. О купцах загодя собрали информацию относительно размеров капитала каждого, дабы не смели они жертвовать ниже своих возможностей.

Особое внимание обращено было на сбор оружия. Кто жертвовал дедовскую саблю, кто охотничье ружье. Коллегион-советник Иван Цебриков принес бердыш — оружие XVII века! Щедрый взнос на вооружение Харьковской милиции сделала Анна Алексеевна Орлова, дочь Главнокомандующего. От нее из Орла в Харьков было доставлено ружейных принадлежностей — стволов, замков, винтов, шомполов и т. п. — на 860 ружей. Сверх того 1000 пик, 75 штыков, 125 теса-

ков, 40 тысяч кремней, 10 пудов свинца и 5 пудов пороха. В усадьбах потомков казацкой старшины обнаружилась даже артиллерия.

Помещик Изюмского уезда капитан Шабельский пожертвовал «собственную свою однофунтовую медную пушку, к которой исправлено прочной и легкой лафет... и собственную свою лошадь для возки оной». Другой помещик — Александр Лизогуб — пушек с лафетами чугунных шесть. Всех переусердствовала «госпожа действительная статская советница» Хорватова, пожаловавшая милиции две медных, две чугунных пушки и шесть фальконетов. Правда, при подробном освидетельствовании львиная доля пожертвованных вооружений оказалась непригодной к использованию. Так, из орудий «госпожи статской советницы» одна пушка «имеет две раковины к устью калибера», у остальных — «лафеты требуют починки и без передков» и «потребной к действию орудий принадлежности ни к какой не имеется». Еще в 1810 году в Харькове хранилось оружие, оставшееся от милиции: 300 карабинов, 500 солдатских и егерских ружей, 760 пистолетов, более 1000 казацких и гусарских сабель, 2 чугунные пушки и т. д., но из этого количества почти две трети не подлежали даже ремонту.

Среди пожертвований встречались и необычные. Надворный советник Александр Палицын преподнес... книгу, «заключающую в себе собственное его сочинение: переложенную стихами... героическую песнь Игорь, с тем чтобы прибыток от печатания того сочинения... употреблен был в пользу милиции».

В письме на имя губернатора Бахтина, прилагавшемся к сочинению, автор писал: «Ободрен высочайшим благоволением, с коим всякое усердное приношение Отечеству в настоящих обстоятельствах приемлется... и не имея ничего из даров щастия, кроме остатков малого таланта иль паче страсти моей к Словесности, осмеливаюсь я препроводить при сем... некоторое слабое в ней мое произведение, посвящая от напечатания онаго прибыток в пользу земского войска.

Благополучным почту себя, естьли сия сколь малая, столь усердная жертва удостоится принятия и доставит мне то сладчайшее чувство, что и в нелюдимости моей я могу еще служить обществу трудами моего уединения». Ректор Харьковского университета Афанасий Стойкович и профессора Иван Рижский, Тимофей Осиповский, Павел Шумлянский, Илья Тимковский в качестве взноса на милицию «приемлют на свой щет, что будет стоить напечатание оного сочинения... с тем только, чтоб из того числа помянутым ректору и профессорам получить по одному экземпляру и в библиотеку университета».

Поэма А. Палицына была действительно напечатана в университетской типографии. Ее первые строки звучат так:

Любовь к отечеству зовет, о Россы, нас!
Воспеть брань Игоря на древний предков глас,
Каким их подвиги вещались знамениты:
Да будут бытия и наших лет открыты...

До сих пор экземпляры этой книги хранятся в университетской библиотеке как своеобразный памятник давно ушедшей героической эпохи.



Сотенный начальник земской милиции 1806—1807 гг.

Харьковское дворянство охотно поступало на службу в милицию. Судя по всему, командующий губернским ополчением не встретил серьезных трудностей при комплектовании кадрами командного состава. Одним из первых подал прошение о приеме на службу отставной суворовский ветеран Леонтий Яковлевич Неклюдов. Это о нем писал великий полководец, рапортуя о взятии Измаила: «Секунд-майор Неклюдов был впереди со стрелками, поражая неприятеля храбро, из первых взошел на вал, тяжело ранен». Очевидно, последнее обстоятельство сыграло роль на этот раз: мы не находим его имени в списках чиновников милиции. Прошения исходили от людей разного возраста и занятий. Желание «жертвовать жизнью за государя и отечество» объявляли отставные военные и флотские чины и ни разу не нюхавшие пороха канцеляристы нижнего земского суда. Офицерам милиции был присвоен особый мундир темно-зеленого цвета, такого же цвета панталоны, белый жилет, черная фетровая шляпа с серебряной кокардой и высоким зеленым султаном. Цвет воротников, обшлагов и выпушек на мундирах был в каждой области своего цвета, у Харьковской милиции — розового. В качестве знаков отличия генералы и офицеры получали эполеты. Главнокомандующий областью — пару золотых без бахромы, губернский командир — золотой эполет

на левое и золотой погон на правое плечо, уездный — два золотых погона. Тысячные начальники имели на левом плече эполет, а пятисотенные — погон. Сотенные и пятидесятные ни эполет, ни погонов не имели. При мундире областные, губернские и уездные начальники носили шпаги, остальные — сабли с оправой из позолоченной меди.

«Касательно одежды принимаемых ратников в милицию, — гласил один из ордеров Орлова-Чесменского, — должна быть оная к употреблению годная, а к снабдению новым платьем, у кого есть и свое порядочное, тех не принуждать». Служба ополченцев заключалась в учениях, проводившихся обыкновенно в воскресные дни. Все премудрости обучения заключались «в учении людей строиться во фронт, без всякой однако ж лишней солдатской вытяжки... в учении их ходить вместе верным шагом и в учении стрелять в цель, всех без изъятия... обучать также разным построениям в колонны и из колонн во фронт». Начальство в лице Главнокомандующего областью проявляло беспокойство, «чтобы первоначальные меры, предпринятые к назначению милитов к временной службе, не были строги...». Но пуще всего начальство следило за тем, чтоб «никакое оружие в домы поселян не было отпускаемо, а чтоб хранилось под точною ответственностью частных начальников в сборных местах и употреблялось единственно во время учения...». Для этой цели во всех сотнях учреждались цейхгаузы, которые охранялись караулами из самих же ополченцев.



Ратник стрелковых батальонов земской милиции 1807 гг.

Служба в земском войске не причиняла особых тягот поселянам. Такой вывод подтверждается двумя показателями — числом умерших и бежавших ратников. За период с 20 апреля по 15 сентября 1807 года в харьковской милиции зафиксировано всего 15 смертных случаев и 14 побегов. К беглецам отношение было строгое. Орлов-Чесменский в одном из первых своих ордеров грозил «таким извергам» всею строгостью закона. Губернатор Бахтин обя-

зал харьковского полицмейстера, всех городничих и земских исправников, «дабы они со стороны своей имели строгое и неослабное наблюдение, чтобы в подведомственных им городах, уездах и селениях беглые... ратники... нигде и никем укрываемы и поддерживаемы не были». Кара была обещана не только укрывателям, но и сельским начальникам «за допущение к тому и не поимку оных ратников», а также чинам полиции, «естьли же от слабого... наблюдения или небрежения» беглые ратники «не будут вскоре изыманы». К марту 1808 года все бежавшие были пойманы и отданы в солдаты в квартировавший в Харькове Выборгский мушкетерский полк.

Что касается заботы о здоровье ратников, то здесь имела место еще одна патриотическая инициатива со стороны дворянства. Помещик Харьковского уезда Дмитрий Щербинин выразил готовность содержать больных ополченцев в заведенной им на собственные средства больнице в селе Должик.

Выражая словами и делами поддержку правительству в его мероприятиях по обороне государства, многие помещики тем не менее опасались дурных последствий от вооружения и обучения ратному делу своих крепостных. Не устраивало их и то обстоятельство, что учение крестьян обязано было производиться в дни их работы на помещика. Результатом стало появление целых трактатов, адресованных правящим верхам, излагающих все невыгоды содержания ополчения. «Кто знает природный характер россиян, тот уверен, что самая безделица может воспламенить его... — писал анонимный автор в сочинении «Мысли о милиции 1806 г.», — с такою чертою в свойстве народном можно ли допустить соединение толпищ и вооружить оныя без всякого понятия подчиненности... Кто ответствует за покой внутри государства?». Он делает вывод, «1) что учреждение временной милиции невыгодно с той стороны, что сама по себе составляет она слабую защиту государству; 2) что подает средство к нарушению внутреннего покоя; 3) что непосредственно вредит государственному хозяйству, поелику потрясает земледелие и промышленность; следовательно, истощает силы государства». Власти не могли не прислушаться к голосам тех, кто составлял их главную опору. В начале 1807 года численность милиции была сокращена до 200 тысяч человек.

В марте в 18 губерниях из ратников были сформированы батальоны стрелков, численностью в 600 человек каждый, для пополнения действующей армии. Воины стрелковых батальонов получили одинаковую одежду: кафтан, панталоны и шинели из темно-зеле-

ного или серого сукна, черные поярковые кивера с лакированными козырьками и кокардой из черно-оранжевой ленты. Такой батальон формировался и в Харькове. Его командиром был назначен «майор и кавалер» Чемоданов. Вместе с остальными батальонами пятой области земского войска харьковский направился в Минск. Однако в военных действиях им участвовать не пришлось. После неудачного сражения у Фридланда 2 июня русская армия отошла за Неман; 12-го было заключено перемирие, а 27-го в Тильзите — мир. Александр и Наполеон становились друзьями, потребности в ополчении более не было. По манифесту от 27 сентября 1807 года оно было распущено. Но в нарушение своего обещания царь разрешил из 200 тысяч воинов, подлежащих возвращению домой, перевести в рекруты 177 тысяч.

Это вызвало вспышку недовольства, а в отдельных местностях бунты. Среди архивных документов нами не обнаружено сведений о волнениях ратников в Харьковской губернии, но это не значит, что здесь они были довольны своей участью. «Антинародные методы руководства земским войском, — пишет историк, — бросили мрачную тень на финал милиции 1806—1807 гг.».

Словно стремясь рассеять гнетущее впечатление, оставшееся в обществе после роспуска милиции, царь осыпал наградами офицеров и чиновников. Граф Орлов-Чесменский за свои труды по командованию пятой областью удостоился ордена Св. Владимира I-й степени. Остальным были пожалованы, «в изъявление благоволения нашего ко всем вообще чиновникам в подвижном земском войске служащим», золотые медали с профилем Александра I и надписью «За веру и отечество — Земскому войску». Кроме того, «в доказательство сугубаго нашего вообще ко всем чиновникам сим благоволения» царским указом им было позволено «носить и по упразднении милиции мундир той области, в коей каждый из них находится». Наконец, спустя три года, харьковское дворянство получило грамоту Александра I как «свидетельство... признательности и непременнаго благоволения» за «ревность и усердие», с которым оно «подвизалось в образовании земского войска», «...не щадя ни трудов, ни жертв своего состояния...». Грамота хранилась в Дворянском собрании и составляла предмет гордости последующих поколений. На этом, собственно, можно закончить рассказ о милиции 1806—1807 годов Опыт по организации ополчения, накопленный тогда, оказался весьма кстати в году 1812.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Мирная передышка в борьбе между Россией и Францией оказалась не слишком продолжительной. В июне 1812 года «Великая армия» Наполеона без объявления войны вторглась в пределы России. 6 июля император Александр I подписал манифест о всеобщем ополчении: «Неприятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие великой сей державы. ...Собранныя им разнодержавныя силы велики... сего ради... полагаем мы за необходимо нужное собрать внутри государства новыя силы, которыя, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой, и в защиту домов, жен и детей каждого и всех. ...Взываем ко всем нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям... приглашая их... единодушным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами... Да встретит он в каждом дворянине — Пожарского, в каждом духовном — Палицина, в каждом гражданине — Минина». Инициатива в деле создания ополчений отводилась дворянству. Ему предоставлялось право «сводить поставляемых... для защиты Отечества людей, избирая из среды самих себя начальника над оными...».

В указанное время в Харькове губернским предводителем дворянства был Андрей Федорович Квитка — родной брат писателя Григория Квитки-Основьяненко. В истории Харьковского ополчения 1812 года ему суждено было сыграть одну из главных ролей. И друзья, и недруги одинаково признавали выдающиеся качества Андрея Федоровича. Один из последних отозвался о нем так: «Бог сделал форму

губернского предводителя дворянства — отлил Квитку и разбил ее». Получив манифест об ополчении, А. Ф. Квитка, по согласованию с губернатором, уже известным нам И. И. Бахтиным, назначил созыв дворянского собрания на 27 июля «к уяснению распоряжения и постановления относительно вышеизъясненного, наиважнейшего по теперешним государства обстоятельствам предмета». Купечеству через городскую Думу было предложено также «точно определить количество и образ своего пожертвования и способствования составлению губернского ополчения...». Общее собрание губернского дворянства собралось 28 июля и продолжалось четыре дня. Сюда же, «во избежание переписки и промедления», пригласили городского голову и депутатов от купцов. В первый день было решено «выставить для внутренней защиты временное ополчение», для чего всем сословиям губернии следовало снарядить на службу по одному человеку от 50 душ, из этих людей сформировать конный полк численностью 1550 казаков, остальных определить в пешие стрелки и пешие казаки. На все издержки по содержанию ополчения 29 июля дворяне договорились внести по одному рублю с души от всех сословий.

На следующий день было определено, чтобы в ополчение принимались казаки от 18 до 45 лет, «способные к поднятию оружия». Лошадей для них позволено было брать «лишь бы были здоровыя, и для казачьей службы способныя, и не дикия, без всякого наблюдения и разбора статей их». Собрание рассмотрело и утвердило все подробности экипировки будущих ополченцев: «Конные и пешие казаки одеваются в обыкновенныя их свиты из крестьянского сукна всех цветов и из такого же сукна обыкновенные шаровары. Две рубашки, двое порток и платок на шею, шапка из чернаго крестьянского сукна, по казацкому манеру, пятивершковой высоты, так чтобы могла подвязываться сверх ушей под бородою. Полушубок крепкий, такой длины, чтобы его захватывали шаровары. Сверх тех сапог, в которых казак представляется, дать другие сапоги новые, обыкновенные малороссийские, и к ним суконные онучи. Пояс, какой кто может, сверх сего рукавицы... седла, простые, крепкие, способные к верховой езде, с уздечками». Проблема заключалась в снабжении предполагаемого ополчения оружием. Его запасов в губернии не было. Правда, кое-что осталось от милиции, но оно нуждалось в серьезной починке, а то и вовсе было непригодным к использованию. Посему дворяне решили послать за оружием в действующую армию.

Наконец, 31 июля, для руководства всеми делами по формированию ополчения, был избран комитет в составе губернатора, вице-гу-

бернатора, губернского предводителя дворянства, судьи и предводителя дворян Харьковского уезда. Тогда же были избраны и командиры: губернским начальником генерал-майор Захарий Иванович Бекарюков, начальником в конный полк — полковник Михаил Матвеевич Куликовский, в пешие — подполковники Владимир Яковлевич Донец-Захаржевский, Александр Миронович Времев, Алексей Михайлович Двигубский. Избрали также батальонных и сотенных начальников и офицеров в полки — всего 217 человек дворян.

Городская Дума призвала горожан к пожертвованиям на ополчение и сама приняла в них участие. Но по поводу размеров собранной суммы случился конфуз, потребовавший объяснения харьковского головы перед Бахтиным. Дворяне в Собрании задали приглашенным туда представителям купечества вопрос: много ли оно жертвует «в пособие составляемому губернскому ополчению от всех состояний. А как на сей вопрос ответствовано было, что харьковское купечество на содержание губернского ополчения жертвует от себя двадцать три тысячи триста шестнадцать рублей, то дворянское сословие, почитая сие пожертвование малым, отрынуло оное...». Опасаясь, вероятно, упреков в «непатриотичности», городской голова сетовал на то, что дворяне действовали, «не войдя в познание купеческих капиталов», и заверял губернатора, «что вторая гильдия должна взнесть по триста пятьдесят рублей, а третья по сто сорок рублей и сим пожертвованием не ограничивается; но по любви к отечеству и по усердию своему содействовать общей пользе готовы и впредь жертвовать по мере возможности...». Этот эпизод, характеризующий отношения между дворянством и купечеством, служит наглядной иллюстрацией вывода историков о том, что «дворянство выступает в этой войне как более или менее организованное целое...», в то время как купечество «выражает патриотические чувства, глухо волнуется, но при этом... стоит темною массою статистов на заднем плане исторических событий».

Посреди, по выражению современника, «повсеместного вооружения населения» страну застал манифест от 18 июля, ограничивавший район формирования ополчения 16-ю губерниями России и Поволжья. Харьковская губерния оказалась за пределами этой зоны, и все хлопоты вокруг ополчения улеглись.

Снова вопрос о созыве ополчения возник в конце сентября в связи с вступлением Наполеона в Москву. Как вспоминал А. Ф. Квитка, «известие о занятии Москвы поразило все умы, большая часть дворянства... готовилась вооружаться, и... от меня стали требовать того

официально. Многолюднейший дворянством и населением своим Изюмский уезд прислал... депутатов, прося позволения на вооружение себя и людей своих, а дворянство Купянского, Змиевского и Лебединского уездов чрез предводителей своих официально изъявляло таковую же готовность». 24 сентября на собрании уездных предводителей, коих присутствовало девять из одиннадцати, решено «составить ополчение для собственной защиты...». То, что столь ответственное решение принято было не на общем собрании, а в присутствии лишь узкого круга выборных представителей, губернский предводитель оправдывал тем, что «краткость времени не позволяет составить общее дворянское собрание, а положение обстоятельств требует решительных мер... которые бы дали... способы к ограждению нашего края, чести и безопасности губернии».

26 сентября уездные предводители выработали определение из 10 пунктов, намечавшее конкретные меры по созданию ополчения. Формировать его предполагалось на тех же основаниях, какие были утверждены еще в июле. К участию предполагалось привлечь многочисленных в губернии казенных крестьян, мотивируя это тем, что «мы все подданные одного государя, все сыны того же отечества, которое, к сожалению, неприятели теперь разоряют!.. А потому и вооружение должно быть совокупное». Дворяне, представители других сословий призывались жертвовать «на защиту отечества» оружие, деньги, порох, свинец, хлеб и т. п. О своем решении предводители донесли губернатору, чтобы тот информировал Петербург и получил на него официальное позволение. На том же собрании 26 сентября «для точного и верного сведения о положении дел» определено отправить депутата от Изюмского уезда капитана Сергея Алексеевича Левшина в действующую армию к Кутузову, чтобы вручить ему письмо губернского предводителя дворянства и «получить на оное словесный или письменный ответ». «Сие уведомление и предписание его светлости будет служить руководством в действиях дворянских; а потому до получения оного назначенного ополчения не выставлять».

28 сентября А. Ф. Квитка пишет письмо князю Кутузову следующего содержания:

«Светлейший князь, милостивый государь!

Слободско-Украинское дворянство по получении высочайшего манифеста, призывающего все состояния на оборону отечества, определило составить значительное ополчение; но в самое то время, когда оное выставлялось, последовало высочайшее повеление,


А. Ф. Квитка

отменяющее сие ополчение, место которого заступил рекрутский набор. Победы вашей светлости подают несомнительную надежду, что враг знаменитыми подвигами вашими будет наконец истреблен или изгнан из пределов России; но по преданности Слободско-Украинского дворянства к августейшему престолу и любви к отечеству, оно, желая способствовать общему делу всеми возможными ему способами, в лице моем осмеливается просить вашу светлость не оставить его извещением о том, что если военные действия будут приближаться к пределам губернии нашей, то в таком разе, изволите ли вы, светлейший князь, полагать, что ополчение сей губернии, из дворянских и казенных крестьян составленное, должно быть нами приготовлено и выставлено. Благоволите, светлейший князь, руководить нас в сем разе повелениями вашими».

Обращение к Кутузову не было простой формальностью. Дело в том, что действия губернского и уездных предводителей, принявших решение относительно ополчения без учета мнения остальных дворян, подвергалось со стороны многих из них серьезной критике. Собрание дворян Харьковского уезда 30 сентября 1812 года постановило: «Как на то нет высочайшей воли, ниже и никакого от правительства повеления да и о настоящей опасности от врага России извещения здешняя губерния не имеет, то и на таковое самопроизвольное ополчение мы согласиться не смеем...». Помещик того же уезда генерал-лейтенант Иосиф Хорват, сообщая местному предводителю, что в «своевольном и, может быть, излишнем предположении» губернского предводителя «ополчить Украину против врага всей России» он участвовать не намерен, предложил направить за собственный счет к Кутузову посланца «с донесением о несправедливом, его, господина губернского предводителя, постановлении...». Судя по дальнейшим событиям, свое намерение Хорват исполнил.

Дворяне Ахтырского уезда заявили на своих собраниях 25 и 28 октября, что «без высочайшей монаршей воли и без предписания вышняго правительства не смеют сами собой произвесть ополчения в действо». Мотивы у критиков А. Ф. Квитки были различными. Если одних, подобных Хорвату, оскорбляло пренебрежение, проявленное к их личности и мнению, то другими двигали экономические соображения. Изюмский помещик Р. Шидловский, полагая намеченные меры «непомерными», прямо вопрошал: «После всего сего кого оставляем... возделывать поля, прокормить старых и малолетних, чем будем в силах содержать предполагаемое войско... где оружие, порох и прочее, чего и сколько надо, на сколько времени и что придется собирать с душ же, обременяемых при всяких постановлениях собственных. Собираемый народ никакой пользы нам сделать не удобен и, разоряя оной поборами... не подвергнем ли себя же законному осуждению и ответу Богу».

Между тем 18 октября вернулся капитан Левшин и привез ответ Кутузова: «С сердечною признательностью читал я отношение вашего превосходительства от лица всего Слободско-Украинского дворянского сословия, приписывающего успехи оружия моему усердию. Я с своей стороны справедливо должен сказать, что отечество будет признательно Слободско-Украинскому дворянству за усерднейшее напряжение его к защите онаго. Между тем собранным ополчением должно распорядиться таким образом, чтобы оное, ограждая пределы губернии своей, с той стороны, которая ближе, или может быть ближе к театру войны, приобучалось к порядку; когда же оному будет действовать, то не премину снабдить его моими повелениями».

30 октября созваны были в Харьков уездные предводители и депутаты от дворянства на очередное собрание. Здесь явно обнаружилась оппозиция ополчению, ссылавшаяся на отсутствие по этому поводу распоряжений свыше. В отношении А. Ф. Квитки и уездных, подписавших постановления 24 и 26 сентября, высказывания ряда депутатов от валковских и волчанских дворян носили явно угрожающий тон. Они требовали копий этих постановлений, равно и письма к Кутузову, и грозили представить все это «куда следует», т. к. документы были составлены «без воли, сведения и согласия всего дворянства». Однако таких оказалось меньшинство. Большинство же постановило: в связи с ослаблением военной опасности, а также отсутствием сведений о реакции петербургских властей, «действительное составление предположенного земского ополчения на сей раз приостановить». «Но, дабы ни в коем случае не понесть на себе укоризны бес-

печности, не свойственной сынам отечества, борющегося еще с врагами своими; дабы соответствовать прежним нашим началам, которые были изложены от лица дворянства губернии нашей пред его светлостью... Михайлом Ларионовичем Голенищевым-Кутузовым, и заслужить его благосклоннейшее одобрение...», собрание рекомендовало помещикам назначить из каждых 50 душ по одному казаку и, «вооружа и снабдив их пристойным образом, приучать к военному порядку, отнюдь не отделяя их, однако, от жилищ и обыкновенных их упражнений...». В уездах следовало «приступить немедленно к назначению способных и достойных чиновников по числу казаков», а также открыть «подписки для беспоместных дворян и разночинцев, желающих занимать места в земском ополчении». Организационные структуры предполагалось сохранить те же, что были у милиции 1807 года. В заключение постановления подчеркивалось, что «будет иметь место назначение только и домашнее приуготовление, а не действительное составление нашего ополчения, что совершенно согласно и с волею его светлости... господина фельдмаршала». Таким образом, в октябре, как и раньше — в июле и сентябре, Харьковское ополчение так и не было созвано, а все принятые на сей счет решения остались лишь на бумаге.

В ноябре подоспел ответ на губернаторский запрос из Петербурга от Комитета по внутреннему ополчению. Рассмотрев предложение о формировании ополчения, Комитет «рассудил, что мера сия, свидетельствующая усердие благородного харьковского дворянства, не признается, однако, теперь нужною по изменившимся обстоятельствам...». Решение Комитета было доложено императору Александру. Он согласился с ним и «высочайше повелеть изволил объявить помянутому дворянству монаршее благоволение, а между тем генерал-лейтенанту Хорвату поставить на вид, что при делании ополчения противу отечественного врага... небольшое число оставшихся к тому непреклонным не может быть принято правительством с выгодным заключением на счет последних и что ожидание высочайшего на составление ополчения повеления, чем отзывался генерал-лейтенант Хорват... не может служить ему извинением...». Для гордого, самолюбивого Хорвата это был большой удар. Но он не смирился; в марте 1813 года написал на имя царя, обвиняя губернатора в клевете «за то, что не захотел участвовать в дар, ему собранный, до пятидесяти тысяч рублей... по желанию губернского предводителя Квитки с некоторыми единомышленниками устроенный», и обоих в том, что в случае с ополчением они действовали «по известным лишь им видам». Бах-

тин и Квитка вынуждены были давать объяснения, отрицающие обоснованность обвинений Хорвата. В конце концов некрасивая эта история закончилась, судя по всему, не в пользу последнего, ибо и губернатор, и губернский предводитель оставались на своих местах.

Не следует, однако, думать, что все участие Харьковской губернии в событиях 1812 года ограничилось бесплодными в итоге заседаниями местных представительных органов да дрязгой между губернским начальством и отдельными дворянами. Усилиями всех обитателей Харьковщина сделала свой взнос в достижение победы над Наполеоном. В губернии было проведено два рекрутских набора, давшие армии более 16 тысяч человек, для ее нужд поставлено более трех тысяч лошадей. Были сделаны большие пожертвования на военные нужды и в пользу людей, «которые, вышед из мест, занятых неприятелями, не имеют пристанища...». Жертвовало дворянство, жертвовало купечество, жертвовала церковь. Епископ Слободско-Украинский и Харьковский Христофор сообщал губернатору Бахтину о пожертвовании золотых и серебряных вещей, «которые находились в церковных ризницах без всякого употребления». Собрано было золота — 14 1/4 золотника, серебра — 2 пуда 11 фунтов и 47 золотников. Духовенство также пожертвовало более 6 тысяч рублей ассигнациями и 237 аршин полотна. Учащиеся Харьковского коллегиума объявили желание поступить в ополчение. Среди них пятнадцатилетний Дмитрий Корендович, шестнадцатилетние Петр Рыбчинский и Павел Ключников, семнадцатилетний Иван Петрусенко, Иван Склобинский восемнадцати лет. Последний, не дождавшись сбора ополчения, завербовался в Лубенский гусарский полк. Кроме того, губерния обеспечивала всем необходимым проходившие с Дона на театр военных действий войска и содержала несколько сот военнопленных французов и поляков.

При всем том, одновременно с пожертвованиями на ополчение, харьковские дворяне собрали по подписке семь тысяч рублей на основание в городе Института благородных девиц, который и был торжественно открыт 10 сентября 1812 года.

Подводя итог всему содеянному в том памятном году, А. Ф. Квитка имел все основания утверждать, что, «кроме весьма малого числа особ, предпочитавших сохранение своего имущества общей пользе и приискивавших разные предлоги... отклонить и малейшие от себя расходы, все прочие, как истинные сыны отечества, готовы были на всякие жертвы и почитали обязанностью предупреждать в том желание правительства».

30 августа 1814 года была учреждена медаль «В память Отечественной войны 1812 года» из темной бронзы. Она предназначалась для награждения дворянства и купечества, содействовавших победе армии в войне с Наполеоном.

«Благородное дворянство наше, — говорилось в изданном по этому поводу манифесте, — верная и крепкая ограда престола, ум и душа народа... издревле многократными опытами доказавшее ничем не нарушимую преданность и любовь к царю и отечеству, наипаче же ныне изъявившее беспримерную ревность щедрым пожертвованием не токмо имуществ, но и самой крови и жизни своей, да украсится бронзовою на Владимирской ленте медалью...». Право на получение медали имели старейшие в своем дворянском роду мужчины, из женщин, не имеющих в своем роду мужского потомства, лишь вдовы и незамужние сироты.

В Харьков в марте 1816 года было прислано 1000 медалей. Их раздачу губернатор поручил губернскому предводителю дворянства. К июлю все медали были вручены дворянам. Сообщая об этом губернатору, А. Ф. Квитка прибавлял, что «получил много письменных отзывов и от таких дам, которые, имея в живых мужей своих, полагают себя вправе получить медали, потому что они суть старейшия в семействе своем между особами женского пола... Я прошу вас разрешить, — продолжал Квитка, — должны ли получить медали те дамы, которые имеют у себя мужей, или одни только вдовы и не имеющие отцов и матерей девицы имеют право на оные». В первом случае требовалось еще не менее 700 медалей, во втором — 300. Императорским указом дело было решено в пользу всех особ женского пола, в связи с чем в июле 1817 года в Харьков выслали еще 600 бронзовых медалей уменьшенного размера специально для женщин, которые были розданы к февралю 1818 года. В июле 1817 года получено еще 210 «мужских» медалей. Несмотря на это, еще в октябре 1818 года предводители дворянства Харьковского, Лебединского, Валковского, Купянского, Волчанского и Ахтырского уездов обращались с ходатайствами о присылке медалей для тех дворян, которые, имея на это право, их не получили. Медаль в память 1812 года считалась одной из самых почетных наград, и не случайно позднее специальным указом было дано право потомственного ее ношения старшему в роду. Эпилогом к повествованию о событиях 1812 года в Харьковской губернии могут служить слова царского манифеста: «Славный год сей минул, но не пройдут и не умолкнут содеянные в нем громкия дела...».

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Серьезным испытанием для страны стала Восточная или Крымская война 1853—1856 годов. Внешнеполитические амбиции российского самодержавия столкнули его с коалицией европейских держав в составе Англии, Франции, Турции и Сардинии. России пришлось туго: военные действия одновременно шли в Крыму и на Кавказе, у берегов Финляндии и на далекой Камчатке, причем инициативу захватил противник.

На весть о начале войны харьковское дворянство откликнулось всеподданнейшим адресом к царю Николаю I, где, в частности, говорилось: «Харьковское дворянство, как и вся Россия, проникнуто одною мыслию, одним пламенным стремлением свято выполнять все предначертания вашего величества... По первому призыву Вашего Величества как стена станет рать старых и младых и грудью отразит врагов правды и завистников благоденствия нашего отечества... Все харьковцы... готовы жертвовать жизнью до последней капли крови и все свои достояния со счастием повергают к подножию престола Вашего Величества...». Некоторые решили не ограничиваться только словесной поддержкой правительства. Некий отставной титулярный советник Николаев, проживавший в г. Змиеве, изобрел мину «для истребления неприятельской армии», план и модель которой он и «поверг к подножию престола». Военные признали означенный минный проект «не удобоприменительным к делу» и вернули обратно незадачливому изобретателю.

Между тем военные действия принимали неблагоприятный оборот. Армии явно не хватало для защиты обширных территорий империи. 29 января 1855 года, за двадцать дней до смерти, Николай I

подписал манифест, повелевавший «приступить ко всеобщему государственному ополчению». Призывая к ополчению, правительство старалось придать войне народный характер, возродить в населении патриотический дух 1812 года. В отличие от того ополчения, в значительной своей части построенного на общественных началах, ополчение 1855 года было государственной организацией и предназначалось для пополнения армии из расчета две дружины на каждый полк. Правда, система комплектования осталась прежней, общинной. Но теперь в ополчение призывались не только помещичьи, но и казенные крестьяне. Офицеры выбирались из дворян. Заботу о вооружении ратников государство брало всецело на себя. «Ополчение сохраняло свою организационную самобытность только в стадии формирования. При включении же дружин в полки эта ополченческая обособленность ликвидировалась полностью», — пишет авторитетный исследователь проблемы ополчения в вооруженных силах России Б. Ф. Ливчак.

Первоначально к формированию ополчения приступили в шести губерниях Северо-Западной России, в апреле и мае — в Центральной России и Поволжье. В августе наступила очередь Харьковской и других южных губерний. Набор ратников нужно было провести за месяц — с 1 октября по 1 ноября, выставляя по 23 человека от каждых 1000 душ.

Губернское начальство, как это делалось и прежде, организовало среди государственных крестьян, мещан, купцов, чиновников кампанию «добровольных» пожертвований на ополчение. Предписание начальника губернии обязывало «без малейшего отлагательства собрать градския общества и пригласить оныя составить постановление относительно пожертвований на государственное ополчение, пожертвованные деньги внести в местное уездное казначейство, а о количестве оных доставить господину Начальнику губернии сведения с подробным означением, от кого и сколько поступило пожертвований». Во исполнение данного предписания городские общества Богодухова и Краснокутска постановили: «Все начальники семейств общества обязаны сделать пожертвования на государственное ополчение по мере усердия и любви к отечеству беспрекословно...». Сумма, собранная купцами, мещанами и цеховыми в Богодухове, составила 197 рублей 15 копеек, в Краснокутске — 124 рубля 94 копейки. Жители Змиевского уезда пожертвовали на ополчение 137 рублей 48 копеек. В том числе крестьяне села Соколова — 2 рубля 46 копеек, священник слободы

Тарановка Николай Павличенков — 1 рубль, крестьяне Тарановки — 13 рублей. Инспектор Харьковской врачебной управы рапортовал начальству, что «медицинскими чинами и фармацевтами, в Харьковской губернии в ведомстве врачебной управы состоящими... внесено добровольным пожертвованием на покрытие расходов, с призывом государственного ополчения сопряженных, 55 рублей 40 копеек серебром...».

Организационные вопросы рассматривались на общем собрании дворян, открывшемся 20 августа 1855 года. Общая численность ратников от Харьковской губернии равнялась 12772, из которых 411 приходилось на мещан и цеховых города, 7226 — на государственных и коннозаводских крестьян и 5135 — на крестьян помещичьих. На снаряжение последних дворяне ассигновали более 70 тысяч рублей. Ополченцы каждого уезда составили дружину (батальон), коих было 11 с номерами с 217 по 227. Одну дружину — № 228 — образовали поселяне Беловодских конных заводов. Командиров дружин старались выбрать из отставных военных чинов, прочие офицерские должности заняли чиновники из гражданской службы. Начальником над ополчением дворянство избрало генерал-майора Николая Федоровича Шатова.

Протоколом от 26 августа собрание постановило выдать на подъем и обмундирование начальнику ополчения 1000 рублей, ротным и дружинным командирам по 700, остальным офицерам по 400 рублей. Сумма расходов на эти цели исчислялась в 80 тысяч рублей и была собрана дворянством частью по подписке, частью по раскладке.

Крестьяне, особенно помещичьи, охотно шли в ополчение. Среди них распространились слухи, что записавшимся в ополчение после войны дадут волю. Потому-то они и торопились стать ратниками и получить на фуражку крест из желтой латуни с надписью «За веру и царя». К назначенному сроку формирование было за-



Ратник ополчения 1855—1856 гг.


Офицер ополчения
1855—1856 гг.

вершено, и генерал Шатов, утвержденный в должности царским приказом, 1 ноября 1855 года принял командование Харьковским ополчением.

Все ратники имели однообразную одежду: фуражку из серого крестьянского сукна, армяк с погонами из такого же сукна, шаровары в сапоги, холстинную рубашку, кожаный кушак. Офицеры были обмундированы так же, но отличались от рядовых ополченцев красным кушаком и золотыми эполетами. Вооружение их состояло из пехотной полусабли.

Строевые чины ополченческой дружины имели на вооружении топор. Были выданы из арсеналов ружья, как писали тогда в бумагах, «хотя и старые, но безопасные для употребления». Некоторые из них хранились со времен турецкой войны 1828 года.

Каждая дружина получила знамя. Полотнище из зеленого шелка имело посередине изображение золотого ополченского креста и ополченский девиз: «За веру, Царя и Отечество».

Дружины располагались в местах своего формирования. Оставшиеся месяцы 1855 и январь 1856 года ушли на муштровку ополченцев: обучение их строевым приемам, стрельбе, владению штыком. 5 января последовал высочайший приказ Харьковскому ополчению выступить на усиление Кавказской армии. 1 февраля, закончив все сборы, дружины двинулись в поход. Но в пункт назначения они так и не прибыли. В феврале начались переговоры между представителями России и держав европейской коалиции. 20 марта был подписан Парижский мирный договор, положивший конец войне. Дойдя до Ставропольской губернии, Харьковское ополчение получило приказ вернуться. На обратном пути его инспектировал флигель-адъютант императора полковник Стюрлер. На основании его доклада Александр II приказом от 29 апреля «за успешное формирование и хорошее состояние дружин» объявил «искреннюю признательность» Харьковскому дворянству в лице его предводителя отставного гвардейского штаб-ротмистра Николая Ивановича Бахметева.

Дружины находились еще на пути домой, когда 11 апреля 1856 года было обнародовано «Положение о роспуске государственного подвижного ополчения». Согласно ему ратникам из крестьян, «вернувшимся в первобытное состояние», вместо долгожданной воли было дозволено «носить фуражку с крестом». Генералам и офицерам, уволенным в отставку, в память о службе в ополчении можно было носить такой крест на груди. Кроме того, чиновники Харьковского ополчения при увольнении награждались производством в следующий чин. Некоторые удостоились «монаршего благоволения». Несколько позже началось награждение бронзовыми медалями «В память Восточной войны 1853—1856 гг.». Служившие в ополчении, наравне с воинскими чинами, получили такие медали на Андреевской ленте. Такой же медалью, но на Анненской, красной с желтыми каемками ленте награждались купцы и состоятельные почетные граждане, «...которые отличили себя приношениями на издержки войны или на пособия раненым и семействам убитых». Награждались и просто чиновники, находившиеся на службе в годы войны. В архиве сохранился именной список 35 чиновников «канцелярии Начальника губернии, состоящих для особых поручений, в военных действиях не участвовавших и в ополчении не служивших, но награжденных памятной медалью на Андреевской ленте».

Знамена дружин Харьковского ополчения были переданы на хранение в кафедральный Успенский собор, где их поместили при клиросах нижней церкви.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В течение второй половины XIX века ополченская повинность превратилась из общинной в личную, из сословной во всеобщую, из временной в постоянную. В это время ополчению придавалось значение вспомогательной части вооруженных сил, в связи с чем ему уделялось мало внимания. Заботы правительства сосредоточились на реформе кадровой армии, обеспечении ее необходимыми материальными ресурсами и обученным запасом. Эта задача в основном была решена к началу 80-х годов. Опыт войны с Турцией в 1877—1878 годах, а еще более пример европейских стран, где многое было сделано для сближения кадровых войск с милиционными (ландвером, ландштурмом, гонведом и т. п.), показал необходимость радикального преобразования государственного ополчения. Правительством было сочтено целесообразным дать ему более полную организацию, образовывая из ополченских дружин и конных сотен крупные тактические единицы — полки, бригады, дивизии. Кроме того, из ополченцев решили формировать не только пехотные и кавалерийские части, но также артиллерийские и инженерные. Окончательно новая организация ополчения была закреплена в положении 1891 года. Согласно ему ополченские части при мобилизации должны были образовать 20 пехотных дивизий, 20 артиллерийских полков, 20 конных полков, 20 крепостных артиллерийских рот и 20 саперных — всего 400 тысяч человек. Ратники делились на два разряда. К первому относились отбывшие срок действительной службы и запаса, а также получившие льготы по семейному положению. Ко второму разряду

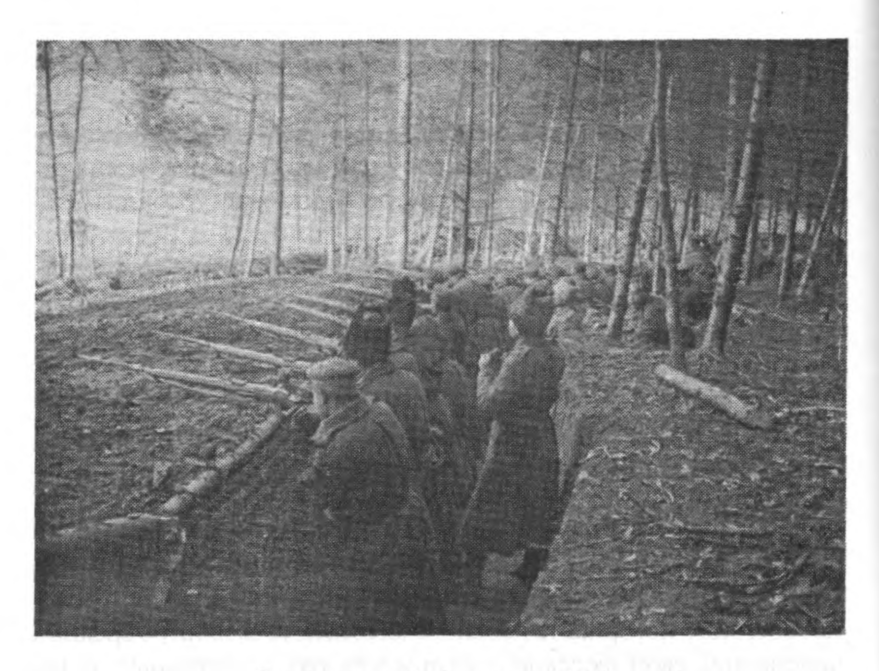
относили лиц физически непригодных к военной службе и единственных сыновей в семье.

Накануне Первой мировой войны происходил рост численности ополчения, и к ее началу оно насчитывало более шести миллионов ратников. Это был главный резерв людских ресурсов для действующей армии.

Потребность в нем возникла прискорбно быстро. Стратегические просчеты Верховного командования, военно-техническая отсталость России по сравнению с противниками оборачивалась для армии огромными человеческими жертвами. «За три с лишком месяца с начала кампании, — вспоминал генерал А. Брусилов, — большинство кадровых офицеров и солдат выбыло из строя, и оставались лишь небольшие кадры, которые приходилось спешно пополнять отвратительно обученными людьми, прибывшими из запасных полков и батальонов... С этого времени регулярный характер войск был утрачен и наша армия стала все больше и больше походить на плохо обученное милиционное войско». По подсчетам военного историка А. Керсновского, пехота за войну в среднем переменила свой людской состав шесть раз, а отдельные полки и дивизии — 10 раз и более. Уже в 1914 году под знамена было призвано свыше миллиона ополченцев, в 1915 и 1916 годах цифры удваивались. Весной 1915 года пришлось приступить к формированию из ополченских дружин дивизий третьей очереди. Из-за нехватки вооружения этот процесс затянулся, и новые дивизии начали прибывать на фронт лишь к концу года. Среди них 113-я пехотная дивизия в составе 449-го Харьковского, 450-го Змиевского, 451-го Пирятинского и 452-го Кролевецкого полков. Дивизия входила в состав 34-го армейского корпуса 7-й армии Юго-Западного фронта.

Первым полком в дивизии числился 449-й Харьковский. Он был сформирован в феврале 1916 года из трех дружин Харьковского ополчения и первоначально назывался «Первым формируемым полком». Собственное имя он получил 3 марта 1816 года. Командовал полком генерал Будзилович.

Образовавшие Харьковский полк ополченские дружины (№ 121, 122, 123) были мобилизованы еще в июле 1914 года и отправлены на фронт в Галицию. В ноябре 1914 года им вручили знамена, судя по архивным документам, те самые, что остались от Харьковского ополчения 1855 года и хранились в кафедральном Успенском соборе. На протяжении 1914 и 1915 годах ратникам приходилось главным образом нести гарнизонную службу или за-



В окопах под Перемышлем 1915 г.

ниматься строительством укреплений. Тем не менее им не раз довелось побывать под огнем противника и нести потери.

Новосформированный полк выступил на фронт в конце мая 1916 года и летом в составе дивизии участвовал в Брусиловском наступлении. Особенно памятными остались сентябрьские бои за высоту 399 «Лысоня» на подступах к местечку Бережаны в долине реки Золотая Липа. Полк начал атаку австрийских позиций утром 22 сентября. Несмотря на ураганный огонь вражеских девятидюймовых орудий и проволочные заграждения, к полудню были захвачены две линии окопов и взято более 200 пленных. Австрийцы непрерывно контратаковали. Харьковцы, потерявшие в ходе боя до 50% своего состава, вынуждены были оставить одну линию неприятельских окопов, но на второй закрепились и отбили все атаки. Утром следующего дня наступление было возобновлено, но вскоре стало ясно, что обескровленные роты ополченцев не в состоянии прорвать вражескую оборону. К четырем часам дня полк был сменен на позиции и выведен из боя. Боевая задача оказалась выполненной лишь частично, трофеями харьковских ополченцев стали два офицера и 407 солдат противника.

Накануне атаки на Лысоню полк насчитывал 1700 рядовых и 47 офицеров. За два дня непрерывного боя он потерял убитыми, ранеными, пропавшими без вести 14 офицеров и 1020 ратников и был сведен в два батальона вместо трех. Вследствие этого в последующих атаках высоты полк не участвовал, а только поддерживал их огнем.

Любопытно, что в ходе сентябрьских боев в окрестностях Бережан был разгромлен и взят в плен легион Украинских Сичевых Стрельцов, сражавшийся в рядах австро-венгерской армии.

Многие офицеры и солдаты Харьковского полка удостоились наград, и не только российских. Георгиевский кавалер, младший унтер-офицер Демьян Муха был представлен к французской медали, а рядовые Георгий Яковлев и Михаил Светущев получили медаль и звезду сербского ордена Карагеоргиевичей.

Во время Брусиловского наступления и позже, в дни июльской катастрофы 1917 года, рядом с Харьковским сражался второй полк дивизии — Змиевской, также укомплектованный харьковскими ополченцами.

В начале декабря 1916 года в армии появились первые дивизии 4-й очереди. Не имевшие артиллерии и состоявшие преимущественно из ратников 2-го разряда, ранее в армии не служивших и не получивших ни военного воспитания, ни даже надлежащего военного обучения, эти дивизии, по мнению А. Керсновского, были «мертворожденными».

Приказом штаба Верховного главнокомандующего от 22 ноября 1916 года Харьковская ополченческая бригада была развернута в дивизию, имена полков которой воскрешали в памяти названия уездных городков одноименной губернии: Ахтырский, Волчанский, Северодонецкий, Чугуевский. Дивизия получила номер 137 и направление на Северный фронт. Здесь война носила преимущественно позиционный характер, чему в большей степени соответствовали по своим невысоким боевым качествам ополченские части. В их рядах оказалось немало дезертиров, отсталых, так называемых «халупников», «самострелов». Русский военный ученый генерал Н.Н. Головин подсчитал, что по сравнению с другими частями армии ополченцы давали наименьший процент кровавых потерь и наибольший — пленных. Беспристрастные документы сохранили имена и героев, и малодушных. Рядовой 546-го Волчанского полка Леон Дудинский в ноябре 1916 года, находясь в разведке, перебежал к немцам. Месяц спустя рядовой того же пол-

ка Викентий Яблонский, также в разведке «под огнем, встав, бросил бомбу в неприятельский пикет» и был награжден за свой поступок Георгиевским крестом. Краткая история 137-й дивизии не отмечена ни славными делами, ни громкими победами.

В феврале 1917 года пришла «великая и бескровная» с Приказом № 1 и «Декларацией прав солдата», комитетами, митингами и братаниями. Началась агония армии. «Солдат решил, что раз царя не стало, то не стало и царской службы и царскому делу — войне — наступил конец... Офицер, призывавший солдата защищать Родину, становился ему подозрителен. Раз была объявлена «свобода», то кто имел право заставлять его, солдата, проливать свою кровь на фронте, когда в тылу рабочие провозгласили восьмичасовой трудовой день, а односельчане готовились поделить землю помещика». Ополченские части быстрее других теряли дисциплину и боеспособность. Последняя точка в их истории была поставлена в начале 1918 года, когда по условиям Брестского мира демобилизовалась вся старая армия.

Такова история четырех харьковских ополчений, рассказанная на страницах этой книги впервые.

Приложение

Послужные списки харьковских полков[2]

11-й Драгунский Харьковский Ее Императорского Высочества Великой Княгини Александры Петровны полк

Старшинство	*Полковой праздник*
с 1651 г. сентября 5	5-го сентября

1651 г. Учрежден Харьковский казачий полк.

1765 г. Марта 3. Майором Л.-Гв. Измайловского полка Щербининым сформирован из Харьковского Казачьего полка с добавлением казаками другихъ Слободских полков в г. Харькове Харьковский Гусарский Полк.

1783 г. Июля 26. Назван Харьковским полком Украинской конницы.

1784 г. Февраля 26. Харьковским Легко-Конным.

1791 г. Июля 29. — Харьковским Конно-Егерским.

1792 г. Января 31 снова Харьковским Легко-Конным.

1796 г. Ноября 29. — Харьковским Кирасирским.

1798 г. Октября 5. — Кирасирским Генерал-Майора Заплатина. Октября 25. — Кирасирским Генерал-Майора Князя Ромадановского-Ладыженского.

1799 г. Янв. 23. — Кирасирским Генерал-Майора Козенса.

1801 г. Марта 31. — Харьковским Кирасирским, а Июля 20 — Харьковским Драгунским.

1827 г. Октября 6. — Харьковским Уланским.

1833 г. Марта 21. Присоединены 1-й и 2-й эскадроны Татарского Уланского полка (сформирован в 1803 году).

1851 г. Мая 15-го. Полк назван Уланским Его Королевского Высочества Принца Фридриха Прусского.

[2] Драгунские полки. Справочная книжка Императорской главной квартиры. По 15 июля 1897 г. СПб.

1857 г. Марта 19-го. — Полк назван Харьковским Уланским Его Королевского Высочества Принца Фридриха Прусского.

1863 г. Июля 18. — Полк назван Харьковским Уланским.

1864 г. Марта 25. — 4-м Уланским Харьковским.

1864 г. Марта 25. — 4-м Уланским Харьковским Ее Имп. Высочества Великой Княгини Александры Петровны.

1882 г. Августа 18. Полк назван 11-м Драгунским. Харьковским Ее Императорского Высочества Великой Княгини Александры Петровны.

Знаки отличия:

1) Полковой Штандарт Георгиевский, с надписями: «За отличие против неприятеля в сражении у Кацбаха 14 августа 1813 года» и «1651—1851» с Александровскою юбилейною лентою. Высоч. грам. 25 мая 1826 г. и 27 июля 1851 г. Отличие пожал в 1813 г. сент. 15 Харьковскому Драгунскому полку.

2) 12 серебряных труб, с надписью: «За отличие против неприятеля в сражении у Кульма 18 августа 1813 г.». Пожалованы Татарскому Уланскому полку. Высоч. грамота 4 июля 1826 г.

17 Георгиевских труб, съ надписью: «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов» пожал. 17 апр. 1878 г. Высоч. грам. 21 июля 1879 г.

3) Знаки на шапки, с надписью: «За отличие» пожал. 6 апр. 1830 г. за подвиги в войне с Персией 1826—1829 гг.

Шефы полка:

Принц Фридрих Прусский с 1851 г. Мая 15 по 1863 г. Июля 18. Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Петровна с 1864 г. Марта 25.

32-й Драгунский Чугуевский ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ полк.

Старшинство	*Полковой праздник*
с 1794 г. Июля 21-го	1 октября

Полк составился из соединения двух следующих полков:

1749 г. Июля 21. Из Чугуевских, 3-х Казачьих и 2-х Калмыцких команд сформирован Чугуевский Казачий Конный полк.

1789 г. Учрежден Конвойный Князя Потемкина полк (впоследствии 2-й Чугуевский).

1800 г. Марта 6. Из двух Чугуевских полков сформирован Чугуевский Казачий Регулярный генерал-майора Синицына полк, в составе 10 эскадронов. Сентября 27 назван Чугуевским Казачьим полковника Гладкова.

1801 г. Марта 31. Назван Чугуевским Казачьим.

1803 г. Июня 23. Назван Чугуевским Казачьим регулярным, причем для комплектования полка оставлены только Чугуевские казаки.

1808 г. Августа 18. Назван Чугуевским Уланским.

1850 г. Сентября 15. Назван Уланским генерала от кавалерии графа Никитина.

1851 г. Декабря 31. — Присоединен к полку дивизион Сибирского Уланского полка.

1857 г. Марта 19. Назван Чугуевским Уланским генерала от кавалерии графа Никитина.

1858 г. Марта 3. Назван Чугуевским Уланским, а апреля 17 — шефом полка назначен генерал-адъютант князь Долгоруков I.

1864 г. Марта 25. Назван 11 Уланским Чугуевским, а 30 августа — 11-м Уланским Чугуевским генерал адъютанта князя Долгорукова I.

1868 г. Мая 20. Назван 11-м Уланским Чугуевским Е. И. В. Госуд. Цесаревны Вел. Кн. Марии Федоровны.

1881 г. Марта 2. Назван 11-м Уланским Чугуевским Ее Величества.

1882 г. Авг. 18. Назван 32-м Драгунским Чугуевским Ее Величества.

1891 г. Ноября 2. Назван 32-м Драгунским Чугуевским Ее Величества Императрицы Марии Федоровны.

Знаки отличия:

1) Полковой штандарт Георгиевский, с надписью: «За отличие в турецкую войну 1877 и 1878 годов». Выс. гр. 21 июня 1878 г.

2) 17 Георгиевских труб, с надписью: «За отличие в войну против Французских войск в 1813 году», пожал. 30 мая 1814 года. Высоч. грамота 4 июля 1864 г.

Шефы полка:

Генерал от кавалерии граф Никитин с 1850 г. Сентября 15 по 1858 марта 3.

Генерал-адъютант князь Долгоруков I с 1858 г. Апр. 17 по 1868 мая 20.

Ее Императорское Величество Государыня Императрица Мария Федоровна с 1868 г. мая 20.

33-й Драгунский Изюмский Е. И. К. Высочества Принца Генриха Прусского полк.

Старшинство
с 1651 г. июня 27

Полковой праздник
9 мая

1651 г. Июня 27. Учрежден Изюмский Казачий полк.

1765 г. Марта 3. Из Изюмского казачьего полка в г. Изюме сформирован, Л.-Гв. Измайловского полка премьер-майором Щербининым, Изюмский гусарский полк в составе 6 эскадронов.

1783 г. Июня 28. — Назван Изюмским полком Украинской конницы.

1784 г. Февр. 26. — Изюмским легко-конным.

1786 г. Ноября 29. Назван гусарским ген.-лейт. Зорича, 1787 г. сент. 15 — гусарским генерал-майора Анненкова, 1789 г. — авг. 10 — Гусарским ген.-майора Трегубова, ноября 2 — Гусарским ген.-майора Бобыря, 1800 г. сент. 14 — Гусарским ген.-майора графа Палена 2-го

1801 г. Марта 31. — Изюмским гусарским.

1803 г. Мая 16. Два эскадрона отчислены на формирование Одесского гусарского полка, а взамен их сформированы новые.

1806 г. Июня 13. Два эскадрона отчислены на формирование Гродненского гусарского полка, а взамен их сформированы новые.

1826 г. Марта 21. К полку присоединен дивизион Конно-егерского полка Е. В. Короля Виртембергского полка.

1850 г. Ноября 7. Полк назван Изюмским гусарским.

1857 г. Марта 19. — Изюмским гусарским Е. Кор. Выс. Принца Фридриха-Вильгельма Прусского.

1860 г. Дек. 23. — Изюмским гусарским наследного принца Прусского.

1864 г. Марта 25. — 11-м Изюмским гусарским наследного принца Прусского.

1871 г. Февр. 17 — 11-м гусарским Изюмским Е. И. К. В. наследн. принца Германского.

1882 г. Авг. 18. — 33-м драгунским Изюмским Е. И. К. В. наследн. принца Германского.

1888 г. Февр. 27. — 33-м драгунским Изюмским Е. И. В. Императора Германского короля Прусского Фридриха III, Июня 6 — 33-м драгунским Изюмским Е. И. К. Высочества Принца Генриха Прусского.

Знаки отличия:

1) Полковой штандарт Георгиевский, с надписями: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 г». и «1651—1851» с Александровской юбилейной лентой. Высочайшая грамота 13 апреля 1813 г.

2) 17 Георгиевских труб, с надписью: «Изюмскому полку за оказанную храбрость в 1807 г. против французов». Высочайшая грамота 16 февраля 1808 г.

3) Знаки на шапки, с надписью: «За отличие», пож. 19 ноября 1814 г. за подвиги в войне с французами 1812—1814 годов.

4) Петлицы за военное отличие на мундиры штаб- и обер-офицеров, присвоены при изменении обмундирования в 1882 г. взамен гусарских снуров гвардейского образца, пожалов. Высочайшим приказом 17 апреля 1878 г. за отличие в Турецкую войну 1877—1878 гг. Высочайшая грамота 21 июля 1878 г.

Шефы полка:

1) Эрц-герцог Австрийский Фердинанд с 1826 г. февр. 4 по 1850 г. ноября 7.

2) Император Германский, Король Прусский Фридрих III с 1857 г. марта 19 по 1888 г. июня 6.

3) Его Императорско-Королевское Высочество принц Генрих Прусский с 1888 г. июля 8.

Краткая библиография

1. *Альбовский Е.* История Харьковского слободского казачьего полка (1651—1765). Х. 1895.

2. *Альбовский Е.* История Харьковского полка (11 Драгунский Харьковский Ея Императорского Высочества Великой Княгини Александры Петровны полк). — Минск. 1897.

3. *Альбовский Е.* Валки украинный город Московского государства. Харьков. 1905.

4. *Альбовский Е.* Харьковские казаки. — СПб. 1914.

5. *Багалей Д. И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. — М. 1886.

6. *Багалей Д. И., Миллер Д. П.* История города Харькова за 250 лет его существования: В 2 т.: Т. 1. — Х. 1905.

7. *Багалій Д. І.* Історія Слобідської України. — Х. 1990.

8. *Богданович Я.* Участие Харьковского драгунского полка в отечественной войне. — СПб. 1911.

9. *Богданович Я.* Хроника 4-го уланского Харьковского полка. — Белосток. 1913.

10. *Гербель Н.* Изюмский слободской казачий полк. — СПб. 1852.

11. *Гербель Н.* На двухсотлетие Изюмского гусарского полка. — СПб. 1851.

12. *Гербель Н.* Изюмский гусарский полк в войнах 1812, 1813 и 1814 годов // Военный сборник. — СПб. 1852.

13. *Головинский П.* Слободские козачьи полки. — СПб. 1864.

14. *Данилевич В. Е.* Время образования слободских черкасских полков // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. — М. 1909.

15. Записки генерала Изюмова о действиях Чугуевского уланского полка в 1812 году // *Военский К.* Отечественная война 1812 года в записках современников. — СПб. 1911.

16. Записки о слободских полках с начала их поселения до 1766 года. — Х. 1812.

17. *Квітка-Основ'яненко Г.* О слободских полках. // Квітка-Основ'яненко. Твори. В ? т. Т. 7. К. 1970.

18. *Милорадович М.А.* Материял для истории Изюмского слободского казачьего полка. — Х. 1858.

19. Памятка 11 Изюмского Его Королевского Высочества принца Генриха Прусского полка. Составители: М. К. Соколовский и князь А. С. Эристов. — СПб. 1912.

20. Переписка Д. М. Юзефовича (1805—1820 гг.). Из семейных бумаг Б. М. Юзефовича. — СПб. 1902.

21. *Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. — Х. 1853.

22. *Хлебников Н.* История 32-го драгунского Чугуевского Ее Величества полка 1613—1893. — СПб. 1893.

Монографія

ПОТРАШКОВ Сергій Васильович

ХАРКІВСЬКІ ПОЛКИ: ТРИ СТОЛІТТЯ ІСТОРІЇ

Редактор *Т. Уліщенко*
Дизайн обкладинки *О. Шамрай*
Верстка, підготовка ілюстрацій *А. Романова*
Коректор *В. Алєсіна*

Здано до складання 19.06.97. Підписано до друку 10.04.98.
Формат 60×90/16. Папір офсетний № 1. Гарнітура Гарамонд.
Друк офсетний. Обсяг 10,5 умов. друк. арк. Наклад 1500 прим.

Видавництво «Око». 310002 м. Харків, вул. Артема, 44



Рядовой Харьковского гусарского полка 1776—1783 гг.



Рядовой легкоконных полков 1786—1796 гг.



Офицер конноегерских полков 1789—1792 гг.



Офицер Харьковского драгунского полка 1812—1814 гг.



Трубач Изюмского гусарского полка 1807 г.



Чугуевский казачий офицер 1808 г.



Офицер Чугуевского уланского полка 1812 г.



Штаб-офицер Харьковского драгунского полка 1826 г.



Рядовой Изюмского гусарского полка 1843 г.



Чугуевский улан 1833 г.



Рядовой Изюмского гусарского полка 1855 г.



Генерал Чугуевского уланского полка 1869 г.



Офицер Изюмского гусарского полка 1878 г.



Офицер Харьковского драгунского полка 1882 г.



*ПОТРАШКОВ Сергей Васильевич (род. в 1956 г.) выпускник Харьковского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и музеологии Харьковского государственного института культуры.
Автор многочисленных публикаций по проблемам дипломатии и военной истории России, Украины, СССР, Болгарии в XIX—XX вв.*

Без малого три века насчитывает история харьковских полков. Они принимали участие почти во всех войнах, которые вела Россия, достойным образом разделяли славу ее побед и горечь поражений.

Нелегкой оказалась судьба казачества, заселившего и освоившего плодородные земли Слобожанщины. Ему пришлось пережить опустошительные набеги татар, разорительные реформы самодержцев, изнурительные походы в чужие земли, произвол и грабежи собственной старшины.

Памяти наших героических предков и посвящает свою книгу автор.

ISBN 966–526–042–1